

УКРАИНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
КИЕВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Святитель Феофан Затворник

**Псалом Давида 118-й
2 ЧАСТЬ**

© Сканирование и создание электронного варианта:
Библиотека Киевской Духовной Академии
(www.lib.kdais.kiev.ua)

Киев
2012

Господи Иисусе Христе, Сыне и Слове Божий
помяни и помилуй почивших сих рабов Твоих!

Николая	Галину	Светлану
Владимира	Алексия	Игоря
Григория	Варвару	Алексия
Григория	Афанасия	Александра
Харитину	Николая	Устину
Павла	Ивана	Параскеву
Даниила	Даниила	Пелагею
Анастасию	Евгению	Владимира
Елизавету	Марию	Ивана
Елену	Василия	Софию
Игната	Петра	Юрия
Игната	Ивана	Отр.Евгения
Софию	Ивана	Тамару
Ефима	Ирину	Галину

Читающий, помолись по возможности за эти души,
близкие дарителю книги(в Киево-Печерскую Лавру)

СВЯТИТЕЛЬ
ФЕОФАН ЗАТВОРНИК

Псалом Давида 118-й

ТОЛКОВАНИЕ БЕСЕДОВАТЕЛЬНОЕ

Украинская православная церковь
Полтавская епархия
Спасо-Преображенский
Мгарский монастырь
2003

ими же веси судьбами, спаси мя! Такой же смысл имеют и слова пророка.

Опытные в таком делании говорят: когда страсть возбуждается и помыслы смущают душу, не борись сам, а зови Господа на помощь, и Он защитит тебя. Так это и бывает. Но как в одном случае, так и в другом, и во всяком; как в один день, так и во все, всегда и во всем ищи защиты у Господа, и Он не даст тебя в обиду врагам. Так и идет борьба со страстями. А добродетели как вкореняются? Я, говорит апостол, *насадил, Аполос напоил, а возрастил Бог*¹. Так было у коринфян; так бывает и со всяким. *Без Мене*, говорит Господь, *не можете творити ничесоже*². Стало быть, нечего и братья. Становись, и взывай: *оправданием Твоим научи мя, Господи*.

Святой Амвросий пишет: «Пророк того ради желает быть от Самого Господа научен оправданиям Божиим, что на земле трудно найти такого учителя, который ухитрился бы научать тому, чего сам не ведает. Потому-то он внутренним желанием устремляется к Тому учителю, Который один есть истинный Учитель; да и как человек может учить чему-либо истинному, когда сам он — ложь? И праведно Господь не велел кого-либо на земле нарицать своим учителем, потому что настоящий учитель один для всех. И как Давид мог бы другого искать учителя,

¹ 1 Кор. 3, 6. — ² Ин. 15, 5.

когда сам сказал о Боге: *учай человека разуму*¹? Учит же Бог и души просвещает, вливая в них свет ведения, когда ищут Его и отверзают уста сердца своего для принятия светлости небесной благодати. *Ищите, и обратите*²; толцы и в дверь Писания, и отверзется тебе, но опять не иным кем, как Богом Словом, о Котором читаешь ты в Апокалипсисе, что Он, яко Агнец, отверз книгу, запечатленную печатями».

Девятое восьмистишие идет под буквою *тет* — *брение*.

Брение, грязь, есть, между прочим, и уничижительное слово; так мы говорим иногда: с грязью смешать. Но есть и целительные грязи; и Господь, сотворив брение от плюновения, помазал очи слепому и исцелил его. Брение в руках скульника дает в производстве разные изделия, годные на всякую потребу. Какую же мысль принять в руководство при размышлении о сем восьмистишии? — Можно взять и мысль о брении как о целительной грязи, и видеть в этом месте указание того, какие целительные средства употребляет Господь для врачевания душ,

¹ Пс. 93, 10. — ² Мф. 7, 7.

недугующих грехами; можно взять мысль о брени как о материале, из которого скудельник выделывает разные сосуды, и видеть в этом месте то, каким образом Господь, взяв души как брение, делает из них сосуды в честь. Обе мысли прилагаются удобно; но, чтобы не путаться в наведениях, берем одну последнюю. В подобном значении слово *брение* употреблено и апостолом Павлом: *или не имать власти скудельник на брени, от тогожде смещения сотворити ов убо сосуд в честь, ов же не в честь?*¹ Как скудельник делает сосуды, подвергая брение разным операциям, так и Господь образует душу, подвергая ее разным воздействиям, внутренним и внешним. Эти образовательные в руках Господних средства суть духовные — благодать и слово Божие (стихи 65, 66) и внешние, по Божью устроению, — жизнь скорбная или счастливая (стихи 67, 68), и по Божью попущению, нападки людей небогобоязненных (стихи 69, 70). Указав это, пророк как бы сводит итог образовательных Божественных действий и обозначает, сколь успешно это действие (стихи 71, 72). Он говорит все о себе; но надо полагать, что в каждом отдельном случае он понимает и особые лица. На себя же все сводит для того, чтобы читающий, поняв что к нему относится, тем же оборотом речи слово пророка мог относить и к себе. Восьмистишие это, очевидно, состоит в прямой

¹ Рим. 9, 21.

связи с предыдущим. Там он показал, как грешник, все более и более вырываясь из уз греха, наконец, предает себя всецело в руки Господа, а здесь показывает, как Господь относится к такой душе, взяв ее, как брение. Пророк коротко коснулся духовного воздействия на душу, а раскрывает больше то, как *Господь внешнею участию прибегающих к Нему способствует их внутреннему преуспеянию*. Так можно и выразить смысл этого восьмистишия.

Стих шестьдесят пятый

Благодать сотворил еси с рабом Твоим, Господи, по словеси Твоему.

Кому прилично такое слово? — Обращенному благодатию Божиею от греха к добродетели. В его лице и говорит пророк: «Изведал я опытом благодать Твою». «Наставленному в Божественных заповедях, говорит святой Афанасий, преподается урок быть не бесчувственным к благодеяниям Божиим, так как он не освободился бы от греха и не был бы сопричислен к рабам Господним, если бы не была тому виною Божественная некая благодать. Таков был святой Павел, который никогда не забывал великой милости Божией, явленной ему в его обращении к вере во Христа, и который не пропускал ни одного случая прославлять благодать Божию, просветившую и хранящую его. Таковы и все надлежащим

образом пользующиеся таковою благодатию, ибо непамятование о сем означало бы, что они испали от нее».

Кто идет путем погибельным, тот сам вступает на этот путь; никто не виноват тут, кроме его самого. По-нашему, и пусть бы шел; но благодать Божия не может сносить того, что украшенный образом Божиим безобразит его чрез грех и чрез сообщество с врагами Божиими; потому Он разными способами открывает себе вход в душу его, чтобы внушить ей опасность такого пути и дать восчувствовать ее: то внутренно воздействует Он чрез ум и совесть, то внешне, чрез слово Свое, чрез дивные дела Своего промысления, чрез примеры людей богобоязненных и чрез многообразное сплетение вразумляющих обстоятельств жизни. Всем этим останавливается грешник на пути своем и погружается в раздумье. Но и тут, когда начнет раздумывать, благодать Божия блюдет возникающие добрые намерения и дает им перевес. Затем, когда выскажет человек решение: *часть моя еси, Господи: рех сохранить закон Твой* (стих 57), она воодушевляет его и преисполняет силою привести в исполнение такое решение. Когда начавший действовать в этом новом порядке жизни обратится вспять и припомнит, как все устроилось, то ничего не может сказать, кроме того, что *благодать сотворил еси, Господи, с рабом Твоим*; погигать бы мне, но вот благодать

Твоя пробудила меня от беспечности, просветила слепоту мою, и извела меня *из рова страстей из брениа тины* греховной¹. Слава долготерпению Твоему, Господи, не погубившему меня во время греховного моего безобразия! Слава милосердию Твоему, призвавшему меня на путь добродетели и научающему меня по силам моим угождать Тебе! Слава благоснисхождению Твоему, несмотря на малость усердия моего, не бросающему меня и не дающему врагам моим снова возобладать мною! *Благодать сотворил еси с рабом Твоим!* Я не был рабом, или был и тогда рабом по долгу, но бежал от лица Твоего по своеволию и ходил в волях своих, свергнув благое иго Твое и совсем забыв о подработности Тебе. Но от лица Твоего куда убежишь?! Только враг до того ослепляет нас, что нам думается, будто не видит Бог; око же Твое все видит. Видело оно и меня на распутьях моих и во всех непотребствах моих; но не погнушалось снова возвратить меня на путь правый и из непотребного раба сделать потребным, хоть сколько-нибудь начавшим угождать Тебе и хоть малое что делающим в доме Твоем по воле Твоей. *Благодать сотворил Ты, Господи, со мною*, сотворив меня снова рабом Твоим!

Благодать сотворил еси, Господи, со мною по словеси Твоему. Какое же это слово? — *Живу Аз*, глаголет Господь, *не хочу смерти грешника, но еже обратится*

¹ Пс. 39, 3.

*нечестивому от пути своего, и живу быти ему*¹. И то уже благость, что есть такое обетование, ибо грешник, пока грешит, дерзости его и самонадеянности предела нет, а когда бывает пойман законным Владыкою своим, и глаз к Нему не смеет показать. Не будь такого сильного обетования, враг всех успевал бы ввергать в отчаяние. Только на него опираясь, наперекор страшливости своей, приступает грешник к Господу. К успокоительной же благонадежности восходит уже после того, как удостоится милостивой встречи и приятия от Отца Своего Небесного. Воспомяв это, пророк и исповедует, что точно Господь сотворил благость с рабом Своим по словеси Своему, совершенно так, как обетовал, вполне согласно с тем.

Стих шестьдесят шестой

Благости и наказанию и разуму научи мя, яко заповедем Твоим веровах.

Ты позвал меня от греха на путь заповедей Твоих; я уверовал, что действительно нет другого пути, кроме пути заповедей Твоих, и вступил на него. Дополни же дело благости Своей, научи меня как идти сим путем, чтобы шествие мое было благоугодно Тебе: *благости и наказанию и разуму научи мя*, — «благости, объясняет Зигабен, то есть любви к братьям моим, — наказанию, то есть

¹ Иез. 33, 11.

искусству в деятельной добродетели (благоразумию), — разуму, то есть ведению Божественных вещей или совершенству созерцательному. Научи меня так, чтобы я обладал этими качествами».

В первом стихе сказано о принятии покаявшегося в школу Божию; здесь же представляется программа образования. Все показанные предметы указаны в слове Божиим: изучай это слово и узнаешь их. Но пророк ищет от Господа научения, потому что обучение себя словом Откровения есть только внешняя наука; созидание же и образование внутреннего человека совершается под действием слова невидимую благодать Божию, потому он и молится: Сам, Господи, приди и привей к душе моей эти качества, чтобы, действуя по ним, я действовал не как по уставу написанному, а сам из себя, словно мне и свойственно было так действовать.

Научи: я готов все слушать и все делать, как внушишь, — только научи; так как я знаю, что ничему не научишься, если не станешь учиться; но знаю, опять, и то, что нельзя научиться, если не учат. «Может быть, толкует это место блаженный Августин, я окажусь и непонятливым в чем-либо, но Ты, как некогда ученикам Своим отверз ум разумети Писания, отверзи и мой ум. Может быть, и пойму иное, но не буду уметь делать, так

Ты научи меня *творити волю Твою*¹. Может быть, будет и умение делать, но не будет доставать усердия к деланию; так вдохни же Ты в меня благую любовь, источник усердия на всякое добро, чтобы земля сердца моего всегда износила благой плод в угодность Тебе. *Се душа моя, яко земля жаждущая*², жаждет поучения Твоего».

Научи меня *благодати*. «Молится, продолжает блаженный Августин, чтобы Бог вдохнул любовь к добру, сладкую, охотную, или, говоря прямее, да даруется от Бога любовь к Богу, и ради Бога любовь к ближнему». Этим желается созидание внутри всего нравственно-религиозного строя, угодного Богу. Это верх обучения Божия. В ком водворится любовь, того уже нечему учить. Она сама далее все поделает.

Научи *наказанию*. Люди не наказанные³, значит неразумные люди. Стало быть, наказание есть разумность действия, или умение надлежащим образом действовать, мудрость практическая. Она определяет место, время, средства, соответствие лицам и всем другим соприкосновенностям дел, чтобы всякое дело являлось прекрасным, как прекрасное изделие искусного художника. Любовь — дух жизни, наказание — внешнее ее благообразие.

Научи *разуму*, то есть ведению таинств веры. Как взошедшее солнце освещает все на земле и

¹ Пс. 142, 10. — ² Пс. 142, 6. — ³ Не наставленные. — *Ред.*

всю атмосферу делает светлую, так и ведение Божественного освещает всю область ума и все сущее и бывающее делает ясно светлым. Светлость дает вкусить радость жизни, прогоняет сон и поднимает на дело и делание. Освященные предметы сами манят к себе и сами же дают понять, с какой стороны подойти к ним. Оттого все видящий светло не может быть недейственным. Умственная же темнота, напротив, отсекает энергию, и если она подвигается натуральным побуждением, то действует тогда, как нечто пришлое. Свет ведения в жизни так много значит, что без него жизнь не может быть успешною. Потому-то хоть это поучение стоит и позади других, но на деле оно всегда впереди.

Указанное здесь обучение происходит духовным образом. Оно почерпается из слова Божия, прививается Божиею благодатию к сердцу того, кто все познанное обращает и в дело. Основа же обучения — вера. Если ученик не верит учителю, то и азбуке не выучится. Тем более духовной жизни нельзя научиться, если приступишь к этому не с полною верою, что это заповеди Божии, что они ведут к Богу, делают благоугодным Ему и прямым путем приводят к наследию вечного блаженства. Только неколеблющаяся вера во все это поддерживает усердие к обучению и дает крепость и силу довести его до конца.

Стих шестьдесят седьмой

Прежде даже не смирити ми ся, аз прегреших, сего ради слово Твое сохраних.

С этого стиха и далее изображается Божие обучение со внешней стороны. Тут говорится об обучении чрез скорби, беды и лишения; в следующем же стихе — чрез счастливое течение жизни. «Здесь, как объясняет Зигабен, говорит пророк: прежде, чем подвергся я злостраданиям, грешил; но, нагрешив, привлек наказание и смирен им. Будучи же вразумлен этим, я образумился, и начал хранить закон Твой, и храню, чтобы, согрешив, опять не подвергнуться смирительному наказанию».

Святой Афанасий пишет: «Будучи предан бедам за прежние мною содеянные грехи, доведен я до смирения, претерпев это по праведному суду Божию. Посему-то, подвергшись врачеванию, прошу научить меня и привести в познание, что смирение, до которого доведен я, служит к пользе и к вразумлению моему».

Вот слово и блаженного Феодорита: «Сам я, говорит пророк, навлек на себя наказание; в определении о моем наказании нет ни малейшей несправедливости; за грехом последовало наказание, за наказанием хранение законов. Был я болен, потерпел от врача сечение, и стал здоров».

«Видь благость Божию в непопадении, взывает святой Амвросий. Наказывание есть

признак любви, а не отвержения. Благ Господь во всем, и когда прощает кающегося, и когда наказывает грешного: *егоже бо любит Господь, накажут*¹. Пророк говорит как бы так: наказание на время казалось мне горьким, но оно принесло благой плод — воззвало меня от греха: *наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя*². Отсюда всякому, кого смиряют обстоятельства, вот какой урок: «не стыдись сознать вину свою и исправиться, и затем блюдись, чтобы не согрешить опять».

Пророк указывает только на то, как скорби и лишения обращают на путь добродетели. Опыты того, что так действительно бывает, повсюдны. Но они же в руках спасающего нас Промысла Божия служат иногда верным, а нередко и исключительным средством и к тому, чтобы держаться на этом пути и возводить исправляющегося к возможному совершенству. Пророк и не говорит, чтобы смирившие его обстоятельства изменились, когда он начал хранить слово Божие, а только указывает, какую произвели они в нем перемену. Для иного путь тесный и прискорбный есть самый надежный страж добродетели, да, может быть, и для большей части из нас. Недаром же ревнители нравственного совершенства, по зрелом обсуждении дела, находят, что гораздо лучше, оставя все, вести жизнь среди прискорбных

¹ Евр. 12, 6. — ² Пс. 117, 18.

лишений. Если человеческое благоразумие так находит, то не тем ли более Божественная премудрость? Или не потому ли человеческая мудрость так поступает, что следует внушениям Божиим, или примерам Божеских распоряжений в устройении участи усердно работающих Ему?

Послушаем на этот предмет наставление святого Павла: *Сын мой, не пренебрегай наказания Господня, и не унывай, когда Он обличает тебя. Ибо Господь, кого любит, того наказует: бьет же всякого сына, которого принимает. Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами, как с сынами; ибо есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец? Если же остаетесь без наказания, которое всем обще, то вы незаконные дети, а не сыны. Притом, если мы, будучи наказываемы плотскими родителями нашими, боимся их, то не гораздо ли более должны покориться Отцу духов, чтобы жить? Те наказывали нас по своему произволу для немногих дней, а Сей для пользы, чтобы нам иметь участие в святости Его. Всякое наказание в настоящее время кажется не радостью, а печалью; но после наученным чрез него доставляет мирный плод праведности. Итак, укрепите опустившиеся руки и ослабевшие колена, и ходите прямо ногами вашими, дабы хромлющее не сокрушилось, а лучше исправилось¹.*

¹ Евр. 12, 5—13.

Стих шестьдесят восьмой

Благ еси Ты, Господи, и благодатию Твоею научи мя оправданием Твоим.

Для одного скорби вразумительны, а другого они могут ожесточить. Такого скорее образумит неожиданное счастье, чем какие-либо потери. Вот такого-то человека и берет здесь пророк и, как бы опасаясь, чтобы скоро не последовал удар свыше, молится: не наказывай, но, яко Благий, благодатию Твоею научи меня!

И в медицине не все лекарства горьки и не все пластыри рвут или жгут: есть лекарства сладкие, есть пластыри, приятно действующие. Хороший врач, когда видит, что без ущерба лечению может пользоваться без боли, всегда избирает последнее и сам по себе, а тем более когда о том его просят. Не тем ли более поступит так сердобольный Отец наш Небесный, Который лучше всех видит, что кому благопотребно? «Посмотри на врача, говорит святой Амвросий, то горькие употребляет он лекарства, резания и прижигания, то приятные и не производящие ничего болезненного. Но когда больной по своему темпераменту не может сносить болезненного лечения, то долг врача избегать горьких медикаментов или так составлять их, чтобы горькое было скрываемо в приятном. Так действует и Господь на нас, врачуя наши нравственные немощи».

Нас часто смущает вопрос: отчего неравна участь людей? — Никто еще не умудрился объяснить этого до осязательной очевидности в частностях. Но общий закон промышления Божия в этом отношении ясно открыт в слове Божиим, и притом самый утешительный. Богатство и бедность, слава и безвестность, преобладающее господство и смиренное послушание, и все прочее, чем испещрен быт человеческий на земле, суть в руках Божиих нравообразовательные средства. Что кому лучше идет в этом отношении, то ему и подается. Лучше светлый быт — подается светлый; лучше низкий — подается низкий; лучше средний — средний и дается. И никак нельзя вступить в спор: вон тому как хорошо, а он между тем вовсе не так-то исправен. А почему ты знаешь, — может быть, если умалить его благосостояние, он станет еще хуже? Равно нельзя говорить: вот если б тому-то посчастливилось, сколько бы было от него добра! А знаешь ли, что если улучшится его состояние, он сам станет лучше? Всякому дана такая участь, в которой одной он и может делать наибольшую сумму добра. При другой участи он не может столько делать, а изменить ее на худшее или на лучшее — значит ввергнуть его в зло существенное. Цель бытия нашего на земле — нравственное совершенство, для должного приготовления себя к вечности. Все сюда и направлено Господом.

Полная разгадка разнообразия участи наших будет там. Там все увидят, как все хорошо было устроено, а здесь мы живем пока во тьме. Разумнее всех тот, кто, всецело предав участь свою и всех людей в руки Господу, держит себя спокойным в отношении ее неравностей.

Есть сказание, как один жил трудами рук своих и все, что вырабатывал, раздавал бедным, удерживая на свою долю лишь столько, сколько нужно на прожитие; на утро ничего не сберегалось. Кто-то из богоугодных людей, видя, как он благоденствует, подумал: что если б ему достаток, сколько бы наделал он добра! — и стал молиться, чтобы Бог послал ему довольство. Послал Бог; но тот, сделавшись богатым, не только не стал помогать бедным, но и гнал их от себя с ожесточением. Увидев это, он опять помолился, чтобы Господь лучше возвратил его в прежнее труженческое житье. Господь и возвратил, и тот опять начал жить по-прежнему, делясь тем, что добывал, с бедными. В этом же роде были бы и все другие поправки участи людских, какие мы придумаем иногда с нашим благоразумием и правосудием.

То же и относительно изменений в участях: иному лучше постоянно ровное состояние, иному то повышение его, то понижение, а иному однократное изменение из лучшего в худшее или из худшего в лучшее. Иов то в высшей степени

счастлив, то крайне несчастлив, то опять счастлив; Авраам всю жизнь живет в полном довольстве; Иосиф из раба делается правителем целого царства; Саул бедственно кончает жизнь и для всего рода своего полагает конец царскому величию.

Так действует Господь не потому, что имеет власть и силу изменять участи людей, а потому, что так действовать лучше всего для них самих, для их последних целей. А так как и счастьем ведет Господь к добру, то очень уместна и молитва: *благостию Твоею, Господи, научи мя оправданиями Твоими.*

Стих шестьдесят девятый

Умножися на мя неправда гордых, аз же всем сердцем моим испытаю заповеди Твоя.

Стих этот и следующий показывают, как способствуют совершенству нравственному людские напраслины. В руках Божиих и они обращаются в орудия для образования человека и обучения его добру.

Спаситель сказал святым апостолам, а в лице их и всем верным, что Он изъемлет их из мира и что за это будет ненавидеть их мир. Если бы, говорит Он, вы от мира были, то мир любил бы вас, как свои исчадия; ныне же, поелику Я изъял вас из мира, то мир вас не перестанет ненавидеть. Так это всегда и бывает: входит ли в

соприкосновение с людьми века сего ревнитель о богоугождении, или нет, — одна известность о том, что он таков, отвращает от него живущих в самоугодии. И это понятно: он обличает их собою. Они не могут отрицать, что и сами должны бы быть такими же, как и он; но терпеть не могут, когда напоминают им о том. Да и он хоть ничего не говорит им, но мысль о нем, а тем более присутствие его растревоживает их совесть, которая начинает их точить; значит, он и виноват. Без встреч неприязнь к нему глухо ходит по сердцу; но при первой встрече обнаруживается недоброхотством и желанием мешать во всем и вредить ему; желания обращаются в дела, и чем дальше, тем больше. Без вины виноватый богобоязненный человек со всех сторон осыпается укорами, напраслинами, обидами, оскорблениями. Не может этого он не видеть, и хоть благодушно терпит, но перед Богом праведно свидетельствует, что умножилась на него, и все более и более умножается неправда людская.

Умножися. Пророк не жалуется, а только свидетельствует о том с тем, чтобы сказать: они свое, а я свое. «Чем усерднее кто работает Господу, говорит святой Амвросий, тем более возбуждает к себе врагов, как тот мужественный борец, который вызывает против себя множайших соперников, чтоб, одолев их, стяжать светлейший венец правды».

Неправда. То-то и воодушевительно, что неправда. Что вы терпите скорби, говорит святой Петр, об этом не тужите много. Об одном только заботьтесь, чтоб это не было по вашей какой-либо вине. Если же страдаете только за то, что ревностно служите истинному Богу, то радуйтесь. *Аще укоряеми бываете о имени Христове, блаженни есте: яко славы и Божий Дух на вас почивает. Понеже приобщаетеся Христовым страстем, радуйтесе, яко да и в явление славы Его возрадуетсяя веселящесе*¹.

Гордых. Пророк называет гордыми вообще живущих в богозабвении, не желающих знать заповедей Божиих, но вместе с тем сильных земли, держащих в руках своих какую-либо власть, или знатных и богатых. И в обыкновенных грешниках, при плохой внешней их обстановке, гордость есть главная причина греха, а тем более у таких, которые почему-либо выше других. Зазнается человек, и забывает Бога, и начинает презирать закон Его. Затем уже нелюбы ему и все люди богобоязненные и строгие исполнители заповедей Божиих. Но как бы они ни злились, а я *всем сердцем испытаю заповеди Твоя*. «Как бы ни множилась неправда, изъясняет блаженный Августин, любовь моя к заповедям Твоим не иссякнет. Так говорит тот, кто в сладость поучается в оправданиях Божиих. Сладки ему заповеди Божии, и он

¹ 1 Пет. 4, 13–14.

исследует их с любовью, чтобы познанное делать и делая познавать; потому что познанное совершеннее познается, когда исполняется делом».

Испытаю — буду исследовать и углубляться в значение Твоих заповедей, чтобы понять их во всей широте воли Твоей, выраженной в них, не обсекая их и не сокращая потому только, что встречаю препятствия и что это противно сынам века. Как познаю, так и исполнять буду, то есть буду показывать опыты исполнения заповедей Твоих в совершенстве, пред лицом врагов Твоих и всякой правды, ненавидящих и меня. На то себя определяю, чтоб быть всегда верным заповедям Твоим, не принимая в расчет противодействия тому гордых; даже учиться у них буду, ибо то должно быть и есть настоящая воля Твоя, против чего они более восстают. И буду еще учиться из того, что стану придумывать, как бы, несмотря на их противление, всегда приводить в исполнение дела, угодные Тебе.

Стих семидесятый

Усырися, яко млеко, сердце их, аз же закону Твоему поучихся.

Что вышло из умножения неправды гордыми и из верности заповедям человека богобоязненного? — У тех сердце ожестело или отолстело, а этот вполне обучился закону Божию.

Усырися сердце, ожестело как сыр. Молоко, сгустившись и ожестевши, становится сыром, так

и сердце гордых, по природе мягкое, жестеет от неправды. «До того простерли гордость, говорит святой Афанасий, что сердце в них стало, как сыр». «Это сходствует, пишет Феодорит, с пророческим изречением: *одебеле бо сердце людей сих, и ушима своими тяжко слышаша, и очи смежиша*¹; сходствует и с тем, что в книге Исхода сказано о Фараоне: *ожесточися сердце Фараоново*². Посему пророк и говорит: они имеют сердце упорное, и сами претворили мягкость его в грубость, подобно тому, как сгущают и усыряют молоко, а я таял, поучаясь закону Твоему». Значение этого одно и то же — упорное противление Богу и Божиим порядкам: *уты, утолсте, разшире, и забы Бога создавшего его*³. «Сердце святых, говорит святой Афанасий, утончено, а сердце гордых утолщено».

Так бывает с бедным сердцем человеческим потому, что не в ту сферу вводит его неправда, в какой ему следует быть по естеству; вот оно и сжимается. «Молоко, пишет святой Амвросий, по природе своей чисто, приятно на вид и подвижно, а когда портится, то закисает. Так и сердце человеческое по природе чисто, мягко, тепло, но, когда примешается в него порок, оно хладеет, жестеет и мрачится. Молоко, окисши, сседается и уже не имеет свойственной ему приятности; так и человек, пока не поврежден неправдою, бывает приятен в словах и в обращении, но когда

¹ Ис. 6, 10. — ² Исх. 8, 19. — ³ Втор. 32, 15.

уклоняется в неправду — изменяется, ибо иным становится сердце его. Неправда сжимает его, и, вместо приятного доброхотства, оно исполняется горечью недоброжелательства. Так усыряется сердце гордостью и неприязнью, когда естественную его кротость, источающую доброту, повреждают закваскою злобы и лукавства».

Жестеет сердце с первых опытов неправды и потом все более и более ожестевает; конец этого — состояние ожестечения. В противоположность сему у богобоязненного под действием неправд созревает обученность закону, подвижность на всякое добро и твердость в доведении начинаемых добрых дел до конца. А так как он не по чувству только долга стоял в добре, но всем сердцем, по любви к нему, и наипаче к Тому, Кто дал закон, то, чем больше он устаивает в нем, несмотря на ожесточенное сопротивление тому, тем теплее согревается сердце любовью, тем оно мягче, и человек сердечнее. Сам он всегда тепл и вокруг себя распространяет теплоту.

Пророк говорит: *поучихся*, научился, узнал, все обсудил, или делом изучил, и знаю твердо, содер-жа то в сердце. Что ни встретилось бы мне, нет нужды ломать голову, чтобы усмотреть, как лучше поступить: само сердце мне то скажет. Как из порочного сердца, по слову Господа, при разных встречах исходят помышления злые, так и из сердца доброго исходят помышления добрые,

указывающие, какое добро и как следует сделать в тех или других обстоятельствах. *Поучихся* — напоминает слово апостола о чувствах, обученных в рассуждении добра и зла. Таким образом, оправдывается самым делом то, что неправда гордых, устремляемая, по попущению Божию, на боящихся Бога и хранящих закон Его, есть, по Его промыслительному устройению, школа для обучения сих последних в добре. И пророк, говоря, что научился, свидетельствует, что цель обучения достигнута, что школа эта действительно доводит поступающих в нее до того, что требует изучения и для чего они вводятся в нее.

Так-то в жизни все зависит от того, с каким духом встречают бывающие случайности. Ни одна из них, по природе своей, не ведет к злу: зло от произволения. Что вредного для Иосифа сделала жена Пентефриева? — Ничего. Она только в большем блеске явила его целомудрие, а другие сами напрашиваются на грех. Будь тверд; и внешние случаи, могущие ввести в грех, не только не повредят тебе, а, напротив, послужат к большому утверждению тебя в добре. Одна устойчивость проложит дорогу к другой, и так далее. В конце добудется стойкость в добре — не легкая, а любовная, сердечная, привлекающая.

Стих семьдесят первый

Благо мне, яко смирил мя еси, яко да научуся оправданием Твоим.

Как успешно окончивший курс в каком-либо заведении изъявляет сердечную благодарность обучавшим его, так и пророк, прошедши Божию школу нравственного обучения горестями жизни и напраслинами людскими, благодарит Бога, введшего его в этот скорбный путь обучения и прошедшего чрез него с успехом. Когда говорит: *яко да научуся*, то указывает не цель Божию в смирении его, а свидетельствует о достижении ее. Мысль у него такая: ввел меня Господь в эту школу, чтобы научить; я прошел этот курс, и теперь, слава Богу, научен; иначе не научиться бы мне.

Святой Афанасий пишет: «Пророк как бы так говорит: благодухшествую в немощах, в оскорблениях, в нуждах, в гонениях, в теснотах, только бы явиться достойным оправданий Твоих, ища того, чему иначе и научиться невозможно».

«Пророк, говорит Феодорит, восписует врачу благодарность за жестокие врачевства, дознав, что ими возвращено здоровье». Господь мог бы обучить и не вводя в лишения и скорби, но того требуют правда и благость. Грешник, кающийся и исправляющийся, то есть обучающийся заповедям, идет из области греха противоположно тому, как погружался в нее. Возлюбив грех, набрал он

себе греховных навыков и привязался ко множеству вещей, удовлетворяющих этим навыкам. Такие вещи ценны в очах его. Господь снимает с них эту призрачную ценность отнятием их, показывая делом, сколь они ничтожны и сколько грешат, действуя в угождение людям. За это и оплачивается он, покаявшись, перенося благодушно напраслины от людей, — иногда даже от тех, которым прежде угождал. Лишения и напраслины — это очистительный путь.

Припомним и тактику врага, который всюду встречается и с своим злоумышлением. Пока у кающегося и исправляющегося еще не испарилась сочувствия к предметам страстей, до тех пор он надеется возвратить опять к себе бежавшего из его области, возбуждая злые помыслы и пожелания. Но когда сочувствие это иссякнет, и в сердце водворится трезвенность и чистота тогда этот способ соблазнения уже не подает ему никакой надежды на успех. Он обращается к другому: не успел увлечь в похоть, ну так устрой дела так, чтобы увлечь его в ненависть. Для этого он поднимает против своего нелюба людей, подручных себе; и вот начинают они осыпать его оскорблениями, насмешками, обидами, притеснениями, гонениями, всякими неправдами, даже сами не понимая иногда, для чего так делают. Но труженик, понимающий, откуда все это исходит и с какою целию, все терпит благодушно, и, как бы

ни были чувствительны напраслины, всячески старается не впасть в неприязнь к кому-либо и не дать, таким образом, врагу восторжествовать над собою и не лишит его плода и всех прежних трудов, подъятых в борьбе с похотью. Сам Господь, попускающий такие искушения, помогает ему устоять. Тогда враг перестает бороться с этой стороны, видя, что нападения его готовят труженику только венцы, а его злоумышлениям не пособствуют. Когда враг отстает, тогда и людские напраслины прекращаются: иные примиряются с ним, иные оставляют его в покое, отстраняясь от него.

Такой ход дела повторяется всюду. Оттого мы видим в писаниях отеческих указания, что когда кто подвергается напраслинам от людей, то значит, что он возводится на высшую степень совершенства. Прошедший эти испытания является очищенным, как золото в горниле, и сияет светлостью боголюбезного нрава, смирением, сокрушением, кротостию, правотою, милостивостию, чистотою, миролюбием и миротворением. Он есть один из числа тех, о коих свидетельствует святой апостол: *иже Христови суть, плоть распяша со страстми и похотми... на таковых несть закона*¹; потому что он не совне им предписывается, а является в них самих, водворенным в сердце их.

¹ Гал. 5, 23—24.

Стих семьдесят второй

Благ мне закон уст Твоих, паче тысяч злата и сребра.

Это и есть то совершенство, с которым труженик исходит из горнила искушений, как указано перед сим. Благ ему закон, потому что он весь им проникнут; ни мысль — движения, ни желание — стремления, ни сердце — сладости вне закона не имеют, а все в нем вращаются. Ум находит в нем удовлетворительное решение всех своих вопросов, сердце — удовлетворение всех вкусов, воля — достижение всех желаний. Вот потому-то он и благ, что дает высшее благо, какого только может желать человек, именно — покой духу. Апостол, в Послании к филиппийцам, объясняет, почему это так: *прочее*, говорит он, *братие моя, елика истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвална, аще кая добродетель и аще кая похвала, сия помышляйте... сия творите; и Бог мира будет с вами*¹.

Закон есть выражение воли Божией. Если законом полно все внутри, значит, волею Божиею полно; элемент Божеский принят внутрь и срастворен со всем существом человека. Он и служит проводником для вселения внутрь Бога, и prepares Ему достойное жилище. И вселяется любобообщительный Бог; а где Бог, там все желанное и превозделенное.

¹ Флп. 4, 8—9.

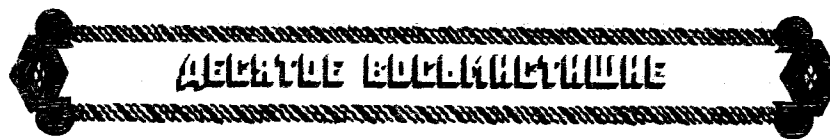
И строгого обучения, о котором поминалось впереди, у Господа цель та, чтобы, очистив душу, приготовить себе жилище в ней. Еще в создании по образу и подобию Своему Он назначал ее для этой цели, но падение расстроило дело. Оно привнесло в нас нечистоту страстей, отдаливших Господа. Сделалось невозможным войти Ему в общение с душою, пока в ней страсти; надо прежде их изгнать, а изгоняются они принятием и сращением с душою противоположных им заповедей. Затем, как сделанная из железа вещь бывает мягка, ненадежна к делу, пока не закалится, так и душу, принявшую все заповеди, закаливает Господь в горниле всесторонних искушений, из которого выходит она уже не только хорошо обделанною во всех частях, но и твердою, прочною, — является то есть благонадежным сосудом для вмещения Господа. Он и вселяется. *Блаженни чистии сердцем, яко тии Бога узрят*¹, — узрят не вне, пред собою, а в себе, у себя дома. Это благо дает закон; оттого и благ он.

Паче тысяч злата и сребра. Под словами золота и серебра здесь представляются все блага мира сего, а *тысящи* — их количество бесчисленное. Собери, говорит, бесчисленное множество благ мира; они все ничто для меня сравнительно с законом уст Божиих. И не думайте, чтобы в этом выражении была какая-нибудь натяжка. У вкусивших

¹ Мф. 5, 8.

посредством верности закону, колико благ Господь, все другие блага возбуждают не сочувствие, а отвращение. Есть вещи, которыми мерзит человек; и что испытывает он, встречаясь с такими вещами, то испытывает и вкусивший Господа при встрече с благами мира, — не как дела рук Божиих, а как предметов, предлагаемых в противовес закону Божию. Иной, может быть, подумает: ну, это уж слишком. Нет, не слишком; но и это сравнение еще мало для пояснения того, как относится сердце, вкушившее благо закона, к тысячам злата и серебра. Отчего иной с такою же жадностью раздает все, с какою никто другой не собирает? — Оттого, что он со всем рассчитался; все для него чуждо, все это сор, который надо разметать. А в заключение всего и жизнь, самое дорогое достояние свое, отдает он за закон уст Господних; и все оттого, что и сердцем, и мыслию, и сознанием он уже не на земле, а в другом мире, куда и стремится, сбросив эту брентную одежду, мешающую ему быть лицом к лицу с Господом. Это, впрочем, естественное течение развития духовной жизни; имеющие ее и в начатках легко понимают это, так как требование духа с самого начала ударяет на такое расположение. Но в совершенстве оно является на последних степенях развития духа, под действием Духа Божия.

 Десятое восьмистишие идет под словом *иод* — *рука*.

Рука — символ всемогущества Божия. Все сотворил, все и содержит Он в деснице Своей и о всем промышляет. Этому соответствует содержание сего восьмистишия. Помянув о сотворении себя Богом и даровании разумения к исполнению своего назначения (стихи 73, 74), пророк далее молится, чтобы Господь улучшил и внешнюю участь его к славе богоугодной жизни. Праведно, говорит, Ты, Господи, смирил меня (стих 75); но буди милость Твоя ко мне и щедроты Твои да приидут на меня, во-первых, по словеси Твоему (стих 76), во-вторых, да жив буду (стих 77), в-третьих, да постыдятся гордии (стих 78), в-четвертых, да обратятся ко мне боящиеся Тебя (стих 79). Но главное, устрой, да будет сердце мое непорочно в оправданиях Твоих (стих 80).

Это восьмистишие, по содержанию, очень сходно с предыдущим, ибо рассматривает жизнь нравственную в том же отношении.

Стих семьдесят третий

Руце Твои сотвориште мя, и создасте мя: вразуми мя, и научуся заповедем Твоим.

Пророк поминает о творении не затем, чтоб излагать этот предмет, а чтобы в сем действии Божиим получить подкрепление молитве своей о помощи Божией к нравственному преуспеянию своему. Я Твое создание, Господи; а Ты создал меня не за тем, чтобы я погибал, но чтобы удостоился вечного блаженства. А так как для этого необходимо исполнять волю Твою, выраженную в заповедях, то вразуми меня и научи, как это сделать.

Поминанием о творении пророк приводит на мысль последнюю цель человека и в указании на нее дает побуждение к богоугодной жизни. Человек создан по образу Божию и подобию для того, чтобы жить богоподобно и чрез богоподобие стать в живое общение с Богом. Благ Господь — будь и ты благ; долготерпелив Господь — терпи и ты; праведен Господь — блюди правду и ты; истинен Господь — возлюби истину и ты; кроток и смирен сердцем Господь — будь таков и ты; милует Господь — прощай и ты; словом, каким благоволил явить Себя Господь, таким будь и ты. Потому-то и сказано: *будьте совершенны, как Отец ваш Небесный совершен есть*¹. Но если собрать все эти свойства Божии и, соответственно тому, выразить нашу обязанность подражать им, то получится весь круг заповедей Божиих. Таким образом, и выходит, что жить в богоподобии значит

¹ Мф. 5, 48.

жить по заповедям Божиим. Пророк и говорит прямо: *вразуми мя, и научуся заповедем Твоим.*

Вразуми, и научуся. Ты дал мне разум, Господи; но разум не источник истины, а сила, приемлющая истину. Видеть все, чему как должно быть, он не может; но он способен уразуметь все, что откроет ему Твоя премудрость. Таким Ты создал его; таков он и у меня: вразуми же меня; вложи в ум мой разумение всего того, что нужно к исполнению заповедей Твоих, то есть вложи и самое познание заповедей с признанием их неотложности, и твердое намерение жить по ним. Тогда я самым делом научусь, как исполнять их и опытом познаю, сколько жизнь по ним блаженна и как прямо ведет она меня к последней цели моей.

«Пророк, рассуждает святой Амвросий, начинает речь, выставляя себя делом рук Божиих, чтобы удобнее приклонить благоволение Творца к творению Своему; ибо хотя материя для нашего тела взята из брения, хотя мы и плотию обложены, костями и жилами сшиты, но никто не усомнится, что человек есть наилучшее творение Божие. Посмотри на одно устройство тела, и найдешь, что ничего не может быть красивее и благоустроеннее его. Впрочем, формы членов телесных превосходны и у других животных, но кроме того в них нечего похвалить; а человек превосходен не тем, что видимо, а тем, что

невидимо, что, содержась в теле смертном, предназначено для вечности, что, пребывая и в земной гостинице, жительствует на небе и состоит в живом союзе с Богом. Посему Соломон праведно воззвал: *велика вещь человек*¹, ибо он есть истолкователь Божественного миротворения и подражатель Богу. Затем и сотворен был человек после того, как уже были благоустроены небо и земля, и притом не словом: *да будет*, но по некоем Божественном совещании: *сотворим человека по образу Нашему и по подобию*². Бог начинал как бы особый некий труд не потому, чтобы для Него не то же было — сотворить великое, как и малое, но для того, чтобы показать особенность человека. *И вдушу в лице его дыхание жизни*³. Внемли же себе, человек, и устремляйся к Тому, дыханием Коего вдохновен ты. Познай, чем ты велик, и возревнуй быть в том великим. Земное в тебе не так велико, но велико то, что носит в себе образ Божий. Неизреченно велико это преимущество! Смотри же, блюди и не погуби великого дара сего. Как это сделать, учит тебя пророк, молясь и тебя поучая молиться: *вразуми мя, и научуся заповедям Твоим*. Сознвая себя духовным, он просит дара, первого между дарами Духа, — духа премудрости и разума, не для того, чтоб исследовать небо и землю, но чтобы точно уразуметь волю Божию и верно исполнять ее».

¹ Притч. 20, 6. — ² Быт. 1, 26. — ³ Быт. 2, 7.

Стих семьдесят четвертый

Боящихся Тебе узрят мя, и возвеселятся, яко на словеса Твоя уповах.

«Я буду поводом к веселию для благочестивых, говорит пророк, потому что я на Тебя уповал и достиг конца, соответствующего сему упованию». Так объясняет это место Феодорит. «Пророк научает, говорит святой Афанасий Великий, что не один он примет сие дарование (то есть что, будучи вразумлен, научится заповедям Божиим), но что будет оно простерто на всех боящихся Господа; ибо (научившийся заповедям) одним только благочестивым приятен, ощутительно познаваемый ими и в слове, и в предначертаниях премудрости, которою он обладает; для других же тяжело и видеть его, потому что жизнь его не похожа на жизнь других и различна от стезей их. Потому он и говорит: *возвеселятся, яко на словеса Твоя уповах*».

Получив вразумление от Господа, пророк надеется, что, с помощью Божественной мудрости, хорошо научится жить по заповедям Божиим, явится то есть совершенным в нравственном отношении. Теперь говорит, что все богобоязненные, увидев его таким, возвеселятся. Чему же? — *Яко на словеса Твоя уповах*, или тому то есть, что хорошо я сделал, возложив упование на словеса Твои, вседушно предавшись им и в совершенстве их исполнив, — или тому, что я не напрасно

уповал, но достиг того, чего надеялся. То или другое — все одно. Удар мысли не на этом, а на том, что богобоязненные, увидев его нравственное преспеяние, возвеселятся. Пророк Божий не особится, но сознает себя состоящим в союзе со всеми богобоязненными, которых обыкновенно интересуется не свой только личный успех, но более всего — успех других, ревнующих об угождении Богу. Славу Божию и славу богоугодной жизни видят они в том, что жизнь богоугодная процветает, что число лиц, живущих по Богу, множится и что всякий, начавши дело свое, доводит его до конца, не останавливаясь на полдороге.

Но, выставляя это пред Господом для умоления Его о помощи себе, он дает разуметь, что и Самому Господу приятно видеть такое общее сорадование успехам в доброй жизни. Господь создал нас на радость; *нечестивому же несть радости¹*, радуется только богобоязненное благочестие. И вот Господь, видя, как расширяется такое радование, утешается тем, ибо это значит, что цель Его в творении достигается. На небе — лики ангелов присно радуются в общем своем составе; на земле по их примеру и общество людей богобоязненных так же радуется общему радостию. Радость жизни разливается всюду. Пророк умоляет Господа тем утешением, которое Он имеет, видя радость богобоязненных.

¹ Ис. 48, 22.

Из этого видно, что не одно сознание живого союза с Богом, но и сознание живого союза со всеми угождающими Богу входит в состав духа богоугодно настроенного как неотъемлемая черта. Один умник сказал: я не вижу этого союза. Неудивительно; потому что он невидим и устроится без особых напряжений и исканий. В каждой местности одинаково настроенные по Богу естественно знают друг с другом, ибо, видя одинаковые стремления, сходятся и сорадуются друг другу. «Чистый, говорит святой Амвросий, естественно располагается к чистому и сорадуется ему; милосердый располагается к щедродательному и сорадуется ему; постник — к постнику, молитвенник — к молитвеннику». Хоть они и не вместе телом, но духом всегда неразлучны. Случись побыть кому в другой местности, и там он скоро спознается с единокорными и становится с ними в один дух. Еще местность — еще общение. Так духовное общение расходится кругом. Сидящий в тесном уголку состоит в живом сердечном союзе со всеми известными богоугодниками и в мысли их держит более, нежели иной, бывая с кем-либо лицом к лицу. В этом общении и крепость жизни. Кто сознает себя одиноким пред лицом Бога, тот да не хвалится, что достолично является пред Богом. Не хочет Бог и не благоволит к таким одиночкам. А пустытники? —

Пустынники весь мир носят в сердце: они не одиночки в духе.

Стих семьдесят пятый

Разумех, Господи, яко правда судьбы Твоя, и воистинну смирил мя еси.

Предполагается, что пророк получил мудрость и научился заповедям, вступил в союз с богобоязненными и обвеселил их всех своим совершенством. Стало быть, эта сторона духовная светла. Теперь он начинает просить, чтобы Господь подвел в уровень с нею и внешнюю его участь. На первом месте ставит сознание, что если она доселе не светла, то в держании ее такую ничего нет неправого: сам я виноват; Ты праведно, Господи, смирил меня. «Пророк, толкует Феодорит, говорит это, преимущественно изъявляя благопризнательность свою. Знаю в точности, говорит он, что право и праведно произнес Ты приговор надо мною, и подверг меня всякого рода напастям».

Разумех... когда это? — После того, как покался, как стал жить исправно и, испросив вразумления, научился заповедям Божиим. А до тех пор что было? — До тех пор и на мысль не приходило посмотреть на жизнь свою с этой точки зрения, то есть как и почему так направляет рука Господня течение ее. Или если и приходило, то в основание и причину, почему она была

такова, никак не ставилась своя грешность и виновность. Грешник, пока в грехе, — слеп и не видит перста Божия над собою, и хоть кругом во грехах, но не имеет того в мысли, что в изменениях своей участи несет наказание за грехи, а скорее склоняется к тому убеждению, что терпит напрасно, и готов отнестись с ропотом к распоряжениям Промысла Божия. Так искривлен у него ум! И недивно, потому что чрез грех получил к нему доступ враг — отец лжи, который и исполняет его своим кривотолкованием.

Но когда благодать коснется сердца грешника и он пробудится от своего греховного сна, тогда мгла, покрывавшая его ум, начинает рассеиваться. Когда завершится покаяние решимостию жить исправно — около него становится уже довольно светло. Жизнь исправная по заповедям усиливает этот свет. Когда нрав добродетельный совсем установится, тогда атмосфера умовая очищается, и ум ясно видит, почему что было в жизни его. Тогда говорит он с пророком: *разумех*, — теперь то есть ясно вижу, *яко правда судьбы Твоя, и воистинну смирил мя еси.*

«Кто, пишет святой Амвросий, понимает пути Промысла Божия, тот может употребить те же слова, какие здесь изрекает святой Давид. Без ведома Божия ничто не бывает; все, что бывает, бывает по Его суду. Но к познанию сего приводит то, о чем он выше молился, то есть чтобы Бог

вразумил, как научиться заповедям. Получив такое вразумление, уразумел он и праведность судов Божиих. Это уразумение есть достояние мужа совершенного. Иное дело — верить, и иное — разуместь. Вера — в том, кто восприял страх Божий; разумение — в том, кто умудрился уже во спасение... Смирен я был, чтобы это уразуметь, потому что те, кои высокосерды, не имеют очей, чтобы видеть такую истину. Когда же смиряемся, тогда познаем грехи свои, и самым смирением очищаем падения свои. *Смирися*, говорит, и *спасе мя*¹. Истинно смирен, кто смирен во спасение; не тщетно подвергся скорбям тот, кто направлен ими к покаянию. Но между уразумением означенной истины и страхом, приведшим к покаянию, есть расстояние. Господь говорит к уверовавшим иудеям: *аще пребудете в словеси Моим... уразумете истину*². Видите ли, не с самого начала, как только кто по страху Божию слушает слово Его, дается уразумение».

Стих семьдесят шестой

Буди же милость Твоя, да утешит мя по словеси Твоему, рабу Твоему.

Рабу Твоему относить можно и к «по словеси Твоему», и к «буди же милость Твоя рабу Твоему». Последнее лучше, ибо первое само собою разумеется. Так толкует святой Афанасий: «Умоляю, да

¹ Пс. 114, 5. — ² Ин. 8, 31 — 32.

будет, по слову Твоему, милость Твоя утешением и ободрением рабу Твоему; ибо многие, прияв утешение, предаются обольщению, будто бы приобрели его собственным благоразумием. Чтобы и мне не впасть в такое же заблуждение, да будет мне, рабу Твоему, по слову Твоему, милость Твоя».

В какой же связи состоит это с предыдущим? — Вот в какой: «Но время уже, говорит Феодорит, человеколюбия и утешению, ибо Ты обетовал кающимся благоволение Свое. То самое сказал Бог и устами Исаии: *егда возвратишься воздохнешь, тогда спасешися*¹, и устами Малахии: *обратитесь ко Мне и обращуся к вам*»². Чего же, стало быть, просить? — Милости утешения, по слову Господа.

Можно, впрочем, разуместь это и так: измени смирющие меня обстоятельства скорбные на утешительные. Пластырь произвел свое действие, сними же его. Хоть об этом далеко лучше нас знает Сам Врач душ и телес, однако ж молиться об этом не неуместно, только не безусловно, а с подразумеванием: если благоугодно Тебе, Господи, если это спасительно будет для меня; молиться то есть, не выходя из пределов преданности в волю Божию, которая составляет душу богоугодной жизни. Мы видим из опытов, что Господь изменяет иногда скорбное на утешительное, как,

¹ Ис. 30, 15. — ² Мал. 3, 7.

например, в Иове; а иногда до конца жизни держит в смиренном положении, как видим это на Лазаре, который с гноища взят и на лоно Авраамово.

Святой Амвросий полагает, что пророк молится только о милости утешения, не касаясь смиренных обстоятельств и предавая воле Божией изменить их на лучшее или так оставить. «Иной, говорит он, смиренный бедствиями, молится о том, да престанут искушения, да укротит Господь свирепствующую против него бурю бед; а пророк, как крепкий и мужественный борец, уразумевший, как бедствия и скорби возводят душу к совершенству, желает не скорбности удалит, не противности отклонить, — просит пресечь не все то, что причиняет утомление и труд, а молится, чтобы во время притрудной борьбы его против бури искушений подано было ему утешение, чтобы мужественным духом переносить наносимое, и чтобы не ослабеть от приражений печали и уныния. Таким образом, он умоляет благодать Божию не попустить, чтобы, быв лишен помощи, подаваемой утешением, не прекратил он, не кончив, начатого им доброго воинствования. На небесах несомненно готово утешение всем терпящим за добродетели, и тем большее утешение, чем большие подъяты скорби; но и здесь, из опасения пасть под тяжестью бедствий, моли Господа, да дарует тебе утешение, как даровал святому

Павлу, который свидетельствует: *благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, Отец щедрот и Бог всякия утехи, утешаяй нас о всякой скорби нашей, яко возможи нам утешити сущия во всякой скорби, утешением, илже утешаемся сами от Бога*¹.

Но нельзя не видеть, что, кроме душевного утешения, пророк чает и внешнего утешения, как дает разуметь и течение речи. Ниже говорит он, чтоб и враги увидели это и устыдились, и богобоязненные тоже обратились к нему (стихи 78—79). То и другое возможно лишь тогда, когда утешение не в сердце только влито, но и внешне оказано.

Стих семьдесят седьмой

Да приидут мне щедроты Твоя, и жив буду, яко закон Твой поучение мое есть.

«Пророк, говорит Феодорит, лишившись Божия благоволения, почитает себя мертвым; посему умоляет, чтобы ему как бы снова ожить, по Божию человеколюбию». «Да приидут, толкует Зигабен, Господи, щедроты Твои на меня, поглощаемого печалию, и я жив буду ими; да приидут же на меня потому, что предмет всегдашнего моего помышления и попечения есть закон Твой, а не какое-либо благо мира сего».

Щедроты — благоутробие, подающее благо, не только как благорасположение, но как показы-

¹2 Кор. 1, 3—4.

вающее щедрость самым делом. *Да придут, — милость*, как выше сказано, *да будет, а щедроты да придут*, — милость, как постоянный покров, а щедроты, как перемежающееся ниспослание нужных благ, которые отходят и приходят. *И живи буду* — и оживу. Как о том, кто был убит горем и потом обрадован, или как о том, кто, обеднев, опять богатеет, или, будучи обесчещен, опять входит в почет, говорят: «ожил», так и пророк просит щедрот, чтоб ожить в чувствах сердца. Это оживление здесь, как и предыдущая милость утешения, стоят у пророка в противоположность смиренным или уничижительным обстоятельствам, праведно посланным от Бога, как исповедал он выше. Потому по течению речи они относятся к поправлению внешнего быта покаявшегося и исправившегося. Что уместно просить и об этом, это видно из молитвы Господней, в которой, наряду с высокими духовными благами, стоит и — *хлеб наш насущный даждь нам днесь*¹. Но при этом надо иметь в уме: если Господу так угодно. Если Ты видишь, Господи, что то и то полезно для спасения моего, то даруй мне. Безусловно прилично просить только духовных благ покаяния, сохранения решимости жить хорошо, разумения воли Божией, молитвы, терпения и проч. О внешних же благах всегда надлежит молиться условно, а еще лучше — предавая свою участь в волю Божию.

¹ Мф. 6, 11.

И живи буду — можно, соответственно тому, как понимал святой Амвросий: *да утешит мя* в предыдущем стихе, понимать и как оживление терпеливого духа мужества. Тесные обстоятельства производят два рода действий: наводят печаль и подрывают энергию. В предыдущем стихе пророк молился о милости утешения, которым отгоняется печаль, а здесь молится об оживлении энергии. Пусть, как бы так он говорил, пусть все остается, как есть, — пусть буду состоять я под смиренным гнетом, но у меня опускаются руки, слабеет мужество: вдохни же в меня непоколебимую твердость и неустрашимую бодрость сердца, чтоб и я сам сознавал, и другие видели, что как ни тесно мне, но я нимало не слабею в нравственных силах, а все тот же, все так же бодро выступаю на борьбу с лишениями и скорбями.

Яко закон Твой поучение мое есть. Вот на чем основывает пророк упование на то, что молитва его будет услышана. Только и мыслей у меня, говорит он, что о законе Твоем; тем только и занят я, как бы лучше его исполнить; а по суду Твоему, блаженны те, воля коих в законе Твоем, и кои поучаются в нем день и ночь. Не Ты ли сказал: *Аз любящая Мя люблю, и ищущии Мене обрящут благодать?*¹ «Потому, прибавляет святой Афанасий, как обещал Ты утешение, так и сотвори, ущедряя служителей Твоих».

¹ Притч. 8, 17.

Милости утешения просил себе пророк, как рабу; а щедрот оживления просит, как ревнитель закона. То и другое научает, что приступать к Богу с прошениями в молитве благонадежно могут только те, кои усердно работают и всячески стараются благоугождать Ему. Мы часто жалуемся, что молитва наша не услышана: не работали Богу — и не услышана молитва.

Стих семьдесят восьмой

Да постыдятся гордые, яко неправедно беззаконно-ваша на мя, аз же поглумлюся в заповедех Твоих.

Гордыми пророк называет презрителей закона, которые, не любя закон, не любят и ревностных исполнителей его, презирают их, насмеваются над ними и не задумываются причинять им всякий вред. Видя ревнующих о богоугождении исполнением заповедей Божиих в смиренном положении, они еще более восстают на них и на правила их жизни. Это и значит неправедно беззаконновать на них. Пророк молится: отними у них, Господи, этот повод презрительно говорить о законе и относиться так же и к исполнителям его. Возврати мне светлое состояние и положи тем конец торжеству их. Пусть станет явно пред лицом всех, что не напрасно рабы Твои строго исполняют закон Твой, и эти гордые, пред лицом всех поносящие закон Твой, посрамлены будут. Все, видящие во мне перемену на лучшее, вместо

того, что прежде недобрым оком посматривали на меня и на закон Твой, станут после сего презрительно относиться к тем самым гордым и смеяться над ними.

Пристыждение внешнее может и не сопровождаться стыдением пред собою и своею совестью, может оставлять без изменения прежнее отношение к закону и ревнителям его; но в словах пророка можно видеть и то еще желание, чтобы гордые устыдились того, что они были таковы, изменили и исправили и взгляд свой на закон, и жизнь свою по отношению к нему.

«Пророк, говорит блаженный Феодорит, не проклинает врагов, но молится за них, потому что стыд пролагает путь ко спасению. Сам воспользовавшись таким врачевством, он желает и им иметь его». Святой Амвросий продолжает ту же мысль: «Уврачевавшись, стал врачом и желает целить даже тех, которые уязвляли его, дабы, сознав неправость свою, они устыдились своих недобрых дел. Стыд большею частью служит к нашему исправлению. Когда человек начинает стыдиться какого-либо своего поступка, то тем самым побуждается оставить то, что причиняет стыд. Вот этого-то и желает им пророк, желает то есть, чтобы они сознали то, как худо поступали, и чтобы, сознавши то, устыдились, а устыдившись, отстали от прежних неправд». Святой Афанасий развивает также эту мысль: «Если, говорит,

изменишь, Господи, мою участь на лучшую, то гордые постыдятся, а я не превознесусь тем, что они постыжены, но *поглумлюся в заповедях Твоих*». Это не ослабит моей ревности об угождении Тебе исполнением заповедей Твоих, а, напротив, усилит ее. *Поглумлюся* — присесть буду, усугублю прилежание и труд, так неотступно буду заниматься им, как иной усидчиво занимается любимым делом. Когда отойдет теснота, то у меня словно развяжутся тогда руки. Силы, обращенные на то, чтобы нести лежащую на мне тяготу, я обращаю на исполнение закона: больше буду изучать его, большие придумывать средства к исполнению его и приложению к жизни в моих улучшенных обстоятельствах. Пророк заготовляет решение на делание, чтобы, когда придет просимое, быть наготове так действовать, и не сказать душе: *и маши многа блага, лежаща на лета многа; почивай, яждь, пий, веселися*¹.

Стих семьдесят девятый

Да обратят мя боящиися Тебе и ведящи свидения Твоя.

Блаженный Феодорит читает это место так: *да обратятся ко мне*, и мысль текста выражает следующим образом: «Пророк умоляет о том, чтобы снова быть в единении и иметь общение с праведными. Яснее, замечает он, выразил это

¹ Лк. 12, 19.

Симмах: да возвратят меня боящиеся Тебя, да возвратят, конечно, к себе, да примут то есть меня в братское общение».

Да обратят мя. Так как он представляет себя уже обращенным от греха к добродетели, и не только обращенным, но и преуспевшим на этом пути, то здесь уже неудобно разуместь такое обращение. Посему лучше понимать это слово так: *да обратят меня к себе.* Выгнали меня за грехи мои, как недостойного быть в сообществе их; смирительное положение мое обратило меня на путь добродетели, но оно же прикрывало и мое исправление, или, если не могло его прикрыть, потому что оно прозрачно, то не могло не наводить сомнения, принят ли я обратно в милость Твою. Праведные и готовы были бы вступить со мною в общение, но, полагая, по несветлой участи моей, что я состою под гневом и неблагоприятием Твоим, не решаются на это. Когда же Ты изменишь участь мою на лучшую, то праведные увидят, что Ты возвратил мне благоволение Свое и обратил меня к Себя, позовут, примут, обратятся ко мне с распростертыми объятиями и заключат со мною опять братский сердечный союз.

Видимого общения праведные не прерывают и со впадающими в грех; напротив, входят в их положение и всячески стараются возвратить их на путь правды; но интимность между ними естественно прекращается, так как у тех стали

уже не те речи, не те мысли, не те занятия. Праведным уже неудобно вести с ними беседу: у праведных беседа лишь о том, что у них на сердце, — о Боге и богоугождении, а у грешных — все о вещах мира. Им скучно бывать друг с другом, потому искреннее общение между ними само собою прекращается. Когда же обращается грешник, то праведники не могут этого не видеть, не радоваться тому и не содействовать утверждению его на добром пути. Но, наученные опытом отпадения его, держат себя несколько вдали от него, то есть не сразу начинают жить душа в душу и поведать ему тайны сердца своего, тайны духовной жизни. Когда он покажет уже верные доказательства того, что установился на добром пути, тогда и они обращаются к нему с открытым сердцем. Все это происходит по прямым законам соотношений душевных. Пророк признаком того, что он совсем исправился, поставляет возвращение ему щедрот Господних. Когда возвратятся они, то и праведные обратятся к нему, но не ради возвращения щедрот, а ради того нравственного совершенства, признаком которого служит его возвращение.

Болящиеся Тебе и ведущии свидения Твоя, то есть не только богобоязненные, но и искусившиеся в исполнении закона, и ведающие верно все тайны жизни по Богу. Тут намеренно прибавлено: *ведущии свидения Твоя*, чтоб означить пункт, на котором

опять устраивается сердечное общение, — общение, основанное на том, когда взаимно поверяют тайны богоугодной жизни для взаимного созидания в духе и пособствования друг другу для преуспеяния в жизни духовной.

Стих восьмидесятый

Буди сердце мое непорочно во оправданиях Твоих, яко да не постыжуся.

В нравственной жизни две стороны: благоповедение и непорочность сердца. Благоповедение немудрено направить и выдержать, а стяжать и сохранить сердце непорочным есть труд великий. Все, что устроено Господом во спасение наше, сводится к тому, чтоб сердце стало непорочным, а порочность его составляют привившиеся к нему страсти. Хоть они и неестественны, но глубоко вошли в нас и стали наряду с естественными потребностями, так что сделать сердце непорочным есть то же, что пересоздать его. Очевидно, что, кроме Творца, этого никто сделать не может. Он все для этого и сделал: устроил способ оправдания, даровал новую жизнь, исполнил силами, учредил освятительные и исправительные чины, установил отеческое руководство. Благодать приходит и полагает основу непорочности; потом труды самопротivления и самоисправления под руководством освятительных чинов изгоняют одну за другою страсти и на место их

насаждают добрые расположения. В конце трудов сердце является совершенно непорочным, исполненным всех плодов Духа, о которых упоминает святой Павел: *любь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание*¹, или таким, каким изображает его Господь в блаженствах: сокрушенным и смиренным, кротким, правдолюбивым, милостивым, чистым, миротворным, терпеливым, уповательным. Непорочное сердце не только чуждо всего порочного, но и полно всякою добротою, — добротю.

Да не постыжуся. Пророк не упоминает, как и где да «не постыдится». Ближайшее непостыждение бывает во время восстания внутренних браней. Подымает враг бурю помыслов и недобрых движений, но, когда сердце непорочно и добротю, тогда эти приражения, подходя к нему совне, встречают в противоположных себе расположениях добрых, укорененных в сердце, сильное отражение: гнев отражается кротостию, гордость и тщеславие — сокрушением и смирением, нечистота — чистотою, корыстность — правотою и милостивостию, обиды — терпением, и какое ни подойди недоброе движение, оно найдет себе отпор в противоположном себе добром настроении сердца. Как ни ухитряйся враг, не одолеть ему того, у кого сердце непорочно: последний никогда не постыдится перед первым.

¹ Гал. 5, 22–23.

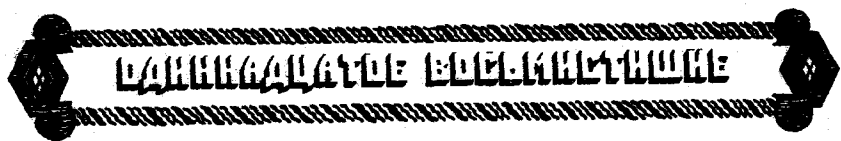
Второй момент непостыждения есть время смерти и прохождения мытарств. Как ни дикою кажется умникам мысль о мытарствах, но прохождения ими не миновать. Чего ищут эти мытарики в проходящих? — Того, нет ли у них ихнего товара. Товар же их какой? — Страсти. Стало быть, у кого сердце непорочно и чуждо страстей, у того они не могут найти ничего такого, к чему могли бы привязаться; напротив, противоположная им добротность будет поражать их самих, как стрелами молнийными. На это один из немалоученых вот какую еще выразил мысль: мытарства представляются чем-то страшным; а ведь очень возможно, что бесы, вместо страшного, представляют нечто прелестное¹. Обольстительно-прелестное, по всем видам страстей, представляют они проходящей душе одно за другим. Когда из сердца в продолжение земной жизни изгнаны страсти и насаждены противоположные им добродетели, тогда, что ни представляй прелестного, душа, не имеющая никакого сочувствия к тому, минует то, отвращаясь от того с омерзением. А когда сердце не очищено, тогда к какой страсти наиболее питает оно сочувствия, на то душа и бросается там. Бесы и берут ее, будто друзья, а потом уж знают, куда ее девать. Значит, очень сомнительно, чтобы душа, пока в ней остаются еще сочувствия к предметам каких-либо

¹ Льстивое, коварное. — *Ред.*

страстей, не постыдилась на мытарствах. Постыждение здесь в том, что душа сама бросается в ад.

Но окончательное непостыждение — на Страшном суде, пред лицом всевидящего Судии, пред сонмом ангелов и всех святых. Эту картину все Божии угодники непрестанно имели в мысли и всячески старались не отступить умом от того момента, когда из уст Судии изыдет: *отыди*, или *прииди*, чтобы в нем иметь побуждение беречь себя не только от явных грехов, но и от греховных мыслей и чувств. Это одно и попаляло у них все недоброе, и насаждало все доброе. Потому нет сомнения, что в словах пророка в настоящем месте имеется в виду преимущественно это последнее непостыждение, так как мысль о нем есть наилучшее средство к насаждению в сердце непорочности.

Е Одиннадцатое восьмистишие идет под буквою *каф* — *ладонь*.

Ладонью дают пощечину, оскорбительную для того, кто ее получает; ладонью прикасаются к щеке любимой особы, чтобы слаще поцеловать. Таким образом, она есть и орудие обиды и

оскорбления, и орудие любви самой теплой. Такое заглавие очень идет к этому восьмистишию, так как в нем пророк представляет лицо оскорбляемое, теснимое неправедно и обращающееся к Богу в уповательной молитве о помощи и заступлении. Он говорит как бы так: «бьют меня, приласкай же Ты меня, Господи!» Все, что здесь говорится, очень приложимо к Иову, к святым мученикам и, во многих чертах, к борющимся со страстями и похотьми.

Стих восемьдесят первый

Исчезает во спасение Твое душа моя, на словеса Твоя уповах.

Исчезает во спасение, то есть сильно желает получить спасение от Тебя, и притом так сильно, что доходит до исступления. «Желающие чего-либо сильно, говорит блаженный Феодорит, но лишаемые желаемого говорят о себе, что они как бы исчезают. Так бывает с томимыми сильною жаждою и не имеющими воды; так бывает с теми, которые с часу на час ждут возвращения кого-либо из знакомых и, не видя его прибытия, исчезают от желания; так и борющиеся с какими-либо несчастьями и ожидающие Божия покрова, когда видят замедление его, как бы исчезают». «*На слово Твое уповах*, то есть на обетование», поясняет святой Афанасий.

Вот уже третье восьмистишие посвящает пророк изображению бедствующих и утесняемых

за верность воле Божией и заповедям Его. И здесь под спасением разумеется избавление от смиренных и уничижительных нападков, скорбей и лишений за слово Божие. Что говорится здесь, то очень прилично Иову на гноище или какому-либо мученику, долгое время томившемуся в узах и почасту мучимому, а равно и всякому безвинному страдальцу. Но можно взять эти слова отдельно от других и видеть в них вопль души, жаждущей спасения в Господе Иисусе Христе от греха и пагубы вечной. Так думают святой Афанасий, святой Амвросий и блаженный Августин.

Святой Афанасий пишет: «Пророк учит нас вождевать слова и исполняться любовью к спасению Божию; а какое же иное спасение, кроме пришествия Господня?» Святой Амвросий говорит: «*Исчезает*; — кто всею душою переходит в то, что любит, тот о том и думает, о том речь ведет, к тому привязан, в то впивается всею душою. Такое чувство испытывает мать, ожидающая возвращения любимого сына, как испытала это мать Товии. Что значит: *исчезает во спасение душа?* — Вот что: душа, прилепившаяся к Господу, как бы перестает быть душою, а бывает *един дух с Господом*¹. Святой и богобоязненный ничего не желает, кроме спасения Божия, которое есть Христос Господь; только Его вождевает он, Его

¹ 1 Кор. 6, 17.

желает, к Нему устремляется всеми силами, Его греет в лоне ума своего, Ему открывается и пред Ним изливает душу свою, и одного только боится, как бы не лишиться общения с Ним. В другом месте пророк говорит о себе; *возжада Тебе душа моя*, а немного ниже прибавляет: *прильпе душа моя по Тебе, мене же прият десница Твоя*¹. Кто жаждет, тот желает быть при источнике и ничего так не домогается, как поскорее добраться до воды. Так устремляется и душа к Господу. И Господь, восприяв ее в десницу Свою и излив в нее Свою силу, делает то, что она будто перестает быть: *живу*, говорит она, *не ктому аз, но живет во мне Христос*². Как исчезает душа во спасение Божие, хорошо изображает святой пророк Иеремия: *и бысть, говорит он, в сердцы моем яко огонь горящ, палящ в костех моих, и разслабех отвсюду, и не могу носити*³. Хорошо сказал: *на словеса уповах*, — прежде возгорается упование, и за ним уже следует исчезновение. Размышляя о том, что читал в слове Божиим, и, видя, что, находясь в теле, как бы узами какими-либо жизни сей связанный, отстоял он от спасения Божия, вождевал его, стремился к нему, исчезал в нем, изливался в него всем сердцем. Так исчезает дух и того, кто, отвергнув себя, весь прилепляется Христу Господу. Кто, исчезая в себе, прилепляется к Нему, тот теряет свое и воспримлет Божеское, вечное, вполне успокоивающее».

¹ Пс. 62, 2, 9. — ² Гал. 2, 20. — ³ Иер. 20, 9.

Стих восемьдесят второй

Исчезоша очи мои в слово Твое, глаголюще: когда утешити мя?

«Здесь, толкует блаженный Феодорит, *словам* называется обетование Божие. Исчезает в него тот, кто ожидает исполнения Божия обетования и прекращения облегающих его зол».

И в обычной речи говорят иногда о том, кто долго ждет кого-либо с сильным желанием его видеть: «глаза просмотрел». Так тяготимый скорбию, молитвенно обращая очи свои к Богу, просит и ждет помощи, — ждет дни, месяцы и годы, а помощь все не приходит. Как же ему не возопить: *когда утешити?* Этим выражается не оскудение упования, а сила желания. Прилично было взывать так тому мученику, которого двадцать восемь лет мучили; измучат — и опять в темницу; чуть-чуть оправится, опять мучат — и опять в темницу; прилично было и трицативосьмилетнему расслабленному, у которого каждое лето пред глазами получал кто-нибудь исцеление, после него заболевший и не столь долго лежавший при купели; прилично было иерихонскому слепцу, сидевшему при пути и насилу дождавшемуся того, чтобы мимо его проходило спасение его. И в слове пророка, и в этих примерах слышится сильный урок нам — не оскудевать упованием при нескором исполнении прошений об избавлении

от гнетущих нас нужд и, взывая: *когда, Господи, утешити?* — не терять упования.

Вышепоименованные святые отцы разумеют и это место о душе, ищущей спасения в Господе. Но когда душа прилепляется к Господу и имеет Его в себе, так чего же еще желать ей? — Одного: полнейшего исполнения того, чего ожидает она от Господа. Кающемся изрекается всепрощение в таинстве покаяния; но чувство прощения, или внутреннее удостоверение, что грехи прощены, приходит не скоро. Сокрушающемся о том духу прилично вопить: *когда утешити?* Один старец заключил большую покаявшуюся грешницу в келлии и, по истечении трех лет, сказал ей: «Бог открыл мне, что прощены все грехи твои». В этот промежуток времени не уместно ли ей было взывать: *когда утешити?* Что идет к покаянию, то и ко всякому дарованию духовному о Христе Иисусе. Ни одно не дается, или не присвоается, душе тотчас: всему свое время; и утверждение во всякой добродетели приходит в свое лишь время. Ничего не восхитишь самовольно из руки Господней: ищи, молись, жди, — отсюда и вопль: *когда утешити?* Блаженный Августин пишет: «Словами — *когда утешити* пророк показывает, как тягостно замедление получения желаемого. Но дающий замедляет даянием ради того, чтобы тем приятнее было получение и тем бдительнее соблюдаемо было

полученное. Господь знает, что когда кому дать, ибо Он всегда все располагает мерою, весом и числом».

Святой Амвросий вопль — *когда утетиши* относит к душе, возжелавшей благодати созерцания. Деятельное совершенство есть первая ступень христианской жизни, а созерцание — вторая, высшая. На нее восходят по очищению души, но не сами собою, а возводятся Господом и благодатию Духа. Между тем возжелавший его и сам устремляет туда око ума своего; но, при всем напряжении, сам ничего не видит. У Господа же и благодати Его всему свое время. Отсюда вопль: *когда утетиши?* Все тайны Божии открыты в слове Божиим, но постигаются только тогда, когда благодать дает их постигнуть. Внезапно узревает ум в слове то, чего прежде не видал в нем, хотя и несколько раз читал и обдумывал его.

Стих восемьдесят третий

Зане бых яко мех на слане; оправданий Твоих не забых.

В двух первых стихах пророк выражал только сильное желание помощи и скорь, что не скоро получает чаемое; теперь выставляет причины, почему праведно было бы ускорить исполнением обетования и прекратить его страдания.

Первая причина та, что я, говорит, стал, как мех на слане, на морозе, на льду или на снегу;

и, однако ж, все-таки оправданий Твоих не забыл и не забываю. «Мех, рассуждает Зигабен, на морозе морозится, сжимается, портится, становится никуда негожим». Стал я, говорит, никуда негож, посмотреть на меня — хоть брось, и все это от горестей, лишений, нападков и притеснений. Состояния никакого, и силы тела истощились: ни кола, ни двора, голоден, наг и бос; к тому же и слеп, и хром, и расслаблен, едва движусь. К кому же уместнее поспешить за помощью? Ведь это все за оправдания Твои, — за то, что я верен Тебе и не отступаю от закона Твоего. Как пристала бы такая речь Лазарю на гноище его! И, однако ж, Лазарь оставлен, как был, до конца дней. Потому надобно всегда при словах пророка доразумевать, что он берет на себя лицо разного рода страждущих и, входя в их положение, от лица их простирает к Богу молитвенное слово, не устраняя, впрочем, преданности в волю Божию, которая составляет душу молитвы и есть неотъемлемое качество угождающих Богу как должно.

Святые отцы, толкуя это место в нравственном отношении, в сравнении — *яко мех на слане* видят указание на самоумерщвление, первое условие к преспеянию в духовной жизни, которое строго исполнял и святой Павел: *умерщвляю тело мое*, говорит он, *и порабощаю, да не како, иньми*

*проповедуя, сам неключим буду*¹. Святой Афанасий пишет так: «Праведные еще в жизни от злостраний делаются мертвецами; потому уподобляются более мехам, нежели людям, охладев, как отвердевший иней. Делается мехом на слане тот, кто истневает² плоть свою, не оставляет в ней ничего воспламеняющегося и похотного, но как бы оледеняет ее».

В том же смысле говорит и святой Амвросий: «Мех делается из кожи животного, переставшего жить; так надо и нам умереть греху и плоти, если желаем жить ради Бога. Тогда мы станем мехи новы, в которые надежно можно вливать и вино новое. Кто хочет и тело питать, и благодать сохранять, тот ищет невозможного. Мех на слане есть тот, кто всегда носит мертвость Господа на теле своем, кто не утучняет тела своего, как те, о коих сказано: наелись, напились, и пошли плясать³. Кто упивается не вином, а Духом, тот пусть хвалится, подобно Давиду, что он стал, как мех на слане». «При воспламенении духовных желаний, пишет блаженный Августин, желания плотские охлаждаются. Об этом и говорит здесь пророк. Под словом «мех» указывает он на похотливую плоть, а под «сланию» — небесный дар, которым, как морозом, убиваются плотские похоти. Следствием сего бывает то, что

¹ 1 Кор. 9, 27. — ² Сокрушает в прах. — *Ред.* — ³ Исх. 32, 6.

оправдания Божии не выпадают из памяти, потому что тогда и не думается о другом, когда *плотоугодие не творится в похоти*¹.

Стих восемьдесят четвертый

Каково есть дней раба Твоего? Когда сотвориши ли от гонящих мя суд?

Пророк говорит как бы так: идут дни за днями, годы за годами; жду заступления Твоего, а оно не приходит. Вот уж и жизнь на закате, а я все под гнетом, враги же мои торжествуют. Когда же, Господи, сотворишь Ты суд над гонящими меня, когда посрамишь их и поднимешь меня из унижения?

Как естествен такой вопль тому, кругом кого ликуют враги его и Божии! Того и гляди, что грянет смерть, — неужели же враги эти останутся ненаказанными? Конечно, он болит и за себя, но не отделяет себя от интересов Божиих. Воодушевляемый на такое дерзновенное слово чувством правды Божией, он как бы так говорит: ужели Тыпустишь правде Твоей быть ненаказанно оскорбляемою? Вот тут кроется и вторая причина, почему следовало бы ускорить помощь страждущему.

Блаженный Августин уподобляет этот вопль воплю апокалипсических избивенных: *доколе, Владыко святой и истинный, не судиши и не мстиши*

¹ Рим. 13, 14.

крови нашей от живущих на земле?¹. И в том и в другом — свидетельство, что неправедные обидчики отмщаются еще на земле, что не всем дается до смерти доживать в неправдах, без земного за то воздаяния. Если бы так было, то люди забыли бы, что есть Судия. Полное за все воздаяние отложено до всеобщего суда; но и здесь иногда воздает Господь во свидетельство того, что путь неправды — ненадежный путь. Иные доживают и до гроба в счастии, для того, как показала притча о богатом и Лазаре, да восприимут благая за некоторые добродетели в животе своем.

Вопль этот имеет свой смысл и в нравственном отношении. Преуспевающие в борьбе со страстями и похотями, поддерживаемыми тайными воздействиями врага нашего спасения, видя, что жизнь на исходе, а страсти между тем все еще в силе, и боясь, как бы не перейти неочищенными в другую жизнь, праведно взывают о суде над непрестающим гнать и угнетать их, чрез возбуждение страстей, сатаню. Смысл молитвы такой: отрази и прогони его от меня; тогда мне легче будет управиться с остатками во мне греха в оставшиеся для меня дни; и я, может быть, хоть под конец жизни вкушу сладость сердечной чистоты. Святой Афанасий пишет: «Малы дни человеческие на земле; посему пророк молится, чтобы в продолжение их скорее сокрушен был

¹ Апок. 6, 10.

сатана под ноги его и чтобы ему самому покорить душу снисшедшему в нее Божественному Слову».

Пространнее об этом говорит святой Амвросий: «Утвердившись на твердом основании добродетели, пророк молится, чтобы дана была ему сила попать не человека, но того, кто привык захватывать для себя в человеке владычественное место. И апостол учит, что чрез суд над грехом в человеке (во время покаяния и отвержения греха) совершается суд над сатанюю и что его глава сокрушается чрез преодоление греха: Бог, говорит он, *да сокрушит сатану под ноги ваша вскопе*¹. Таким образом, пророк просит, чтобы Бог дал ему стопами веры своей стереть врага и попать, как прах, — чтобы еще в этом теле, несмотря на краткость дней жизни, восторжествовать над ним. Это торжество над врагом получается тогда, когда дается ему восчувствовать над собою власть и силу человека, которого прежде держал он в узах греха и страстей. Это бывает, когда благодать Божия возрождает и преобразует человека. Господь дает такой душе власть наступать на врагов своих и сокрушать главы их верою, делами и подвигами своими. Так всякий может побороть врага. Когда творим дела непотребные, враг гордится над нами; но когда ревнуем о делах чистоты, правды и воздержания, тогда мы попираем этого змия и скорпия».

¹ Рим. 16, 20.

Стих восемьдесят пятый

Поведаша мне законопреступницы глумления, но не яко закон Твой, Господи.

Тут представляется третья причина, по которой нельзя не услышать вопля пророка, или вопля того, от лица кого говорит он. Законопреступники, говорит, сбивали меня с пути, предлагая следовать правилам их жизни. Конечно, послушав их, я избавился бы от их нападков и обид; но я не согласился на это, потому что то, что предлагали они, было очевидными баснями и глумлениями над всякою правдою. Не таков закон Твой. Стало быть, не праведно ли будет пощадить меня и избавить от гнета врагов правды? Как не соблазняли мучители святых мучеников? И правость своего зловерия выставляли, и веру во Христа Господа Распятого уничижали, и предлагали счастье и довольство, — святые мученики, не все словом, но все делом ответствовали им: «Все это глумления, все это ваши собственные измышления и ложь, коими вы и себя обманываете, и других хотите прельстить. Не таков закон Божий; не такова воля Божия о спасении нашем!» И во всякое время немало бывает лиц, которые подвергаются лишениям и притеснениям со стороны не любящих правду за то только, что они не хотят участвовать с ними в их неправде. Следовательно, во всякое время эти слова встречают людей, которым

прилично обращаться с ними к Богу в молитве своей.

В нравственном отношении приложение этих слов обширно и повсюдно. Под именем законопреступников разумеются здесь и прямо грешники, которые речами своими иногда покушаются сбивать с доброго пути ревнителей добра, и страсти с греховными привычками, которые, вместо слов, предъявляют свои требования под видом закона, а более всего — духи нечистые, которые всюду встречаются с своими предложениями и внушениями, склоняя оставить закон воли Божией и жить по своей, то есть по их воле. Все эти враги истины никогда не предлагают грех, как грех и беззаконие, а всегда прикрывают его как бы облаком, под коим он кажется сносным, позволительным, а иногда даже и неизбежным. Любитель закона Божия, привыкший ходить путями его, имеет чувства, обученные в рассуждении добра и зла, и легко разоблачает льстивые прикрытия и обличает ложь: все это, говорит он, хоть и походит на закон, но на самом деле есть *не яко закон Твой, Господи*, — и отвергается от того. Никто из верно идущих путем Божиим не свободен от таких обольщений; следовательно, всякий из таковых может в слова молитвы своей влагать и эти слова пророка.

Но не у всех такой разум, и не все могут сами разубавлять скрытую прелесть. Потому

неопытным следует обращаться к опытейшим для разъяснения дела и указания, что право. Враг иногда за сто верст начинает, чтобы довести иного до худого дела. Неопытный ничего пока не видит, кроме обычных дел; но дальше и дальше, и сам не замечая того, спотыкается и падает в грех. Злые духи участвуют в делах наших больше, нежели сколько мы думаем и догадываемся. Шагу нет, чтобы они не вступали во что, и все в тех видах, не удастся ли схватить кого и посмеяться над ним. Потому Господь так настойчиво и говорит: *всем глаголю — бдите*¹. Бдеть надо, отрезывая худое; но не менее надо бдеть, рассматривая и не худое, что приходит на ум, как дело пригожее и полезное.

Стих восемьдесят шестой

Вся заповеди Твоя истина, неправедно погнаша мя, помози ми.

Пророк подтверждает этим то, почему он не послушал глумлений законопреступников и остался верным закону: потому, говорит, что *закон Твой — истина*, и затем делает из этого вывод: следовательно, они неправедно стали гнать меня; гнать за истину — какая тут правда? Потому и молится он: *помози же мне, Господи, Покровитель всякой правды, неправедно гонимому!* В этом заключается четвертая причина, почему следует

¹ Мк. 13, 37.

оказать ему помощь. «Предпочитаю, пишет Феодорит, закон Твой, потому что вижу все заповеди Твои украшенными истиною; а в том, что они гонят меня — великая неправда».

На убеждении, что путь, которым мы идем, истинен, стоит твердость решимости неуклонно идти им, несмотря ни на какие препятствия. Оно дает мужество и воодушевляет, но при всем том не отнимает чувства скорбности гонений и не прикрывает неправедности их. Посему и при таком убеждении уместна молитва: *помози ми*; оно даже дает наибольшее дерзновение к молитве о помощи. Терпящий праведно не гонение терпит, а наказание¹ несет, — как же ему молиться: *помози ми?* — Это возможно для него лишь под условием покаяния. Но и при этом уместнее молитва: «праведно терплю; прости и помилуй!» Святой Амвросий пишет: «Не сказал пророк: поелику гонят меня, помоги мне; но *неправедно погнаша мя, помози ми*. Ведь иной может и гонение терпеть, но праведно; есть праведное преследование порока. Но когда кто терпит гонение за правду, за чистоту, за веру, такому прилично говорить слова пророка: *неправедно погнаша мя, помози ми*».

В словах *помози ми* можно видеть и молитву об избавлении от гонений, и молитву о помощи к перенесению скорбностей гонения. У ревнителей

¹ Учение. — Ред.

добродетели наперед стоит убеждение, что Бог лучше нас знает, что нам полезно во внешней участи нашей. «Как добрый воин, говорит святой Амвросий, пророк не бежит от битвы и не боится схваток с врагом, привыкнув к войне; но, как верный и испытанный, молится о ниспослании свыше помощи и благоговейною молитвою оживляет свое мужество. Не просит, чтоб улеглось преследование, но молится о помощи к перенесению его. Знал он, что хотящие благочестно жити не могут обойтись без гонений, посему охотно встречает их, чтобы только стоять в благочестии. Много у нас гонителей, и видимых, и невидимых; преследуют нас нечистые духи, преследуют еретики, язычники, иудеи. Все те, которые хотят благочестно жить, непременно бывают под гнетом гонений, так что и минуту, свободную от гонений, трудно улучшить ревнителю благочестия. И, пожалуй, можно даже заключить, что когда не терпим гонений, то верно потому, что живем не совсем благочестно; ибо если верно изречение, что *все хотящие благочестно жити о Христе Иисусе гоними будут*¹; то верно и то, что, кто не терпит гонения, тот еще не начинал жить истинно благочестно о Христе Иисусе. Когда нет борьбы, то, я боюсь, не потому ли это, что нет желающего вступить со мною в борьбу? Господь сказал: *еще Мене изгнаша, и вас изженут*². Святой Давид в духе слышал

¹ 2 Тим. 3, 12. — ² Ин. 15, 20.

это слово прежде еще воплощения Господня и, будто ученик Христов, не уклонялся от воевания, но смело вступал в борьбу; ибо знал, что это утвердит его в благочестии, обезопасит ему спасение и принесет венец славы.

Стих восемьдесят седьмой

Вмале не скончаша мене на земли, аз же не оставих заповедей Твоих.

«Едва, толкует святой Афанасий, не лишился я жизни от гонений». «Уж они, прибавляет Зигабен, свалили меня наземь; еще немного, то и жизни бы лишили; но я и в такой крайности не оставил заповедей Твоих; в них поучаюсь и их храню». Сначала подходили враги со льстивою речью, желая склонить меня на свою сторону; но так как я не поддался им, то они взялись за другое и сравнивали меня с землею, лишив всего и доведши до того, что хоть умереть. Но я перетерпел и эти смертельные страдания, а все-таки не отступил от заповедей Твоих. Точь-в-точь исполнялось это на святых мучениках.

В этом пятая причина, почему справедливо подание помощи и избавление от угнетений. Вот доведен я до последней крайности, а все стою. Если Ты испытываешь меня, Господи, то, кажется, испытание уже состоялось полное и пора положить ему предел; а так как, несмотря на крайность смертельную, Ты хранишь еще жизнь мою,

то из этого я заключаю, что Ты, наконец, готов ущедрить меня покоем, потому и молюсь: избавь.

В нравственном отношении здесь можно видеть указание на самые сильные возбуждения греховности и устояние против них. Тут последний предел, до которого простирается и дело произволения человеческого в борьбе со страстями, — не соглашаться на худое. Согласие и несогласие — всегда дело свободы; его никто насиловать не может, ни Сам Бог всемогущий. Но дальше этого успех уже нейдет, поколику он зависит от произволения. Укротить страсти, отсечь их от естества нашего, сделать их нечувственными, или, что то же, возвесть в чистоту, есть дело благодати Божией. Пророк и говорит в лице боримого: о, как сильны были возбуждения! Как бурный ветер наклоняет слабое растение до самой земли, так было и со мною; но я не поддался. Теперь я все сделал, что от меня зависело, доверши же, Господи, дело Своєю благодатию и укроти борющиеся меня страсти. А пожалуй, выражает и опасение: устоять-то я устоял, но кто знает, устою ли после? Лучше возьми от меня, Господи, эти страсти!

Святой Амвросий выражает последнюю мысль: «Не напрасно прибег он к Божественной помощи, зная, что брань у него идет с сильными врагами и много предлежит ему схваток с ними: то нападают нечистые духи, то плоть восстает

с своими приманками. Хоть и противостоишь им, а все боишься, как бы не пасть. Научимся же из сего опасаться более всего своего домашнего врага, которого всегда носим с собою. Не столько силен он, сколько льстив и разнообразен в приражениях. Он воспламеняется вином, горит похотию, возжигается от взора на мимоидущую случайно женщину, питается надеждою, но и от безнадежности не слабеет, возбуждается приманками, но не кончается и удовлетворением. А вот и поразили его: его надламывает страх, измощает труд, а страдания сокрушают его голову».

Стих восемьдесят восьмой

По милости Твоей живи мя, и сохраню свидения уст Твоих.

Цель жизни настоящей есть исполнение заповедей Божиих. Кто этого держится, тот носит в самом себе основу того, на чем, по промыслу Божию, может держаться жизнь его. «Но, замечает блаженный Феодорит, пророк слово свое украсил смиренномудрием, потому что просил жизни не как воздаяния за правду, но как дара милости, обещаясь хранить за то свидения Божии».

Как в предыдущем восьмистишии, молил молил и наконец сказал: пусть будет так, как Твоей воле угодно, только да будет сердце мое непорочно, — так и здесь: просил-просил и в

заклучение говорит: ну, пусть торжествуют враги; только жизнь мне сохрани, чтобы мне больше преуспеть в хранении свидений Твоих, — заключает то есть преданностию в волю Божию, которая составляет существо молитвы.

В нравственном отношении эта молитва должна быть молитвою о благодатном оживлении. Святой Амвросий толкует этот стих так: «Страсти восстают и мешают мне верно исполнять заповеди Твои, — пошли же благодать, или усугубь благодать, оживляющую дух мой. Тогда святые духовные движения будут заглушать движения обессиленного греха, и я беспрепятственно буду хранить свидения Твои. Я воздерживаюсь от дел греховных; но отсеки самые страсти, чтобы мне, воззревая, например, на жену, не похотствовать на нее даже в сердце моем».

Или можно и так: *живи мя*, соблюди меня для вечного живота. Пусть эта жизнь идет уж тесно, но не лиши меня вечного блаженства; а я обещаюсь хранить свидения Твои, верность которым есть неотложное условие к получению блаженства в вечности. «Словами: *живи мя*, говорит святой Амвросий, пророк просил, конечно, не того, что имел, то есть жизни, ибо жил, но того, чего желал, то есть, чтобы жить в вечности, разумея блаженную жизнь. Зная, однако ж, что в этом многоволнующемся теле трудно сохранить неизменным доброе настроение души, он просит

милости, чтобы непрестанно быть оживляем Духом и чрез то всегда жить для Бога и быть мертвым греху. Ибо когда мертв будет грех в нас — будет жива жизнь для Бога, и хранение заповедей продолжится непрерывно и постоянно, и проложит путь к вечной жизни в Боге».

В Двенадцатое восьмистишие следует под буквою или словом *ламед* — *учить*.

Учить означает и то, чтобы других учить, и то, чтобы самому учиться, заучивать. К настоящему восьмистишию приложимо только последнее значение. В нем говорится о поучении в законе Божиим, чтобы то есть уразумевать волю Божию и действовать сообразно с нею. Предмет этот многообъятен, и пророк неоднократно уже обращал на него внимание. В настоящем случае он показывает, к какому убеждению привело его поучение в законе Божиим и какие блага оно доставило ему. Изучив закон, убедился я, говорит он, что если кто хочет истинно жить, то ему нельзя иначе сего достигнуть, как сообразуясь с законом Божиим, выражающим волю Божию о нас. Посмотри: на небе невидимом и на небе видимом, и на земле, и во всех явлениях ее, — все

покорствуется воле Божией. Если хочешь жить среди тварей, так устроенных, то направляй себя и ты по воле Божией; иначе будешь затерт таким общим движением, если пойдешь наперекор ей (стихи 89—91). Я так положил себе действовать, и вот что получил: при всех смиренных обстоятельствах, не погиб (стих 92); действуя по оправданиям Божиим, я ожил (стих 93); взыскав их, присвоился Богу и чувствую себя спасенным (стих 94); враги расставляли мне сети, но погибли моей не устроили, потому что уразумение свидений Божиих научило меня разгадывать их козни и миновать их (стих 95); наконец, вступив на путь воли Божией, я чувствую, что вышел на простор и свободу, вступил в область, которой нет предела (стих 96). Приступая к объяснению сего восьмистишия, святой Амвросий молится так: «Прииди, Господи Иисусе, отверзи нам дверь сего пророческого учения, так как она для многих затворена, хотя с первого раза и представляется отверстою».

Стих восемьдесят девятый

Во век, Господи, слово Твое пребывает на небеси.

В стихах 89—91 изображает пророк, как все в творениях покорствуется воле Божией. В настоящем стихе говорит, что слово Бога живого непреложно исполняется на небе мысленном и вещественном; в следующем скажет, что и на земле

все пребывает потому, что так устроил Бог по премудрой воле Своей; а потом прибавит, что все явления на земле, от великих до малых, каково, например, преемство дней и ночей, все совершается по воле Божией, чтобы из всего того вывести: *яко всяческая работна Тебе.*

Во век, Господи, слово Твое пребывает: Какое слово? — То, которое изречено Богом, когда Он творил мир. Рече Бог: да будет свет — и бысть; рече Бог: да будет твердь — и бысть; рече Бог: да будет солнце, луна и звезды — и явились. И все, к чему тогда изречено: *бысть*, так то и пребывает. Воля Божия о бытии мира осуществилась бытием его; но и пребывает он потому, что пребыванием своим осуществляет волю Божию о своем пребывании. Хочет Бог, чтобы все пребывало, — и пребывает, и притом пребывает так, как Ему угодно. Слово Божие, Совет Божий и определения Его неизменны.

Во век тоже значит, что «испокон века», с самого то есть начала бытия вселенной. Но оно может означать и весь век сей, с начала бытия до преставления света, после коего явится *новое небо*. Потому-то и не сказано: во век века, или во веки веков, а только *во век*. Так объясняют слово святой Иларий, Анфим и проч. Во весь период настоящего образа бытия мира, как начало все быть на небе, так и пребывает и пребудет до скончания века.

Блаженный Феодорит пишет: «Тебе, Владыко, говорит пророк, все удобно и возможно, потому что повеление Твое хранят неподвижные своды небес». То же сказал он и в псалме 148-м: *постави я в век: повеления положи, и не мимоидет*¹.

Святой Амвросий делает из этого такой вывод: «Видишь, и в тебе должно пребывать то, что пребывает на небеси. Храни же слово Божие в сердце твоём, и храни так, чтоб оно не забывалось. Храни закон Божий и поучайся в нём. Если хочешь познать силу пророческого речения, вознесись от видимого к мысленному и бери из него нравственные уроки. Если слово Божие пребывает на небеси, будем подражать небу, где оно пребывает. С неба возьми пример для своей жизни. Есть ли какое-либо нарушение закона в солнце? Не всегда ли оно соблюдает обычный бег свой? И луна не всегда ли в одинаковом порядке умаляет или увеличивает диск свой? И звезд соотношение и движение (видимое) по небу не всегда ли одинаково? Так все на небе хранит свой закон и пребывает в своем чине. Так неизменно да пребывает и в тебе слово Божие, определяющее образ действия твоего».

Когда пророк говорит, что слово Божие пребывает на небеси, то прямо понимает видимое небо; но при размышлении ничто не мешает от видимого неба вознестись и к невидимому —

¹ Пс. 148, 6.

сонмам ангелов и святых. «Этим же изречением, говорит блаженный Феодорит, пророк дает разуметь и то, что сонмы ангелов, обитающие на небе, хранят закон Божий и свободны от всякого преткновения». К подобной мысли приходят и святой Амвросий, святой Иларий, Анфим, Зигабен. Впрочем, и на этом небе показался было нарушитель воли Божией, но он скоро свержен был оттуда со всеми, кого успел увлечь; и теперь умное небо пребывает чисто, светлеясь в ангелах словом Божиим, пребывающим и составляющим неизменную норму всех их движений, и внутренних, и внешних. Воля Божия там исполняется в таком совершенстве, что Господь поставил нам в заповедь всегда молиться, да будет она и в нас так же, как и на небе ангельском.

Останавливаясь на этой мысли, святой Амвросий побуждает нас к ревнованию устроить и на земле подобное же небо. Как же это? — А вот как: слушай, говорит он, что пишет апостол: *якоже облекохомся во образ перстного, тако да облечемся и во образ небесного*¹. Вот и небо! Такие люди имеют полное дерзновение говорить: *наше жительство на небесех есть*², ибо тут качествуют вера, воздержание, отрешение от всего, — жизнь небесная. Как землю назван тот, кто отпал от небесной благодати чрез нарушение заповеди и стал связанным земными страстями, так справедливо

¹ 1 Кор. 15, 49. — ² Флп. 3, 20.

небом назвать того, кто отрешением от всего земного ревнует ангельскому житию. Небо там, где присущи небесные добродетели, хотя бы это было и на земле. *Небо Мне престол*, говорит Господь у пророка. Это не вещественное, полагаю, небо, а скорее то, в которое входит Христос и в котором вечеряет Он, постучанием раздражив наперед любовное желание принять Его. И не один Он входит, но с Отцем, как Сам сказал: *Аз и Отец приидем и обитель у него сотворим*¹.

Продолжая то же наведение, святой Иларий говорит: «Когда сказал пророк, что слово Божие пребывает на небе, то есть в мире ангельском, не следует думать, что его нет уже на земле, то есть в сердцах разумных тварей. Из нас (крещеных) нет никого, кто бы лишен был дара небесной благодати и кто не имел бы пребывающего в себе слова Божия, когда трезвится, со всеми живет мирно, воздерживается, милосердствует, вообще, когда покорствуется заповедям Божиим, исполняя возлагаемые ими на нас дела. В тех слово Божие пребывает как на небе, в которых оно не нарушается ни гневом, ни похотию, ни лукавством, ни человекоугодием».

Стих девяностый

В род и род истина Твоя; основал еси землю, и пребывает.

¹ Ин. 14, 23.

После указания неотступности неба от велений Божиих следовало бы указывать неотступность от тех же велений и земли; но пророк вставляет в среду¹ одно крайне знаменательное изречение: *в род и род истина Твоя*. С какою мыслию?

Можно слова эти поставлять в соотношение с предыдущим стихом: против *во век* станет — *в род и род*, а *истина Твоя* будет стоять против — *слово Твое*. В таком случае они будут служить объяснением того стиха. И *истина Твоя* будет означать те же непреложные законы бытия неба, какие выражаются и словом: *слово Твое*... Смотрю на небо, и оно внушает мне, что слово Твое вовек пребывает; то же видел и предшествующий нам род, и запредшествующий. Из рода в род переходит истина непреложности учрежденных Тобою порядков на небе.

Но можно полагать, что в словах этих содержится нравственное приложение всего сказанного в первых трех стихах этого восьмистишия (89—91) о неизменности порядков мира физического. Указал он эту неизменность на небе, укажет и на земле: *основал еси землю и пребывает. Учинением Твоим пребывает день*. Следовало бы потом приложить: так в мире вещественном, но не иначе дается и в мире нравственном; и здесь — *в род и род* пребывает истина Божия. Рассудил же

¹ Средину. — Ред.

пророк поместить это не в конце, а выше, чтоб эту, по высоте небесной, высокую истину не отдалять от указания неизменности порядков Божиих на небе. Таким образом, пророк учит, что как в мире видимом неизменны положенные Богом законы бытия, так и в мире нравственном в род и род пребывает истина Божия. Какая же это истина? — И та, о которой всем поведают небеса, что есть Бог, Творец, Вседержитель, Промыслитель и Судия вселенной, Которому разумные твари должны угождать верным следованием законам, положенным в совести. Эта истина всеми исповедуется; во всяком роде и роде она заправляет главным образом жизнь народов, и нет силы, которая могла бы заглушить голос ее. Она пребывает в род и род и пребудет во все роды и веки веков. И особенно та истина, которая сообщена людям чрез Откровение. Бог открывал волю Свою Адаму, Ною, патриархам — родоначальникам избранного народа, особенно же Моисею на Синае. Но и после него не переставал Он вразумлять народ Свой чрез святых мужей, которым являлся Сам или посылал к ним ангелов Своих. Пророк Давид и сам на себе испытал такие откровения.

Но эти откровения нередко касались частных случаев. Какая же истина из откровенных пребывает в род и род? — Та, что имел прийти Избавитель и спасти род наш. Эта истина составляла

душу всех откровений и всех учреждений Божиих в народе Своем. Ее принял святой Давид от предшествовавших родов и передал последующим, живописуя в богодухновенных псалмах своих имеющего прийти Избавителя так, как бы видел Его воочию. В род и род исповедуема была эта истина до святого Давида; а он провидел, что ее будут исповедовать и в последующие века также в род и род. Всякий род приемлет эту истину от предшествовавшего, передает последующему и, исповедав, что она пребывала до него в роде и роде, ручается за то, что она пребудет неизменно и во все роды после него. И нет силы, которая могла бы пресечь шествие этой истины из рода в род.

Для пророка эта истина была только чаемая, для нас же она — совершившийся факт. Но вместе с тем как скоро она совершилась, то уже перестала быть достоянием одного народа Божия, а сделалась достоянием всех народов. И, однажды утвердившись в одном известном народе, она уже пребывает из рода в род и пребудет во все роды во веки веков.

Наши толковники при этом изречении пророка преимущественно останавливаются на переходе богооткровенной истины от одного народа в достояние всех других народов. Так, блаженный Феодорит пишет: «*В род и род истина Твоя. Ее сохранил Ты иудейскому роду и другому, наставшему*

после него. Разумею же народ из язычников, улучивший спасение от Спасителя нашего Иисуса Христа». Святой Афанасий говорит: «Два суть рода приивших истину Божию: иудейский народ, у которого есть закон и пророки, и Церковь. Посему истина Божия не в роды, но в род первый и в род второй. Прочие же народы пребывают в заблуждении. Но когда род первый отринул истину и сказал: *возми, возми от земли такового*¹; тогда истина от рода первого перешла к роду второму». «Итак, заключает святой Амвросий, во всех народах царствует ложь; истина только в Церкви, ибо все верующие составляют один род. Церковь всех объединяет, и она одна обладает истиною».

Стих девяносто первый

Учинением Твоим пребывает день, яко всяческая работна Тебе.

Конец предыдущего стиха: *основал еси землю и пребывает*, соединяется в толковании с настоящим стихом, так как они вместе выражают одну мысль, именно ту, что и на земле, и на небе все совершается и движется по воле Божией.

Бог основал землю, назначил то есть ей место в цепи планет солнечной системы, и установил отношение ее к солнцу, луне и другим телам; и как Он установил, так все это и пребывает доселе, и пребудет, пока угодно Богу, чтобы пребывало так.

¹ Деян. 22, 22.

И на самой земле все основал Бог. Он расположил в стройном соотношении воздух, воду и землю, земные пласты, соли, металлы, — все дело рук Его, и где чему назначено лежать, там оно и лежит. Не сами собою являлись и разные роды растений, а вышли из земли по повелению творческого слова Божия; равно и животными наполнились воздух, вода и земля потому, что так повелел Господь всяческих. Так основал Бог землю со всем, что в ней и на ней, и как основал, так все и пребывает.

Учинением Твоим пребывает день. «Земле, говорит блаженный Феодорит, дал Ты долговечность, и она пребывает, как повелел Ты. День отделил Ты от ночи, и идут они по законам Твоим».

Вращание земли вокруг самой себя, при определенном отношении ее к солнцу, дает перемену дня и ночи. Но поелику Бог определил земле и вращаться вокруг себя, и быть в таком отношении к солнцу, то и перемена дней и ночей вошла в план основания земли. Мы привыкли к этой перемене, и потому она не кажется нам чем-либо великим; но на деле эта перемена, от которой зависит и перемена времен года, обуславливает круговращение жизни всех тварей, сущих на земле. Когда говорит пророк, что *учинением Божиим пребывает день*, то хочет привести нам на мысль, что порядки изменений на земле все определены Богом так, чтобы твари могли жить на

ней, и если живут, то потому, что, по Божию учению, пребывают неизменными те порядки.

Яко всяческая работна Тебе. Это вывод из всего сказанного и подтверждение того. Все рабски покорствуем Богу, да иначе и быть тому нельзя. Творец есть и Вседержитель, и держимое держит, как Ему благоугодно. Когда говорит пророк: *всяческая работна Богу*, то не исключает ничего. Облако движется и несет дождь туда, куда Бог повелевает, чтоб одни поля оросить, а другие оставить палящему зною солнца. Буря несется, куда Бог ее направляет, и исполняет суды правды или милости Его. Огонь воспламеняется и иногда поедает грады и села, потому что так повелел ему Бог. И ничто не бывает случайно; все движется по законам милости Божией и правды, премудро и целесообразно.

Так и на небе, и на земле все покорствуем Богу; но покорствуем потому, что не может не покорствоваться, не имея свободы. Одни разумные твари получили свободу и среди общего рабства тварей ходят независимо, как цари, не стесняясь узами неизменных законов. Бог почтил их самовластием, но не затем, чтоб они своевольничали, а затем, чтобы свободно и самоохотно подчинялись той же воле Божией. Дал и им Бог законы и начертал их в сердца их; но свободы их не связал, а оставил им на произвол — исполнять их или не исполнять, предупредив только, что если будут

исполнять, то будут блаженны, а если нет, то страдать будут.

Рабство же всех тварей пред глазами их поставил для того, чтоб имели они в нем побуждение и напоминание. Если всяческая работна Богу, то и вам не пристало уклоняться от общего порядка. Подклоните же свою свободу под иго воли Божией самоохотно.

Когда в какой-нибудь многосоставной машине, — положим, на мельнице, где действует множество колес, — одно какое-либо колесо не захотело бы подчиняться общему движению, все другие колеса, не переставая действовать под влиянием движущей их силы, сотрут его и сомнут. Так и с свободною тварью: хотя свободно, но все же необходимо подчиняться обще со всеми тварями воле Божией, чтобы жить блаженною жизнью. Возымела она смелость отступить от воли Божией — и вот трут ее и мнут все твари, поучительно напоминая ей об ее отступлении от общего чина и попечительно призывая возвратиться в общий строй, чтобы вместе со всеми работать Богу всею душою, всем сердцем, всеми силами и всем помышлением.

Стих девяносто второй

Яко аще бы не закон Твой поучение мое был, тогда убо погибл бых во смиреннии моем.

Изъяснив, как все в мире работно Господу Богу, пророк умалчивает о том, что вследствие

такого положения дел и он положил твердое намерение всегда ходить в воле Божией, — умалчивает потому, что это уж неизбежное дело для всякого, у кого есть разум, а говорит только о том, какие благие от того были для него последствия. Первое то, что в смиренных обстоятельствах только поучение в законе Божиим избавило его от пагубы.

Мы видим, что пророк Давид с детства прилеплялся всем сердцем к Богу и всячески старался угождать Ему. За то и избран в цари народа избранного и по одолении Голиафа пошел счастливыми путем к возвышению. Вот уже он зять Саула; но враг возбудил в тесте зависть к нему, и Давид принужден был бежать из царских чертогов и скитаться среди ежеминутных опасений за свою жизнь. Один Бог хранил его в этих обстоятельствах. Пророк осязательно видел это и не переставал исповедать то, когда возвратились к нему счастливые дни.

За что же Бог являл ему такую милость? — За то, что он пребывал верен Ему и ни в чем не позволял себе отступать от сознанный воли Божией. Что с ним ни случалось, он смотрел не на то, чтобы было так, как бы ему самому хотелось или как бы сделать выгоднее и лучше, а на то, чего хотел от него Бог в том или другом случае; смотрел он в закон и в нем поучался, какой предлежит ему избрать путь, так чтобы это было

благоугодно Богу. Чего бы лучше и сподручнее, как умертвить Саула, когда он лежал пред ним без защиты? Но ему и на мысль не приходило это, потому что лицо помазанника Божия считал он неприкосновенным. Страх Божий, всегда присутствующий сердцу его, удерживал его от злых не только дел, но и помышлений. А поелику он всегда был так настроен и имел всегдашнее удостоверение в своей совести, что не нарушал воли Божией в угодность себе, то сердце его полно было упованием на Бога, а такое крепкое упование всегда привлекает милость Божию и покров Его. Воспомяв об этом, он исповедует теперь, что тогда, в смиренных обстоятельствах, погиб бы непременно, если бы закон Божий не был наставником, которому он во всем следовал. Не будь этого — не было бы и покрова Божия над ним; а над кем нет покрова Божия, того подавляет злоба людская и козни исконного врага нашего спасения.

Так спасались от пагубы и все праведные. Что помогло Иосифу не затеряться в Египте и не пропасть без вести? — То, что он учился из закона Божия, как вести себя в неожиданных и негладных обстоятельствах жизни своей. Страх Божий был причиною того, что он сохранил целомудрие, а отсюда пошли уже и все милости Божии. Что спасло отроков в Вавилоне? — То, что, поучаясь в законе Божиим, они имели его

единственным руководителем, как действовать среди неверных, в руках которых была жизнь их. Отсюда мудрость их и спасение даже в печи огненной. Что раньше всех их спасло Иова в крайне крутом перевороте жизни его? — То, что он всегда поучался в законе Бога своего и пребыл ему верным, несмотря на всякие соблазны.

Блаженный Феодорит пишет: «Это можно сказать всякому из благочестивых, впадающему в бедствия: и Иосифу, избегшему рабства, прелюбодейния и клеветы, и Даниилу, получившему запрещение молиться, и трем отрокам, принуждаемым поклониться истукану, и победоносным мученикам, претерпевшим все роды казней. Так имел право говорить и Давид, изгнанный Саулом и принужденный жить с иноплеменниками и с людьми злочестивыми. Может быть, и он приобщился бы нечестию их, если бы не поучался не престанно в Божием законе».

То же может исповедать и всякий подвижник, когда минует его буря страстей и сильные смущения от бесов. Блюдет его от падений страх Божий и непоколебимая верность закону Божию. Потому-то по миновании искушения и они всегда от сердца говорят словами святого Афанасия Великого: «От приражения лукавых помыслов и нападения сопротивных сил погиб бы я, если бы закон Твой не стал для меня опорой».

Стих девяносто третий

Во век не забуду оправданий Твоих, яко в них оживил мя еси.

Прежде пророк сказал о том, что спасительного испытал он от поучения в законе Божиим и от верности ему; теперь говорит о своей решимости вследствие того: так как Ты соблюл живот мой, *оживил мя еси*, оставил в живых за то, что я поучался в законе Твоем и следовал ему во всем, то и вперед я никогда не забуду оправданий Твоих, следуя коим, человек является правым пред Тобою. «Дознав опытом, поясняет блаженный Феодорит, что оправдания Твои дают жизнь, я сохраню неизгладимое памятование о них». *Не забуду*, не памятию только и помышлением, а делом и жизнью, — не забуду то есть ходить в них, исполнять их. Опыты благих последствий от исполнения заповедей и оправданий Божиих воодушевляют решимостию навсегда оставаться верными им. С этим сладостным оживлением, которое дает жизнь по воле Божией, ничто не может сравниться. Желая оставаться навсегда в таком оживлении, я уж не хочу ничего знать, кроме оправданий Твоих. «Как оздоровевший, говорит Дидим у Зигабена, от какой-либо тяжкой болезни при пособии известных лекарств не забывает никогда про них, так и пророк, будучи оживлен Богом в оправданиях, какие имел от Него,

говорит, что век не забудет их, выставляя побуждением к тому оживление свое в них».

Слово пророка указывает не на одно сохранение жизни телесной, ради верности оправдания Божиим, но более того — на оживление души, которое всегда бывает в силе, хотя бы и не последовало сохранения жизни. Потому-то и говорит он: *яко в них оживил мя еси*. Это то же, что сказать: я чувствую в себе жизнь, которая качествует во мне чрез посредство оправданий Твоих. И действительно, где нет обличений совести, где нет предпочтения себеугодия богоугождению, несмотря на сопровождающие такой образ жизни произвольные и непроизвольные лишения, там только и есть настоящая жизнь; и, как настоящая, она не может не намазать души елеем радования, проникая все составы ее и всюду оставляя следы довольства и умиротворения. Посему святой Афанасий и пишет касательно этого места: «Буду взирать на Твои законы, потому что в них обретаю жизнь, как и сказал Ты мне, что *сотворивый та человек жив будет в них*¹. Следовательно, жив один праведник, хотя, по-видимому, и умирает; а неправедные — мертвы, хотя и кажутся живыми, потому что первые в себе самих имеют основу жизни — правду, а последние, не имея этой основы, подобны неодушевленным вещам, которые не сами собою, а отвне приводятся в движение».

¹ Лев. 18, 5.

Таким образом, можно сказать, что если иные бывают неверны заповедям Божиим, то потому, что не успели испытать, сколь животворно действует на душу исполнение их. Испытать же не допускает их неверие: не верят, что так есть, и не делают опытов самоотверженного исполнения заповедей; тогда как противоположная тому жизнь представляется им предлагающею испытанные удовольствия, хоть удовольствия эти всегда отзываются горечью. Надобно поверить и вступить на путь заповедей. Сладость жизни по заповедям не тотчас дается вкусить для того собственно, чтобы посредством сего испытать веру и дать ей окрепнуть. Но она есть и ожидается теми, кои вступили на этот путь. Когда испытание пройдет, тогда дается ощутить и сладость жизни такой, как свидетельство того, что началось оживление души под благотворным действием верности заповедям, и чем дальше, тем ощутительнее это оживление. Наконец, вселяется в сердце и полнота жизни. Это уж тогда, когда приходит Господь со Отцем и Святым Духом и творит себе обитель в душе, ради долгой, постоянной и терпеливой ее верности заповедям.

Стих девяносто четвертый

*Твой есмь аз, спаси мя, яко оправданий Твоих
взысках.*

Сам Бог присволяет Себе верно исполняющих волю Его, называя их Своими рабами, Своими

верными слугами, друзьями, сынами и дочерями; и вступающие на путь заповедей чувствуют, что вступают как бы в некое свойство с Богом, становятся Своими Ему. Так бывает и между людьми: когда кто верно служит кому, то не считает себя чуждым ему и верует, что и тот, кому он служит, не считает его чужим себе.

Так и в деле Божиим. Это взаимоприсвоение составляет духовный союз Бога с верными душами и душ верных с Богом. Вот это-то родство с Богом и исповедует здесь святой пророк: я Твой, говорит он, потому что *оправданий Твоих взыскал*; взыскал я оправданий Твоих, и стал Твой. Верую, что и Ты имеешь теперь меня Своим; спаси же меня, как Своего. *Твой аз, спаси мя!* «Твой я раб, говорит святой Афанасий Великий, Твой я по благодати сын, Твой я служитель». «Не все, прибавляет блаженный Феодорит, могут говорить так: кто раб греху, тот лжет, именуя себя рабом Божиим: *и мже кто побежден бывает, сему и работен есть*¹. Посему, если мы, освободившись от греха, положим намерение следовать Божиим законам, то и мы можем говорить о себе словами пророка».

О, какого великого дара, какого неизреченного преимущества лишает нас грех!.. *Божий* — такое звание дается исполнителям заповедей Божиих, и не звание только, но самое существенное свойство и родство с Богом! Кто посвящает себя

¹ 2 Пет. 2, 19.

на служение Богу, взыскав оправданий Его, того Бог, благодатию Святого Духа, претворяет в нового человека, и бывает он Божий, как рожденный от Бога. Что значат пред этим все титулы и все преимущества земные!.. А между тем мало кто помышляет об этом, беззаботно предаваясь греху в самоугодии плоти, тогда как грех не только ничего не дает, но расточает даже и то, что человек имеет от щедродателя — Бога. От того-то мы и не имеем права говорить: *Твой есмь аз*. Какие же мы, в самом деле, *Его*, когда совесть громко говорит нам, что мы только и делаем, что творим плотоугодие в похоти?

Увлекаясь преимуществом такого титула, иной, пожалуй, и рванул бы сказать: «Твой я, Господи», — но восстают ближайшие его господа, которым он работает, и зажимают ему уста. «Приходит похоть, разъясняет эту мысль святой Амвросий, и говорит: мой ты, потому что плотоугодничаешь, ты продал себя мне за любовь к такой-то; я заплатила за тебя твоим падением с такой-то блудницею. Приходит любостяжание и говорит: мой ты; серебро и золото, которое ты имеешь, цена рабства твоего; то, чем ты владеешь, есть уплата за твое самовластие (с моей) и продажа свободы (с твоей стороны). Приходит роскошество и говорит: мой ты; однодневное пирование есть цена за всю жизнь твою; эти роскошные яства есть уплата за твою голову; я купило тебя

за чаши вина, стяжало за дорогие блюда. Приходит честолюбие и говорит: мой ты; разве не знаешь, что за то я доставило тебе власть над другими, чтобы ты мне покорствовал? Ты раб мой за то, что я подчинило тебе других. Приходят и все другие пороки и страсти, и каждая из них говорит: мой ты, — и тот, кому говорят они это в правду, не смеет и языка поворотить против них. Как же такому осмелиться сказать Христу Господу: «Твой я»? — Нет, ответит Он тебе: *не всяк глаголяй ми: Господи, Господи, увидет в царствие небесное*¹. Не всякий, говорящий Мне: «Твой я», есть Мой. Ты Мой, если только совесть твоя не обличает тебя в лживости слова твоего, если речи твоей не противоречат дела и помышления сердца твоего. Не отрицаю, что тот Мой, кто сам не отвергает сего или, лучше, кто отвергается сам себя. Не хочу иметь рабом того, кто рабствует многим господам; ибо как будет Моим тот, кто языком говорит: *Твой есмь аз*, а делами опровергает это и жизнь свою показывает, что предан диаволу? Не Мой тот, кого разжигает похоть, ибо у Меня чистота; не Мой тот, кого возмущает скородвижный гнев, потому что Я — кротость; не Мой тот, кто услаждается пиршествами, потому что у Меня строгая во всем воздержность. У Меня мир, и вздорливости Я не ведаю. Что Мне до того, о ком диавол может сказать: «Он мой; он

¹ Мф. 7, 21.

передо мною преклонил выю свою, и я нахожу в нем много своего? Имя-то он носит Твое, а служит мне». Святой пророк Давид праведно сказал: *Твой есмь аз*, потому что всегда предан был Господу, *яко оправданий Твоих взысках*, то есть я ничего не искал чуждого Тебе, но всегда желал одного того, что Твое есть: *оправданий Твоих взысках*. Они — единственное достояние мое; а чрез них и Сам Ты — часть моя еси, Господи».

Стих девяносто пятый

Мене ждаша грешницы погубити мя, свидения Твоя разумех.

Грешники — ненавидевшие меня, враги мои, — составили засаду, чтоб я попался в их руки, дабы погубить меня. Но так как я ничего не знал и знать не хотел, кроме свидений Твоих, то благодать Твоя благоволила принять меня под Свой покров, и я избавлен был от рук их; грешники ждали благоприятного случая, и не дождались. Если искусный лоцман умеет провести судно среди подводных камней, то не тем ли более знает, как провести Своих, Господь среди всех окружающих и сдвигающих их опасностей? Тут как будто пропущено: Ты взял меня под Свой покров; но мысль эта прямо вытекает из предыдущего: *Твой есмь аз, спаси мя*; здесь же доразумевается только услышание сей молитвы. Святой Афанасий пишет: «Надлежало бы сказать:

внял я разумом (свидениям Твоим) и помышлением о Тебе (молитвенным), привлечшим помощь Твою, привел в недействительность злоумышления их». Или, пожалуй, такая здесь мысль: грешники строят ковы¹ мне, надеясь погубить меня; но я, оставаясь всегда верным заповедям Твоим и по ним одним направляя шаги мои, миную их ковы и бываю спасен. Я и не знаю, что там или здесь у них творится; но поелику я стараюсь всегда поступать только так, как внушают свидения Твои, то и прохожу безопасно дорогою и делаю тщетными покушения их.

Слова эти можно приложить к мученикам. Чего-чего не употребляли мучители, чтоб отклонить их от веры и таким образом погубить душу их! Но и ласки, и козни их оставались тщетными пред твердым духом верующими, потому что они ничего не хотели знать, кроме явной воли Господа, завещавшей им исповедать Его пред человеками. То одно, то другое мучение употребляли мучители, ожидая, что вот-вот отвергнутся мучимые Господа Христа; но ожидания их не оправдывались. Святой Амвросий говорит: «Святой, вышедши из судилища, где изречен ему смертный приговор, мог сказать: *мене ждаша грешницы погубити мя*, — употребляли то есть все роды казней и мучений; но от исповедания моего отвлечь меня не могли. Вера победила приманки

¹ Злоумышления, козни. — *Ред.*

жизни и терзания тела. Ожидали грешники восторжествовать надо мною; но благодарение Христу Господу, даровавшему мне восторжествовать над мучителями моими! Оставайтесь побежденными, чаявшие одержать победу! *Где ти, смерте, жало?*¹ Не твоя, но наша уже начинает быть победа, потому что мы теперь побеждаем в тебе, в которой прежде были побеждаемы. Итак, прилично мученику сказать: *мене ждаша грешницы погубити мя*. Чрез минуту (по усекновении) видит он хоры ангелов и говорит в радости: меня ждали те, которые радуются о спасении всякой души, чтобы взять меня от земли, — видит там славу святых и говорит: меня ждали праведные воспрять меня в сожительство свое, — видит Господа Иисуса и говорит: меня ждал Христос Господь, чтоб увенчать меня».

Прилично говорить так и всем подвижающимся в богоугождении. Против них вооружается мир и с прелестями своими, и с своею ненавистью; им строят скрытые ковы исконные враги нашего спасения; и тот и те ожидают успеха, но когда человек, с которым вступают они в борьбу, всем своим умом занят лишь свидениями Божиими, то все покушения их погубить его остаются безуспешными. Как паутину разрывает он все сети врагов, и все стрелы их отскакивают от него, как от несокрушимого утеса. Другим полна душа

¹ Кор. 15, 55.

его, в ином мире витает ум его, к иным предметам питает сочувствие сердце его; потому и искушения не увлекают его, а порождают неприязнь против себя, всеваемую духом молитвенным. Святой Амвросий влагает в уста подвижащегося следующие слова: «Грешники расставляли мне сети, чтоб увлечь меня на грех и заразою его погубить меня; но приманки греха не отвратили меня от созерцания предметов Божественного ведения и не отклонили внимания моего от углубления в заповеди Твои, Господи. В свидениях Твоих был я всем умом моим и только их разумел. Если бы я не был так предан им, то, может быть, грех и увлек бы меня, и я погиб бы: но *се* благодатию Твоею *есмы, еже есмь*¹».

Стих девяносто шестой

Всякия кончины видех конец: широка заповедь Твоя зело.

Кончина — συντέλεια, окончание дела, может означать и самое дело, предприятие и начинание. *Конец* — πέρας — предел. Пророк говорит: всякого дела или предприятия и начинания видел я предел; начинается оно, продолжается и приходит к концу своему. Заповедь же Твоя широка зело, то есть не имеет конца; начни ее исполнять и никогда не дойдешь до того, чтобы сказать: кончил, больше не требуется. И еще: всякое

¹ 1 Кор. 15, 10.

начинание и дело занимает известный круг, в котором действует и дальше которого влияние его не простирается. Заповедь же Божия безгранична и так широка, что и предела нельзя ей назначить.

В каком смысле можно говорить так о заповедях? — **Во-первых**, в том, что преуспеянию во всякой заповеди нельзя положить предела. Степени восхождения или совершенствования в каждой из них не имеют конца. Каждая заповедь обязует к свойственной ей добродетели; но на какую высокую степень ни стань в какой-либо добродетели, никогда не можешь сказать: «довольно», потому что есть еще степень ее, выше той, на которой ты стоишь. Возьмите милосердие: можно ли думать, чтобы кто-либо дошел в нем до последнего предела совершенства, когда пределом этим назначено милосердие Отца Небесного, в Котором все беспредельно? И какую кто ни возьми добродетель, последним пределом ее будет совершенное Богоподобие. А так как этот предел никогда не достигим для твари, то она вечно будет восходить до него и никогда не дойдет. Когда сказал Господь: *будьте совершенны, якоже Отец ваш небесный совершен есть*¹, то этим указал Он на обязанность созданных по образу Божью — стремиться к бесконечному совершенству во всякой добродетели. Если же обязательно

¹ Мф. 5, 48.

достигать этого, — а никто не может сказать о себе, что уже достиг, — то отсюда само собою вытекает, что смирение есть самое естественное чувство у всех преуспевающих в добродетелях, и, чем кто выше по добродетелям, тем бывает смиреннее, ибо пред ним открывается бесконечный путь, который предлежит еще ему пройти. Если же бесконечный, то все пройденное — ничто; путь как бы еще и не начат. Потому-то такие люди, при всех усилиях и стремлениях, обыкновенно говорят: *не у достигох... гоню же, аще и постигну*¹. Святой Афанасий пишет: «Это — слова со всяким преуспеянием восшедшего на самый верх добродетели; достигшего совершенного блага, многому положившего и начало, и конец. Ибо окончание первого усовершеня служит началом последующего, по сказанному: *егда скончает человек, тогда начинает*»².

Во-вторых, широка заповедь потому, что вступивший на путь ее вступает в область воли Божией, которая объемлет все сущее и бывающее. Мысль эта стоит в согласии с мыслию первых трех стихов сего восьмистишия, то есть что все и на небе, и на земле покорствуется воле Божией. Так как заповедь есть выражение воли Божией, то начавший ходить по заповедям вступает в беспредельную широту, где царствует воля

¹ Не потому, чтобы я уже достиг, но стремлюсь, не достигну ли (Флп. 3, 12). — ² Сир. 18, 6.

Божия. Тогда как живущий не по заповедям, выходя чрез то из пределов воли Божией, подвергается утеснению и давлению со стороны всего, что покорствуется воле Божией, — живущий по заповедям Божиим состоит в гармонии со всем, а благоприятное отношение его ко всему дает ему беспрепятственный простор бытия и действия.

Отсюда вытекает, **в-третьих**, то, что заповедь широка потому еще, что исполняющему ее дает широту, или полную свободу. Только ходящий по заповедям и собою обладает, и всеми делами своими и всеми отношениями своими распоряжающийся по-Божьему, не подчиняется внешнему, а, напротив, внешнее подчиняет себе. Каждая страсть и страстная привычка есть связка свободы, по которой человек становится рабом ее. Это всякий знает и испытывает на себе. Заповеди даны в противоядие страстям: навывший исполнению какой-либо заповеди убивает противоположную ей страсть. А пошедший, или направившийся по всем заповедям, убивает все страсти; если же убивает, то уничтожает в них и свойство вязания; а если уничтожается это свойство, то, стало быть, человек получает полную свободу. Вот это именно и есть, как говорит святой апостол, *свобода чад Божиих*; в этом и состоит таинство искупления.

Тринадцатое восьмистишие идет под буквою или словом *мем* — *пятно*.

Пятно — то же, что порок или недостаток в вещи, а равно нравственный недостаток какой-либо и, наконец, грех.

Рассуждая с этой точки зрения, встречаем вопросы: в чем состоят недостатки или пороки, пятнающие человека, и откуда они, какими следствиями сопровождаются и как поправить их?

В настоящем восьмистишии пророк показывает, как исправляются главнейшие пороки душевные: слепота ума, неправость воли и огрубение сердца, нечувствие. Все они исправляются поучением в законе Божиим и верным ему последованием. Жизнь по заповедям открывает очи ума, и тогда он уразумевает все ясно (стихи 97 — 100), возвращает правость воле, упорядочивая все начинания ее (стихи 101, 102), восстанавливает в сердце забытое чувство ко всему святому и божественному (стихи 103, 104).

Стих девяносто седьмой

Каль возлюбих закон Твой, Господи, весь день поучение мое есть.

Каль возлюбих закон Твой, Господи, то есть как любезен мне закон Твой! Так взывает душа,

испытывавшая благотворные действия жизни по заповедям Божиим. Приступающий к исполнению заповедей может приступать к сему по страху наказаний, по стыду порока пред людьми, по убеждению ума, что так должно, еще не чувствуя влечения к ним, не зная, какой вкус сокрыт в них; тут он ведется, как ведомый, и трудится, как подъяремное животное. Но потом мало-помалу начинает ощущать благо от такого образа жизни и входить во вкус ее, и чем дальше, тем больше; наконец, удостоверяется, что ничего нет блаженнее, как удалиться от зла и творить благое, поучаясь в законе Господнем день и ночь. Тут уже прилежит он закону не по сознанию долга или другому какому-либо побуждению, а по сердечной любви к нему, ибо благого нельзя не любить. Блаженный Феодорит пишет: «Не всякий исполняющий закон Божий исполняет его по любви, но иные исполняют его из боязни и страха наказания, а иные — домогаясь славы от людей; искренние же любители добродетели стараются исполнять Божии повеления из расположения к добру».

Святой Иларий говорит: «Можно бы сказать: как точно исполняю я закон Твой! Но так как больше цены, когда кто делает что любя, а не страшась, то пророк и говорит: *каль возлюбих закон Твой!* Последование воле Божией по любви далеко отстоит от исполнения долга по страху.

Пророк и свидетельствует, что его покорность закону происходит от преданности и любви, а не от чего-либо другого. Многие соблюдают пост потому только, что боятся укора за то от пастырей; иные подают бедным потому только, чтобы не подвергнуться обличению в скупости; другие ходят в церковь из-за того лишь, чтобы избежать стыда, когда сделают им замечание за такое нерадение. Все такие делают не потому, что любят. В любви качествует самоохотное усердие к делу, делаемому с радостью и удовольствием. Кто что любит, тот того охотно и желает».

Кто что любит, тот о том непрестанно и помышляет. И пророк, возлюбивший закон, поучался в нем весь день; поучался при всяком деле, чтоб дело его было Богу угодно, не оскорбляло Его; поучался и на свободе от дел, заготавливая образчики для дел, чтобы при встрече с ними не затрудняться, как поступить; поучался и по тому одному, что такое поучение питает душу небесными Божественными стихиями помышлений добрых и чувств благих. Последний образ поучения чаще может иметь место, да он и удобоисполнимее. Есть в правилах отцов — с утра читать слово Божие с углублением, пока нападешь на такое место, которое падет на сердце. Такое место будет потом занимать тебя целый день, как ключ какой, заводящий играющую машинку. Иные для того, чтоб ум был занят весь день

Божественным, советуют заучивать псалмы на память и потом перечитывать их. Иные, посильнее умом, утвердив с утра ум в богомыслии, не отходят помышлением от Бога весь день. Все это, хоть и разное занятие, но одинаковое исполнение того, что говорит пророк: *весь день поучение мое есть*.

Для того, кто так поступает, и ночь как день или, лучше, для него нет ночи, а все день. Потому-то, может быть, и сказал пророк: *весь день, не поминая о ночи, как делал в первом псалме: в законе Господни поучится день и ночь*. Святой Афанасий пишет: «У преуспевающего день — когда живет он по закону, и ночь — когда не поучается в нем всем сердцем своим и не делает того, что должно делать по закону. А для преуспевших, которые соделались святыми, нет уже ночи, а все день». То же говорит и святой Иларий: «Что возлюбил пророк, тем и занят непрестанно: возлюбил закон, и поучается в нем беспрерывно весь день. Не отвлекают его другие занятия и не наводят забвения заботы и суеты века сего. Всегда он один и тот же, и всегда в одном и том же. Весь он в поучении в возлюбленном ему законе, что и делает из всей жизни его один непрерывный день».

Стих девяносто восьмой

Паче враг моих умудрил мя еси заповедию Твоею, яко в век моя есть.

Пророк начинает объяснять то, как преданность его заповедям отогнала слепоту от очей ума его. Враги нашего спасения чрез обаяние прелестей мира или чрез смятение помышлений, всеваемых ими, часто омрачают ум, так что он, как слепой, ничего не видит и действует наобум. Враги же в эту пору направляют его на худое; он и падает. Пророк уверяет, что он избавлен был от таких бед заповедью Божиею. Она умудряла его, раскрывая козни врагов и делая безуспешными все покушения их погубить его или сделать ему какую-нибудь пакость.

Кто знает заповеди, у того сама собою воображается в голове одна общая норма жизни. Она освещает все пути жизни и все соплетения обстоятельств. Недоумения не смущают его, и вопрос — как же быть, не ждет разрешения: все решается сразу. Но само собою разумеется, что не одному знанию принадлежит такое благо, а знанию, утверждающемуся на жизни. Умудрил, говорит, Ты меня, Господи, заповедью Твоею, то есть тем, что научил, как ходить в заповедях, предписав и дав мне силы исполнять их. Опыты жизни по заповеди умудрили меня, и врагам не удастся более обмануть меня: я стал мудрее их; не столько они хитры в устроении зла, сколько я мудр в делании добра, по воле Твоей.

Блаженный Феодорит пишет: «Пророк, исповедав, что пламенно любит закон Божий, припи-

сывает все Божией благодати и говорит: от Тебя прияв премудрость и ведение, возлюбил я закон Твой, потому что Ты дал мне познание большее, нежели врагам моим».

Одна из хитростей вражеских состоит в том, чтобы внушить: однажды только согреши, а там, покайся, опять примешься за добрые дела. Против этого пророк выставляет нераскаянную решимость, высказанную однажды навсегда: ни за что не отступать от заповеди Божией; хоть умереть, а заповеди Божией не нарушить. Это и выражает он словами: *яко в век моя есть*. Такая решимость держит мысль всегда нераздвоенною, не допускающею раздумывания — уж не послабить ли себе? Такие пагубные внушения всячески старается всеять враг; но в том, кто держит на сердце: *в век моя есть* заповедь, они не оставляют следа, а как приходят, так и отходят.

Решимость такая: *в век моя есть*, — не иначе возможна, как при готовности и на смерть, если б без нее невозможно было остаться верным заповеди. Отсюда и сила ее непоколебимая. Кто обрек себя на смерть, того что уже может поколебать? А кто выступает на дело с саможалением, тот сам в себе носит изменника, который в час битвы предаст его врагам. Такой уж не перехитрит врагов своих, а бывает в руках их, как мячик, который они перебрасывают куда и как им угодно, на забаву себе и посмеяние ему. Святой

Исаак говорит о таких: «Поелику в самом начале не решились они предать себя на смерть, то во всех бранях оказываются последними и немужественными. Такие боязливы и более всего шадят свое тело. И враг, как бурю, гонит их, ибо не видит в них силы душевной, какую обык видеть во святых».

Стих девяносто девятый

Паче всех учащих мя разумех, яко свидения Твоя поучение мое есть.

Нет ничего дивного оказаться умудренным заповедию Божиею паче враг, но то дивно, что пророк, поучаясь в законе Божиим, стал сведущее и разумнее всех учителей своих. Кто эти учителя и как пророк превзошел их разумением?

Первого не сказывает пророк. Но кто бы они ни были, а все же люди, и пророк лучше их разумел, потому что после них взял его к Себе под науку Свою Господь, как сказал он пред сим. Так как Господь умудрил его заповедию, то он стал не только мудрее врагов, но разумнее и самих учителей своих — людей. Посему в этих словах выражается не какое-либо самовозношение или гордое мнение о себе пророка, а исповедание милости Божией в том, что Он, по благодати Своей, дал ему разуметь полнее и совершеннее волю Свою, нежели как передавали ее ему учителя. Святой Амвросий говорит: «Слова сии

могли бы показаться неуместным притязанием, если бы пророк не предпослал им сказанного пред сим, что умудрил его Господь. Тому, кого учила сама Премудрость, и нельзя было не разуместь паче всех. Потому-то и в другом месте говорит он: *блажен человек, егоже аще накажши, Господи, и от закона Твоего научиши его*¹.

Когда Господь поучает кого-либо, то разверзает ум и влагает в него сокровища ведения, или берет дух человека и вводит его в непосредственное созерцание открываемых ему вещей. Ум под действием Божиим видит, что угодно Господу показать ему, так же определенно и ясно, как глазами чувственными видит человек днем находящиеся пред ним в известном расстоянии вещи. И все это может совершиться мгновенно, и мера открываемого и созерцаемого может быть так велика, что его не вместит никакое человеческое слово. Так видел святой Павел, восхищенный до третьего неба; так зрели апостолы, когда Господь, явясь по воскресении Своем и дуновением сообщив им Духа, разверз *их ум разумети Писания*. В одно мгновение ум их узрел все, сокрытое в ветхозаветном Писании о совершившихся новозаветных событиях. И Господь вслед за тем только сделал общий вывод из того, что узрели апостолы: *так подобаше пострадати Христу и внити в славу Свою*². Так мгновенно и полно открывает

¹ Пс. 93, 12. — ² Лк. 24, 45—46.

20270

Господь небесное и всем, кого считает того достойным.

Но такие просветления ума необычайны. Обычный порядок обогащения ума ведением Божественным, и при непосредственном содействии тому Господа, есть просветление ума при изучении откровения, уже данного. Пророк и говорит, что он разумел паче учащих, *яко свидения Твоя поучение мое есть*. Трудился над изучением свидетель Божиих с верою и молитвою, и Господь, видя усердие его и любовь, влагал в ум его такое постижение написанного, какое недоступно для собственных усилий ума. Некто сказывал, что иногда, в час молитвы, ум его входит в созерцание Божественных истин, такое ясное и определенное, какого дотоле не давало ни свое исследование, ни прочитывание исследования других. Отсюда можно заключить, что истинное ведение откровенного и бывает только то, которое вселяется в ум именно этим путем. Труд исследования и углубления в свидетельства подготавливает, а благодать, в час молитвы, завершает ведение, просветляя ум созерцанием и печатлея зримое им в сердце. Всякое другое учение есть внешнее: одно это внутренне, духовно, Божественно и многоплодно.

Стих сотый

Паче старец разумех, яко заповеди Твоя взысках.

Во всяком народе старцы почитаются людьми, умудренными не только учением, но и опытами

жизни, — лицами, составляющими твердыню общества, которые руководят советом своим вступившее в дело новое поколение и сочетавают собою прошедшее с будущим. Были такие и во время святого пророка в Иерусалиме, и, конечно, он нередко пользовался их советами при заведении благотворных порядков в своем царстве по всем отраслям управления. Но эти же опыты дали ему познать, что он разумел всякое дело гораздо лучше и вернее старцев.

И этому причина та же, какая и превосходству его над учителями, — именно, что Сам Господь умудрил его. Святой Амвросий говорит так: «И это не трудно, — чтобы то есть тот, кого учит Господь, разумел паче старец. Благодать восполняет лета, и мудрость старческая делается достоянием нестарого летами. Так как *возраст старости — житие нескверно*¹, то научение нескверному житию представляет старческое разумение. Когда святой Иеремия отказывался, за молодостию, от пророческого служения, то ему сказано было: *не глаголи, яко отрок аз есмь*². Божий суд не почитал его отроком потому, конечно, что он имел сединную мудрость, которая сияла в нем всеосвящающею Божиею благодатию».

Так Божия благодать просветила и пророка Давида, потому и он разумел дела Божии паче старец. Но за что же такая благодать? — За то,

¹ Прем. 4, 9. — ² Иер. 1, 7.

20270 04971

что он взыскал заповеди Божии. Так как с детства поставил он законом всей жизни своей — благоугождение Богу неуклонным исполнением заповедей Его, то представлял в себе сосуд крепкий для вмещения токов Божественной премудрости. Она и излита была в него. *В злохудожну же душу не внидет премудрость*¹. Если люди драгоценных ароматов не влагают в сосуды нечистые или дырявые, то вложит ли Господь премудрость небесную в душу, служащую страстям и потому нечистую и разбитую? И если бы, по преизбытку благодати, Он снизошел до того, то злохудожная душа не имела бы чем принять эту мудрость. Ум у нее набит понятиями ничтожными, низкими и ложными, — как же вместить ему высокие истины Божественные? Расположения сердца ее все обращены к предметам земным, чувственным, — как же оно постигнет доброту чистых неземных благ, чтоб одобрить их и поставить выше всего? Сжилась она с землею, и иной жизни представить себе не может, — как же уразуметь ей уроки, последняя цель которых в другой жизни? Между тем гордости ее меры нет, и она не задумается Самому Господу сказать: «Отойди, путей Твоих я ведать не хочу!»

Пророк именует себя взыскавшим заповеди не в том смысле, что всячески старался узнать, какие это заповеди Божии, а в том, что всячески

¹ Прем. 1, 4.

заботился преуспеть в исполнении каждой из них и приобрести такой навык в этом, чтоб они все казались не предписаниями только совне, а естественными расположениями сердца. Сердце и по естеству настроено на всякое добро, но прившедшие страсти обезображивают его и извращают. Когда деятельное взыскание заповедей подавит страсти и восставит добрые расположения, тогда они сами становятся указателями того, что требуется по заповеди в том или другом случае. Как искусный художник, какое ни представься дело по его части, тотчас разумеет, как начать его, какие употребить материалы и какими инструментами действовать, так и взыскавший заповеди и навыкнувший в исполнении их сразу понимает, как в каком случае поступить: мудрость деятельная приседит сердцу его и толкует это. Оттого, что для другого составляет предмет многотрудного рассуждения, то для него не представляет никакого затруднения. Как естественно человеку дышать, так у него естественно исходят из сердца всегда благовременные уроки мудрости.

Стих сто первый

От всякаго пути лукава возбраних ногам моим, яко да сохраню словеса Твоя.

Слепота ума прогнана; вместо ее стали действовать ведение и мудрость, подобных которым

нет среди людей, долженствующих отличаться ими, и все это достигнуто поучением в заповедях и верностью им в жизни. Теперь пророк указывает, как исправилась и неправость воли; и это, говорит, совершилось тем же путем. Стал я возбранять ногам моим от всякого пути лукавого и от судеб Божиих не уклоняться, и воля моя исправилась, навыкла хранить словеса Божии и установилась в том.

Совесть наша и всегда внушает нам бегать зла, но не достает воли следовать ей. Приманки самоугодия пересиливают ее, и человек идет на злое. А сделав злое однажды, не удержится и в другой, а потом скоро образуется и привычка к известному роду самоугодия наперекор совести. Так образуется одна привычка, потом другая, третья, десятки, сотни. Когда опомнится человек и задумает шествовать право, угождать Богу, тогда он находит себя со всех сторон связанным и опутанным. Как же быть?

Блуди твердую решимость хранить словеса Божии, всячески подогревай и поддерживай ее, держа в сердце своем страх Божий, память смерти и суда Божия и затем возбраняй ногам своим от всякого пути лукавого. Нельзя тебе вдруг возлюбить доброе, чтобы по этой любви держаться его. Начинай с неделания худого, и хоть привычная воля будет порываться на худое, держи ее в пределах должного силою решимости

твоей. Зло началось в сердце, а окрепло в привычных делах. К уничтожению его иди обратным путем: прекрати дела, и чрез них дойдешь до пресечения зла в сердце.

Не ходи туда, где привык ты удовлетворять дурной привычке; пресеки сношения с товарищами греха и измени все порядки жизни, питавшие грех. Это значит возбранить ногам. Когда случай ко греху перед глазами, как удержаться от него тому, кто привык к нему? А когда случаи отдалены, то хоть и придут мысли на грех — пошумят-пошумят в голове и отойдут. И прогнать их тогда удобнее, чем тогда, когда не мысли только, но и глаза, и уши, и осязание, и обоняние будут обдавать тебя паром греховным. Святые отцы того, кто стоит пред соблазном, уподобляют стоящему на краю пропасти: как только вздумается врагу, он даже легким толчком может низринуть его туда. А того, кто удаляется от соблазнов, уподобляют они находящемуся далеко от пропасти: когда враг повлечет его в пропасть, он имеет еще время отбиться от него или воззвать о помощи и избавиться от беды.

Уклонение от путей лукавых отставляет зло и восстанавливает добро в душе. Но это внешний труд; к нему надо присоединить внутренний — возбранение мысленным ногам от мысленных же путей лукавых. Мысленный путь лукавый таков: начинается злая мысль, привлекает сочувствие,

возбуждает желание и склоняет на дело. Когда кончится этот мысленный путь ко греху, тогда следует путь внешний к совершению греха делом. Прекратил ты эти внешние хождения ко греху — доброе дело. Но не думай на этом остановиться, а старайся пресечь и внутренние пути к нему; ибо, несмотря на внешние уклонения от путей лукавых, мысленные странствования не тотчас прекращаются, а часто заходят туда и блуждают там. Итак, возбрани и мысленным ногам от путей лукавых, чтобы они не повели туда и телесных ног. Прогоняй мысли худые, уничтожай сочувствия, а более всего берегись склоняться на зло. Пока этого нет — ты все еще безопасен; но когда это появится — ты уже в опасности. Хотя и при этом можно еще миновать ее, но лучше не подвергаться тому, ибо предлежит борьба. Пропасть еще далеко, но враг уже уцепился и тащит туда. Главное в этом деле — уклонение от злых помышлений; они, как комары, жужжат: гони и не ослабевай. Если поспешишь заменить злые мысли добрыми, то дело твое во сто раз успеется и облегчится.

Стих сто второй

От судеб Твоих не уклонишься, яко Ты законоположили еси.

От лукавых путей возбранял я ногам моим, и от судеб Божиих не уклонялся, исполнял то есть

то, что сам советовал другим: *уклонися от зла и сотвори благо*¹. Это следовало уже само собою. Без дел нельзя быть; но если от злых дел уклонялся, то, конечно, от добрых не уклонялся. «Невозможно, говорит блаженный Феодорит, вдруг идти двумя путями — путем непотребства и целомудрия, правоты и неправды. Но должно избегать путей противоположных и идти путем правым. Только таким образом можно сделаться хранителем Божиих законов».

Судьбы Божии — это присуждения, как следует нам жить, определения воли Божией, или то же, что заповеди. Поэтому не уклоняться от судеб Божиих есть то же, что не уклоняться от исполнения заповедей Божиих. Для этого нет нужды за море ходить, чтобы сыскать случай к исполнению заповедей: случаи к тому всегда перед глазами. Как только возбранишь ногам ступать на путь лукавый, в то же время имеешь случай ступить и на путь правый. Просят милостыню, — путь лукавый состоит в том, чтобы не подать ее, а Божие присуждение — подать: подай, и возбранишь пути лукавому, и от судьбы Божией не уклонишься. Обидел кто, — лукавый путь ведет тебя к отмщению, а Божие определение — к прощению: когда простишь, возбранишь ногам от пути лукавого, от судеб же Божиих не уклонишься. Так и во всем. Посему неуклонение

¹ Пс. 33, 15.

от судеб Божиих, можно сказать, состоит в следующем: смотри зорко кругом и под ноги себе и не пропускай ни одного представляющегося тебе случая сделать добро.

Случай на добро, какой у тебя пред глазами, есть то же, что прямое Божие повеление тебе сделать это добро. Уклонишься — Богу воспоперишишь. Пророк побуждением к неуклонению от таких судеб Божиих и поставляет: *яко Ты законоположил ми еси*. Сознание того, что в том или другом случае, как бы устно, Бог законополагает сделать такое и такое добро, есть самое сильное побуждение для богобоязненных к неуклонению от того добра. Когда кого посетит это сознание, тогда из него исходит непреодолимая нравственная сила к покорности велению Божию. Кто живет в страхе Божиим, тот не уклонится от него, хотя бы это стоило не только имения всего, но и жизни. Источник такого настроения — крепкая вера в Промышление Божие, определяющее все случайности нашей жизни, направляющее их все к тому, чтобы самым благонадежным образом содевалось спасение наше.

Ныне у нас много благотворительных учреждений. Не подумай, чтобы, сделав обычный взнос, ты мог считать себя уже свободным от частной благотворительности. То своим чередом, а это своим. Хоть и то устроится не без воли Божией, но ближайшая и прямая воля Божия — случай

на добро, который у тебя перед глазами. Если опустишь, то воспоперишишь Богу. У Бога много рук подающих, и без тебя найдутся такие, которые помогут; но Бог тебе сделал честь, чтобы ты помог и в своем лице представил благодеющую десницу Божию. Смотри же, не уклонись от этой чести, как в притче позванные на брак. Почаще поминай самарянина, который, нашедши на пути избитого разбойниками, не стал раздумывать, а тотчас сделал все, что мог, и за то похваляется Владыкою всяческих и предлагается в пример всем.

Стих сто третий

Каль сладка гортани моему словеса Твоя, паче меда устам моим.

Остается еще отогреть сердце, хладное ко всему святому и Божественному. Человек создан по образу Божию; стало быть, все Божественное должно находить в нем теплое чувство. Но когда человек ниспал от своего чина и вкусил от благ чувственных, — вкус к духовному закрылся, и область та стала для него землею неведомою; совсем забыл он, что это за блага духовные и божественные. Как слепой не понимает, что такое цветы, о красоте которых ему рассказывают, как глухой смотрит даже на инструменты, гармонические звуки которых чаруют всех, и ничего не может понять, что такое деется вокруг него, так

и тот, у кого закрылось чувство к духовному, видя, не видит его, и слыша, не слышит, ибо *одебеле сердце*¹ его.

Кому неизвестна эта дебелость, огрубение и нечувствие сердца? Знают его и все боящиеся Бога и путем заповедей Его идущие. Но это временами лишь находящее замирание сердца; а где в силе страсти и разные пристрастия, там нечувствие и холодность к Божественному есть уже постоянное состояние. Тут душа мертва; воскресение ее начинается оживлением чувства духовного.

Первые удары в это чувство бывают очень болезненны. Оно поражается страхом смерти, суда и мук вечных. Отсюда обычным путем рождается страх Божий, который оживляет совесть и вместе с нею доводит до покаяния и решимости — оставить путь злой и прилепиться к Господу угождением Ему чрез исполнение заповедей Его. Но и тут полагается только начало оживлению духовного чувства. Больной встал, но он еще не имеет ни к чему аппетита: ест и пьет по убеждению, что надо есть и пить, чтоб не умереть. Таков и тот, кто вступил на путь Божий покаянием: нудит себя на добро и противится злу, но вкуса еще не находит в делах своих, делает по убеждению, что нельзя иначе, по обету и решимости делать все по заповедям.

¹ Деян. 28, 27.

Постоянство в самопринудительном делании начинает потом понемножку оживлять и чувство. Душа начинает ощущать приятность и сладость в том, в чем прежде не находила вкуса. И молитва начинает услаждать, и селения Божии (храмы) становятся возлюбленными, и милостыня доставляет утешение, и всякое воздержание радовать. Тут бывает то же, что при окостенелости холерной: трут больного без жалости и мало-помалу возвращают теплоту в охлажденные члены его. И в душе, пораженной холерою греха, делается то же: начинает тереть себя человек самопринужденным доброделанием — милостынями, постами, молитвами, — и понемножку оттирает свое замершее духовное чувство. Отсюда выходит наконец то, что он только и удовольствия находит, что в делах, угодных Богу; туда только его и тянет, на чем есть печать воли Божией; там только ему и приятно, где может он быть с Богом и в делах Божиих. Кто достиг сего, в том чувство духовное, значит, ожило. Вот это-то состояние и выражает пророк словами: *каль сладка гортани моему словеса Твоя, паче меда устом моим*. Словеса означают заповеди Божии. Не такую, говорит, сладость оставляет в гортани мед, какую в душе — исполнение заповедей.

Стих сто четвертый

От заповедей Твоих разумею, сего ради возненавидех всяк путь неправды.

Чувство имеет две стороны. Если в одном находит сладость, то в другом, противоположном тому, — горечь, и сколько располагается к первому, столько же отвращается от второго. Пока живет человек в самоугодии и чувственности — духовное для него невкусно; когда же, покайся, оставит он самоугодие и пойдет по воле Божией, тогда, наконец, чувственное и самоугодное делается для него невкусным. Это самые решительные указатели нравственного состояния человека. Смотри, в чем находишь вкус, к чему сердце являет сочувствие, и по тому определяй — на добром ли ты пути или на недобром.

Надо заметить, что сочувствия к плотскому, страстному, самоугодному долго еще прорываются из сердца и по обращении, и после опытов трудничества над очищением сердца. Можно сказать, что на первых порах сочувствие все лежит на стороне прежней страстной жизни; оно только удерживается в пределах силою решимости. Потом начинает являться сочувствие к добру; далее оно уравнивается с противоположным сочувствием к страстному; после берет верх над сим последним; затем сочувствие к страстному умирает, а наконец и все страстное, плотское, самоугодливое становится неприятным, душа начинает мерзить им. Это уже есть, как замечают святые отцы, свидетельство очищения сердца от страстей. Об этом и говорит здесь

пророк: *возненавидех всяк путь неправды*. А как он дошел до этого? — *Разумех*, говорит, *от заповедей Твоих*; уразумел, что шествие по заповедям Твоим есть *едино на потребу*¹, и вступил на путь их; шествуя же ими, возлюбил их, так как они производили сладость в душе моей; а эта любовь и сладость дали мне возможность ощутить горечь неправды и возыметь к ней ненависть. Вот и конец врачевания души и предел искоренения недостатков ее!

Святой Василий Великий на вопрос: «Какой признак очищения сердца?» — не раз отвечивал: «Тот, когда человек возненавидит грех». Тот же ответ давал он и на вопрос, какой знак того, что прощены человеку грехи. И у святого Варсонофия такие же ответы. Последний говорит, что пока еще есть хотя малое сочувствие к чему-либо страстному, то значит, что душа еще нечиста. Если страстное назовем гноем, то эта мысль оправдывается сравнением с врачеванием ран. Рана не заживает, пока весь гной не вытянут; так и рана души еще не зажила, пока прорываются в ней сочувствия к греховному.

Отсюда выходит такой урок: опасно почивать на той уверенности, что я не делаю худых дел. Ибо, может быть, обстоятельства так сложились, что тебе лучше не делать худого, и не делаешь, а в сердце-то оно живет. Если Бог смотрит на

¹ Лк. 10, 42.

человека по настроению его сердца, то и смотри, чего ты при сем стоишь и чего тебе должно ожидать. Не хвались исправностию внешнего поведения, а вникни в то, куда сердце лежит. Святой Макарий говорит: если ты сошел в глубь сердца и умертвил кроющегося там змея, то хвались; делами же одними видимыми нечего хвалиться. Как много на суде Божиим окажется таких, которым Бог скажет: *не вем вас*¹, несмотря на то, что они сами себя и другие считали их усердными боговедцами!

ЧЕТЫРНАДАТОЕ ВОСЬМИСТИШЕ

1 Четырнадцатое восьмистишие идет под буквою *нун*, что означает *племя*.

Племя — отец, дед, прадед, сын, внук, правнук, со всеми прочими ветвями отрождений.

Есть своя племенность и в проявлениях духовной жизни. Святой Иоанн Лествичник допрашивает всякую добродетель и всякую страсть: кто у них отец и мать, кто дети и дочери и кто прочие родные? Значит, он представляет каждый вид добродетелей, а равно и всю добродетельную жизнь в виде доброго племени с родоначальниками и отрождениями их. Не другое что делают

¹ Лк. 13, 25.

и святые апостолы, когда обозревают разом всю совокупность добродетелей. Святой апостол Петр пишет: получили вы дары благодати; теперь, *тщание все привнесше, подадите в вере вашей добродетель, в добродетели же разум, в разуме же воздержание, в воздержании же терпение, в терпении же благочестие, в благочестии же братолюбие, в братолюбии же любовь*¹.

Что это, как не перепись племени добродетелей? То же племя описывает и святой Павел, когда исчисляет плоды Духа: *плод духовный есть любви, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание*². И в словах Спасителя о блаженствах не то же ли видится? Какие добродетели вводят в рай? — Смирение, сокрушение и плач о грехах, кротость, правдолюбие, милосивость, чистота, миротворство, терпение, странничество для всего³. Вот райское племя! Подобно сему и в настоящем восьмистишии пророк изображает племя добродетелей своим образом, в каждом стихе указывая на одну или две из них, существеннейшие в духовной жизни. Не перечисляем их предварительно: рассмотрение каждого стиха даст каждому видеть, какую добродетель восхваляет он в нем, а равно и то, в каком отношении поставляет ее к другим, сопредельным ей, добродетелям или, вообще, к духовной жизни.

¹ 2 Пет. 1, 5—7. — ² Гал. 5, 22—23. — ³ Отстраненность от всего. — *Ред.*

Стих сто пятый

Светильник ногама моима закон Твой, и свет стезям моим.

Кто может так говорить, кроме веры, истинной, несомненной, не допускающей никакого раздвоения мысли? Принимая без раздумывания закон Божий, или волю Божию, выраженную в Откровении, вера стоит и идет твердо ногою по указываемому там пути, как твердо и с уверенностью идет путник по дороге, о которой знает, что она ведет прямо к его родному жилищу. Так ведет нас вера к Небесному Отечеству нашему. Для нее все ясно, и не бывает, чтобы какое-либо облако затемняло стези и чтобы она принуждена была обсуждать, как ступить и где поставить ногу. Вот вам неотложное условие благонадежного шествия!

Представьте себе человека, который идет по перегибающейся и трясущейся доске через глубокий овраг, — какой страх, какое замирание сердца, какая поминутная опасность упасть! Шаг другой — и человек или падает, или возвращается назад, не находя возможности идти по такой перекладине. Представьте еще, что по какой-либо случайности все предметы, окружающие человека, начнут кружиться, земля покажется движущейся, — он непременно упадет. А кто идет по твердому мосту и видит, что все окружающие его предметы стоят на своих местах, в обычном

порядке, тот не испытывает ничего подобного. Таков и верующий. Как глаз видит все предметы вещественные, так вера видит предметы духовные, каждый на своем месте, в своем порядке и в своих отношениях к другим; оттого шествие при свете такой веры, исполняющей душу уверенностью, дающею шествующему смелость ступить не боязненно по предлежащему пути, никогда не сопровождается колебаниями, страхами и кружениями мыслей, потому и совершается благоуспешно. Напротив, шествующий без веры не может быть свободен от страхов; идет иногда и он, но словно по ножам. Оттого и не может продолжать шествия, а попытавшись, бросает.

Вера есть дар благодати, но семя ее положено в естестве нашем. Уму нашему следовало бы ясно зреть духовное и передавать его в руководство душе. Ум — естественное окно в духовный мир. Но так как грехом он закрылся, а жить человеку без ведения о духовном невозможно, то милосердому Господу благоутодно было дать внешнее слово в откровение сокровенных духовных и божественных вещей. Когда слово это принимается живою верою, тогда выходит то же, что если бы сам ум видел те предметы. Вера протирает это потускневшее окно, обращенное к духовному миру. Шествие путем веры очищает ум и возвращает ему действием благодати потерянную им способность зреть духовное и божественное.

Тогда и он, срастворившись с верою, силою Духа Божия, опять делается окном в Божественный мир. Другого пути туда нет. Суемудренная философия сколько ни пыталась разгадать ту область, всегда порождала только призрачные представления, иногда очень красивые, но всегда ложные¹.

Стих сто шестой

Кляхся и поставих сохранить судьбы правды Твоея.

Решимость угождать Богу и постоянная о том ревность есть первая дочь веры. Что говорим мы в крещении? — Отрицаюся сатаны и всех дел его и всего служения его, и сочетаваюся Христу Господу, с обетом во всем всегда исполнять волю Его. Не то же ли повторяем мы и в покаянии, когда возымеем несчастье пасть горьким падением по крещении? Все это то же, что *кляхся и поставих сохранить судьбы правды Божией*.

Кляхся и поставих, то есть с клятвою положил себе закон правилом всей жизни моей. «Пророк, пишет Феодорит, *клятвою* наименовал твердое решение души, так как большая часть дел подтверждается клятвою». *Сохранити судьбы правды Твоея: судьбы правды* — присуждения, определения правды Божией, то же, что воля Божия, выраженная в откровенном слове Его. Кто скрепил себя таким решением и ревнует быть верным данному

¹ См.: Исаак Сириянин. Слово 55.

слову, тот скорее умрет, чем нарушит клятву свою. Отсюда — мученики, отсюда — подвижники и все, преуспевшие в святости жизни. Эта ревность составляет душу святой и богоугодной жизни.

Она то же, что паровоз на железных дорогах или паровик в пароходах. Пока она жива — движения жизни духовной не прекращаются и преуспеяние в ней растет и растет.

Святой Исаак Сириянин во многих местах, касаясь веры, говорит, что она в первоначальном своем зарождении производит страх, напечатлевая в уме и проводя до сердца мысль, что грешнику непременно предлежит ответ пред праведным Судиею, у Которого не бывает на суде никакого лицепрятия. Страх этот пробуждает совесть и вместе с совестью приводит грешника к покаянию. Смысл же покаяния таков: согрешил — прости; не буду, хоть умереть. Это и есть решимость угождать Богу, крепкая, как смерть, с неугасающею ревностию о том. Так рождается первородная дочь веры!

Породив ревность, вера освещает потом и весь путь ревнителя. Она сказывает, что должно делать вообще, как поступить в каком-либо частном случае, когда дорога разветвляется и дает многие стези; она же внушает, как держать себя, когда все благоприятствует делу нашему; она учит, как действовать при повсюдных противлениях

ему. Таким образом, кто ходит при свете веры, восприяв без размышления всю Богооткровенную волю Божию, тот ходит как при свете ярко светящего солнца и ни за что не поткнется. И мощно шествие такого человека; вера его, отревая всякое раздумыванье, сосредоточивает силы на едином и делает действующего многосильным. Вера истинная и не замечает препон; она ходит выше всего, и ничто не поражает ее страхом. Пресекала ли отрокам путь, которым они шли, печь огненная, и Даниилу — ров, полный зверей? Возмутили ли стопы ног святых мучеников лежащие им страшные мучения? Отклонили ли от шествия вслед Господа подвижников ужасы пустыни, воздвигаемые исковыми врагами спасения? *Во всех преобладаем*¹, говорит святой апостол. Такова ревность, порождаемая и воодушевляемая верою! Хочешь ли преуспевать? — Молись: Господи, приложи мне веру, сильную, и не колеблющуюся!

Стих сто седьмой

Смирися до зела, Господи, живи мя по словеси Твоему.

Ревность, порождаемая верою, ревнует сильно, но без самонадеянности, без присвоения себе чего-либо. Она может говорить, что *вся* может, но не иначе, как *о укрепляющем ее Господе*²; потому

¹ Рим. 8, 37. — ² Флп. 4, 13.

и исповедует: *благодатию Божиею есмь, еже есмь*¹.

Смирися до зела: и слеп, и нищ, и наг, и прокажен, и расслаблен, и не знаю, что мне делать; а если б узнал как-нибудь и что-нибудь, то не умею как приступить к делу; желания мои разбегаются на разные вещи помимо воли моей, и сочувствия сердца моего обращаются к тому, что не благоугодно Тебе. Мертв я духом для все-го духовного: *живи же мя, Господи, по словеси Твоему*. Сам же Ты сказал: *живу Аз... не хочу смерти грешника, но еже обратится... и живу быти ему*². И я хочу обратиться — обрати же меня! И я, изъязвленный и обмерший, ищу оживления — живи же и меня по словеси Твоему! Если не Ты поможешь, *вмале* — и *во ад вселится душа моя*³.

«Пророк, пишет блаженный Феодорит, не просто сказал: *смирися*, но *смирися до зела*, и говорит это, будучи царем и пророком, имея приобретенное добродетелию дерзновение к Богу и к людям, обилуя богатством и поксрив всех своих врагов. Но и тут не хотел он возлагать надежду ни на мудрость, ни на мужество, ни на правду свою. Прося жизни у Могущего дать жизнь, он просит не жизни безусловно, но жизни разумной, соответной с законом, обретающей славу свою в Божием законе».

¹ 1 Кор. 15, 10. — ² Иез. 33, 11. — ³ Пс. 93, 17.

Так чувствуют, так мыслят и все ревнители спасения и богоугождения. Знают они, что это должно совершиться взаимодействием свободного произволения и благодатной помощи; но, испытав многократно, что *еже хотети прилежит им, а еже соделати доброе не обретают*¹, они ни во что ставят свое произволение и ожидают всего от единой благодатной помощи. Потому-то исключительно ее испрашивают в молитве; ей приписывают всякое дело свое, ничего не присвоя себе, и всегда ни во что вменяя себя и не придавая себе никакой цены, какими бы совершенными ни считали их люди. Смирение — отличительная черта преуспевающих. Чем кто больше преуспевает, тем более смиряется. Когда ты стал считать себя сколько-нибудь праведным, то знай наверное, что ты пошел назад.

Сюда же относятся предписания старцев — не мерять себя, и понятно: кто вменяет себя ни во что, тому нечего мерять; а кто стал мерять, тот, значит, чувствует, что он что-нибудь значит. Потому у старцев первая молитва, повторять которую они советуют и другим: даруй мне, Господи, видеть грехи мои и оплакивать их всегда с сокрушением сердца, себя вменяя ни во что, чувствуя себя хуждшим всякого человека, достойным всякого презрения *здесь* и всяких мук *там*. Только в благодати Твоей научи меня искать

¹ Рим. 7, 18.

помощи и надежду спасения полагать в единой благодати Твоей, не хотящей, да кто погибнет.

Стих сто восьмой

Вольная уст моих благоволи же, Господи, и судьбам Твоим научи мя.

Вольная уст, то есть что самоохотно изрекают уста мои, то *благоволи* принять, Господи. *И судьбам Твоим*, тому то есть, что присуждено и определено волею Твоею, что составляет прямую Твою заповедь, *научи меня*, научи узнавать то во всяком случае, и исполнять с умением, во благоугождение Тебе.

В Ветхом Завете были жертвы, определенные законом, и были жертвы произвольные, которые всякий, по желанию сердца своего, давал обет приносить Богу. Так и в кругу нравственных дел: одни прямо определены законом, а другие оставлены на произвол, для засвидетельствования пламеннейшего усердия к богоугождению. «Большую часть преспеаний в добродетели, говорит блаженный Феодорит, предписывают Божественные законы, но присовокупляет нечто от себя и доброе произволение. Так и жертвы: были и узаконенные, были и произвольные. Жертвы о грехе и преступлении, жертвы о неведении повелевал приносить закон; они, как бы некоторый долг, воздаваемы были Богу; а жертвы, приносимые по доброму произволению, именовались дарами. Так

и ныне: целомудрие и правду предписывает Евангельское слово, а девство и воздержание от брачной жизни, нестяжательность, отшельническая жизнь, пребывание в пустыне, это — дела доброго произволения, не состоящие в пределах закона. Пророк такого рода дела назвал *вольными*, потому что они не подлежат законной обязательности, а составляют плод боголюбивого произволения, и потому справедливо называются *вольными*».

Плод боголюбивого произволения может иметь место и при всяком добром деле. Так, когда представляется случай помочь другому, то иной делает это в мере, определенной апостолом, то есть не так, чтоб тому было довольство, а нам скорбь; а иной может превзойти эту меру и все отдать другому, лишив себя всего и оставшись ни с чем, с одним крепким упованием на покровительство Божие. Кто так делает, тот приносит произвольный плод боголюбивого произволения. Молиться Богу тоже надобно, и кто не молится, тот преступает заповедь Божию; но мера молитвословия зависит от боголюбивого произволения: всякий, с совета своего духовного отца, берет себе молитвенное правило и потом всякий раз может сокращать его или длить свое молитвословие. Так, положивший себе стоять на молитве по четверти часа или по часу, когда, вместо этого, по движению усердия промолится полчаса,

час или два, то приносит *вольный* плод боголюбивого произволения. Так и во всех других делах.

Движения боголюбивого произволения надлежит оживлять при всяком деянии. Есть у нас недобрая случайность — обращать все в форму. Дела, предпринимаемые с живым усердием, без всяких посторонних побуждений, с одним желанием делать угодное Богу, — такие дела в первый раз совершаются со всею живостию чувства и внимания, во второй — эти внутренние движения бывают слабее, в третий — еще слабее и, наконец, дела такие начинают быть совершаемы без всякого участия души, и выходит одна форма внешняя. Кое-что доброе и делается, но все одно, как бы и не делалось оно, потому что Бог смотрит на то, что происходит в сердце, а если там нет делаемого дела, то Бог его и не видит. И сколько от этого гибнет бесплодно дел и трудов! Это похоже на то, как если бы кто сеял и без разбора бросал семена и за межу, и на дорогу, где они пропадают даром. Чтоб избежать такой случайности, опытные отцы советуют всегда действовать так, как бы ты делал дело в первый раз: всякий день лишь начинай. Так и о доброй жизни вообще, потому что она и вся может обратиться в форму, так и в отношении к каждому делу. Сколько бы ни шел ты по доброму пути, держи себя так, как бы ты только сейчас вступил на него; сколько бы раз ни делал доброе дело,

всегда делай так, как бы делал его в первый раз. Этим способом ты всегда будешь приносить Богу жертву боголюбивого своего произволения, жертву живую, приносимую от полного сердечного усердия, а только это и многоценно в очах Божиих.

Стих сто девятый

Душа моя в руку Твоею выну, и закона Твоего не забуду.

Верующий ревнитель о богоугождении предаёт себя всего в волю Божию. Забота его только о том, чтобы ни в каком случае не преступать Божиих заповедей; а о себе, о своей участи вследствие того, он и думать не думает, потому что душа его всецело в руце Божией. Обидел ли его кто — он порывается не на то, как бы отстоять себя и взыскать за обиду, а на то, как бы не рассердиться, не допустить движения мести, не почувствовать неприязни к обидевшему и расположить себя простить ему со всею охотою.

Но скажут: если всем прощать, то и жить будет нельзя — заколотят. Верующий предаёт это в волю Божию. Мое дело, говорит он, простить от души, а что будет дальше — это не мое дело; обо мне заботится Сам Бог: душа моя в руце Его. Такое предание себя воле Божией даёт ему воодушевление на дела благие и исполняет нравственную силу. Всякое дело, какое ни возьмите,

окружено опасностями или возможными неприятными последствиями. Возьмите пост: сколько опасений посеваётся при наступлении его! И желудок-то расстроится, и болезнь схватит, и дела остановятся, и чего-чего не наговорят! Но кто сказал однажды навсегда: душа моя в руце Божией, того не потревожат подобные опасения. Так и во всяком деле, и во всей жизни. У кого нет преданности в волю Божию, для того что ни шаг, то лев на пути, а по сторонам разбойники¹. Вот он и отклоняется от пути правого, думая, что уж избежал этим от бед, а между тем этим-то и ввергает он себя в них. *Праведный же, яко лев упова, ходит*², ибо знает, что Всесильный Покровитель его всегда при нем.

Опасения из-за добродетели тревожат обычно тех, которые сами думают устроить свою судьбу. Как все, что ни придумал бы человек в ограждение себя, есть не более, как сеть паутиная, и это знает он по многократным опытам, то и не может наверное полагаться на свои способы обезопасения себя. И придумывает их, и вводит в дело, — а все трясется, как осиновый лист. Такова участь всех надеющихся на себя. Да и Бог за то, что они не предаются Ему душ своих, не оказывает им Своей помощи. Он как бы говорит им так: «Ты сам своими способами хочешь улаживать все в жизни твоей, — ну и улаживай! Я тебе не

¹См.: Притч. 26, 13. — ²Притч. 28, 1.

помощник». Так делает Господь для вразумления самонадеянного, чтобы опыты безуспешности своих способов побудили его поискать благоднейших опор. Но где их найдешь, если не в промыслительной деснице Божией? Итак, предай лучше участь свою Господу, и сам всю заботу обрати лишь на то, чтобы во всяком случае верно исполнить предлежащую заповедь. Действуя так, и покой найдешь, и благоуспешность будешь иметь, если Господь благоволит осчастливить тебя ею.

Стих сто десятый

Положиша грешницы сеть мне, и от заповедей Твоих не заблудих.

Протянули, говорит пророк, сеть передо мною, а я все-таки не заблудил. Это прямое следствие преданности в волю Божию. Кто положил душу свою в руце Божии, тот не по земле ходит, а витает горé. Сети разостланы по земле, а он летает поверх их, не зацепливаясь. Потому-то как ни хитро сплетаются сети, а он все продолжает неуклонно идти путем заповедей.

Но эта неспутанность сетями вражиими и летание поверх их только сравнительно легки; на самом же деле — это дело притрудное, и не подающаяся им сила есть терпение. Сети грешников — это приманки и устрашения со стороны мира и миролюбцев, и со стороны демонов.

Влечения ли страстной и греховной стороны, возбуждаемые приманками, или неприятности, гонения, лишения, опасности жизни нападают на шествующего путем богоугождения, дабы отклонить его от заповедей Божиих, — в том и другом случае, чтобы устоять на пути, нельзя обойтись без терпения. Терпение преодолевает напасти, терпение устаивает и против соблазнов. Оно — основа беспрекословной, постоянно верной заповедям Божиим жизни. Не будь его — шага нельзя сделать на этом пути. Блаженный Феодорит так же передает мысль пророка: «Много и люди, и демоны соплетают всякого рода козней, но я решился (с терпением) идти неблазненным¹ путем заповедей Твоих».

Мать терпения — тоже вера. Вера верует, что все, встречающееся в жизни, идет от Бога, и все направляется к вечному нашему спасению. Бог ничего не посылает такого, что могло бы ввергнуть нас в грех и послужило бы нам в пагубу; а если, по попущению Божию, и бывает какое-либо искушение, то для того, дабы, преодолев влекущее нас на грех, получить нам венец правды за твердую верность заповедям Господним. Следовательно, выдержи только это время искушений, и то, что представляется таким тяжелым, принесет отраду *здесь* и заготовит елей для вечной отрады *там*. Верующие так и терпят, и нет силы,

¹ Чуждым соблазна, чистым. — *Ред.*

которая превозмогла бы терпение их. Терпение от веры — это сила Божия, действующая в сердцах терпящих. Терпение дает постоянство в добре, а постоянство это делает бесплодными все усилия врагов и разрывает все их сети. Постоянство и само есть плод силы Божией, вселившейся в сердце ради верности его Богу. Как в мыслях наших бывает бурление, пока не осенит ума свет Божий, так и в воле происходит изменчивость желаний, пока не срастворится с нею сила Божия и не установит ее. Легкая нитка и на легком ветре качается туда и сюда, а повесь на нее тяжесть какую-нибудь — не покачнет ее довольно сильный ветер. Вот вам образчик постоянства в добре! От благодатной силы приходит некое тяготение к одному добру и делает желания наши недвижимыми с этого направления. Одно в ней — все направлять к богоугождению, во славу Пресвятого имени Божия. Когда это в душе созреет, тогда расставляй какие хочешь сети — соблазняемый не пойдет от Божиих заповедей. Он скорее согласится умереть, чем хоть сколько-нибудь уклониться от того, что угодно Богу.

Стих сто одиннадцатый

Наследовах свидения Твоя во век, яко радование сердца моего суть.

Терпение предполагает нечто суровое, безотрадное. По внешнему виду оно, действительно,

представляется таким; но внутри его движется отрада, столь сладостная, что с нею не может идти в сравнение никакое утешение мирское или житейское. Радость духовная есть неотложное достояние тех, которые с терпением постоянны в добре. Это самое и выражает здесь пророк: *наследовах*, говорит, *свидения Твоя*, — принял их, как принимают богатое наследство, усвоил их себе и ввек не расстанусь с ними, ибо они радуют сердце мое, не в будущем только обещая радость, но теперь исполняя сердце радостию, — и потому суть *радование сердца моего*.

Подумайте, в самом деле, чего мы все до единого желаем? — Счастья. А что такое счастье? — Состояние, радующее сердце. Счастлив, кого радует все, что есть в нем, у него и около него. Вот же вам и средство к тому: примите свидения Божии, определения воли Божией, засвидетельствованные Самим Богом, со всею любовью и желанием, и пребывайте в них с твердым намерением вовеки быть верным им, — и это изольет в сердце ваше радость, которая и не отойдет от него вовеки, так что переход от сей жизни в другую будет для него не чем иным, как переменою радости здешней на радость нескончаемую и неописанную. Что это так, в этом уверяет нас пророк собственным опытом. Не что другое внушает нам и Господь в проповеди Своей о блаженствах. Все содержание Его беседы в кратких

словах таково: хочешь быть блаженным, то есть всесторонне счастливым, -- будь смирен, сокрушен сердцем, кроток, правдолюбив, милостив, чист сердцем, миротворен, терпелив и благодушен. А что это, как не «восприими свидения Мои как наследство и не расставайся с ними вовек»?

*Нечестивому же несть радоватися*¹, не только тому, кто прямо восстает против Бога и святых свидений Его, но и тому, кто хоть и исправен во внешнем поведении, но в сердце поставляет последнее благо свое не в Боге и не в общении с Ним.

У всех таких не бывает истинного радования сердца, а только минутные порывы на радость, сменяющиеся сильнейшею тугою сердца, как после молнии ночью минутная светлость сменяется густейшим мраком. Не то дают сердцу — оно и не радуется; рванется на иное, полагая, что это и может истинно обрадовать его, но, отведав, тотчас отвращается от того, тугою своею давая знать, что это не то, что ему нужно. Туга эта общаю всем миролюбцам и грехолюбцам. Они заглушают ее немного, гоняясь без перерыва за радостями, но совсем заглушить не могут. Мало-мало, и она восстает со всею силою. Милость Божия так устроила, чтоб удаляющиеся от заповедей Его внутри себя всегда слышали голос, призывающий их на путь свидений, могущий истинно их осчастливить.

¹ Ис. 48, 22.

Скажут: а мученики, а подвижники? Сколько страдания у первых, и сколько лишений у последних! Но то-то и дивно, что ни страдания, ни лишения не отнимали радования от сердца, верного свидениям Божиим, а, напротив, усугубляли его, и не надеждою только в будущем, а действительным вкушением радости в настоящем. Не верить сему нельзя; когда сами страдавшие и терпевшие лишения не на словах только изъясляли радование сердца своего, а являли его делом.

Стих сто двенадцатый

Приклоних сердце мое сотворити оправдания Твоя в век за воздаяние.

Приклонил я, говорит пророк, сердце мое во веки к исполнению оправданий Твоих: чем же побужден приклонить? — Надеждою на воздаяние. Ощущаемое здесь радование сердца от верности свидениям Божиим не исчерпывает всего блага, подаваемого исполнением оправданий Божиих. Здешнее радование есть только начаток и ручательство за неописанное радование в вечности. Правда, оно и одно сильно поддерживать верность заповедям Божиим; но, чтоб от привычки оно не ослабело или, явясь в малой мере, не подало повода удовольствоваться тем и ослабить ревнование об исполнении заповедей, в той мысли, что цель уже сполна достигнута, Господу

угодно было объявить, что ревнителей об исполнении оправданий Его в будущем ожидает радование, перед которым здешнее и в сравнение идти не может. То радование неопишанно; между тем и оно имеет свои меры, и меры сии зависят от трудов в соблюдении оправданий здесь. Чем больше кто потрудится *здесь*, тем большего радования сподобится *там*. В этой-то мысли пророк и решил в себе: если так, то я вовек буду блюсти определения Божии, и потом объявляет всем о таком решении своем, то есть что он приклонил сердце свое творить вовек оправдания в надежде воздаяния.

Очевидно, что надежда здесь обращена на будущее, но и земное пребывание длится немало и, следовательно, имеет свое будущее в пределах своего продолжения. Юноша ждет возмужалости, возмужавший — старости. Так и в нравственной жизни: новоначальный ищет стать в ряды преуспевающих, преуспевающий — в ряды совершенных. Вот тут-то силою, движущею вперед, и есть надежда, которая, обещая лучшее, манит все далее и далее и вызывает напряжение сил. Достижение того есть своя мера воздаяния. Вступающий на путь добродетели вступает сначала по страху Божию и требованию совести. Хоть и с самого начала чает он сего ради жизни истинного благобытия, но самое это чаяние держится лишь верою в Бога, неложного в обетованиях Своих, а из

самой жизни он еще не получает подкрепления себе. Это подкрепление приемлется уже тогда, когда, после некоторых опытов жизни в этом роде, душа начинает ощущать плоды того. Ощущение плодов есть получение воздаяния, но это не прекращает надежды, в силу того, что если получил, то чего еще надеяться? Потому что, сколь бы ни было сильно ощущение благобытия от шествия путем заповедей, никогда не войдет оно в меру того, что обещает надежда, которая, по мере того ощущения, и сама возвышает свои обетования. Так по всем степеням совершенства духовного; а кто взошел на самый верх совершенства, пред тем уже она отверзает врата вечности и оживляет чаянием тамошних нескончаемых и неопишанных благ. Вот какую оживительницу и утешительницу даровал нам Господь Бог в надежде!

Надежда — от веры; но когда ощущение это делается частым, тогда оно подкрепляет и самую веру. Таким образом, надежда воздаст вере дань, как родоначальнице своей. Под взаимным их влиянием спеется святая жизнь, имеющая последнею целию созидание любви в сердце. Вера, окрыляемая надеждою, учит верно ходить в заповедях и оправданиях Божиих. Этот труд хождения и есть прямое их дело; но из него вырождается, наконец, любовь, полная, чистая, всепоглощающая. Сама пламень, она обращает в пламень

и веру, и надежду; тогда весь дух человека становится пламенем. Это и служит свидетельством того, что он стал чист, и Бог, в Троице покланяемый, начал почивать в нем, благоволением Отца, святынею Духа и кроплением крови Иисус Христовой.

 Заголовка к этому восьмистишию *самех* — *подпора*.

Есть нравственные расположения и решения воли и Божии устроения, относящиеся к сему, которые служат подпорою всей богоугодной жизни, проводимой в верном исполнении заповедей. О таких расположениях и Божиих устроениях и говорит в этом восьмистишии святой пророк. Первою подпорою тут выставляется решение воли любить закон — со стороны человека (стих 113), и всегда готовая для этого помощь — со стороны благодати (стих 114). Ни благодать без такого решения воли действовать не станет, ни такое решение воли без благодати сделать ничего не может. Когда же они соединятся, тогда действие человека и немощного становится мощным. В чувстве этой мощи он с дерзновением выходит на путь богоугождения (стих 115), не на

свою, однако ж, надеясь силу, но на Божию помощь, уповая успеть во всем, при ее содействии (стих 116). Таков внутренний строй действующего по Богу. Далее пророк указывает, чем поддерживать эти самые опоры богоугодной жизни, именно: молитвою (стих 117), припоминанием Божия непощадения грешников (стих 118), усмотрением того, как жизнь их безотраднa (стих 119), и особенно страхом Божиим, который возбуждается представлением страшных судов Божиих (стих 120). И племя добродетелей в жизни по Богу, изображенное в предыдущем восьмистишии, есть того же свойства. Посему настоящее восьмистишие можно назвать продолжением предыдущего.

Стих сто тринадцатый

Законопреступная возненавидел, закон же Твой возлюбил.

Под словом *законопреступная* разумеются тут люди или совокупность людей — мир, и злые помыслы, возбуждаемые миром и всеми обычаями его; *возненавидел*, говорит, не только преступление закона, но и все, соприкосновенное с тем и ведущее к тому; *закон же твой возлюбил*. От того отвратился сердцем, а к этому прилепился. Не одно прекращение греходелания есть исправление нрава, но и сердечное отвращение от него; и не одно делание дел законных есть обращение

на путь добра, но и сердечная любовь к ним. Такое настроение и есть полное начало богоугодной жизни, и вместе самая прочная опора ее. Пока есть сочувствие к чему-либо греховному и страстному, до тех пор нельзя считать состояния своего безопасным. Чуть что-нибудь, — и слабое сочувствие возрастет в чувство, раздражит влечение, вызовет желание, — вот уже и край рва падения. Тут то же бывает, что с искрою, тлеющей в пепле. Чуть ветерок сдует покрывающий ее пепел и пригонит что-либо горячее — тотчас задымится; не погаси — вспыхнет, не подави вспыхнувшего огонька — и пожар. Час-другой, и дом исчез, как бы богато ни был убран.

Так бывает и с нравственными пожарами и погибелью домов сердечных. Пересмотри же потщательнее — не кроется ли у тебя в сердце какое-либо сочувствие ко греху и страсти; и если найдешь, не поленись истребить его. Пробою сего да будет тебе то, чтобы, когда будет у тебя на глазах или в мыслях предмет страсти, ты не только бы относился к нему холодно, но имел желание оттолкнуть его ногою, как нечистое животное.

Не вдруг, как только обратится человек от греха к добродетели, уже является такая ненависть к греховному. Правда, есть она и тут, но еще слаба. Период борьбы со грехом растит и питает ее, потому что только эта борьба дает

чувствовать всю враждебность к нам греха и злость началовождя его — дьявола.

Почувствование этой злорадной вражды со стороны, противной добру, даст, наконец, силу и ей отплатить тем же. А что грех будто — ничего, не враг, а приятель, — такое помышление не даст восстать и ненависти к нему во всей силе.

Ненависть ко греху растет вместе с любовью к добродетели. Опора доброй жизни есть собственно эта любовь, а ненависть ко греху проявляется только в минуту появления греха с целью приманить к себе. Тогда любовь к добру обнаруживается ненавистью к злу и опалает зло при первом его появлении. Против этого движения любви не может устоять и сама злоба сатанинская.

Стих сто четырнадцатый

Помощник мой и заступник мой еси Ты, на словеса Твоя уповах.

Пророк не молится: будь Ты мне помощник, а исповедует, что Бог есть уже его помощник на добром пути. Полагая начало доброй жизни, начинающий молится: «Я постараюсь делать добро, только Ты, Господи, не оставь меня Твоею помощью» — и, веруя, что Бог не оставит его, вступает на путь добра. Но опыты жизни, в которых Божия помощь и Божий покров бывают осязательно видимы, укореняют в сердце убеждение, что

точно так и есть, что Господь близ есть всем призывающим Его и хранит вхождение и исхождение их. Отсюда человек становится уверенным во всегдашней готовности Божией помощи и Божия заступления, как в своем собственном бытии. И сам в себе говорит он, и пред другими исповедует: Господь мне помощник, не убоюсь, что сотворит мне злоба врага! Кругом меня полчища его, а я ложусь спать и спокойно засыпаю, сплю и встаю, не испытывая никакой тревоги, ибо знаю, что не воздремлет, ниже уснет храняй меня Господь, по благодати Своей.

На словеса Твоя уповах, то есть на обетования, данные людям от Бога, с уверенностию в непреложности их: «ты только начни, а Я уж не оставлю тебя». Уповая на сии обетования, человек вступает на путь добра. Но потом, когда опыты жизни удостоверят его во всегдашней благодати Бога и готовой помощи от Него, он исповедует пред Богом: теперь я совсем возложил упование мое на словеса Твои. Сначала еще могли быть кое-какие колебания; а теперь нет более им места.

Без помощи Божией нельзя преуспеть в добре. *Без Мене не можете творити ничесоже*, говорит Господь¹. На эту-то помощь и надо возложить упование, а возложив, возжелать ее и взыскать. Первые движения добра возбуждает

¹ Ин. 15, 5.

Господь независимо от произволения человека, но потом, когда вступит человек на путь добра, Он является на помощь к нему не иначе, как по взысканию, хотя и близ есть. Господь Бог благоволил устроить так для того, чтобы человек не зазнался и дела благодати не стал считать долгом, ибо отсюда исходит ропот — пагуба душ. Упование есть уже взыскание помощи Божией. Это без слов — слово, сильно взывающее к Богу, так как Бог смотрит на то, что в сердце.

Упование на помощь Божию есть самая живительная сила на добром пути. Потому-то враг всячески старается не дать ему вселиться в сердце и, когда вселится — заботится ослаблять его. На первых порах внушает: станет тебе помогать Бог, Которого ты столько оскорблял! — и потом, на пути добродетели, чуть какое искушение, он не пропускает случая набросать помыслов: видишь, бросил тебя Бог! Так и идет человек с упованием, то возвышающимся, то слабеющим. А между тем оно все-таки растет и растет. Опыты Божией помощи питают его и возвращают. Когда же оно окрепнет, тогда уже от всего сердца исповедует человек: *помощник мой еси Ты, Господи, на словеса Твоя возуповах*. Тут то же бывает, что с человеком, плывущим к берегу и бьющимся среди волн, когда он выбьется и станет на твердую землю. По другому сравнению, — уповающий истинно и совершенно то же, что дитя на лоне матери:

и тепло ему, и покойно, и бояться никого не боится. Но до такого состояния надо доходить.

Стих сто пятнадцатый

Уклонитесь от мене лукавнующи, и испытаю заповеди Бога моего.

Кто чувствует в себе силу, тот смело говорит тем, кои преграждают ему путь: подите прочь! Так и возлюбивший закон Божий и возвысившийся до крепкого упования на Бога, в чувстве силы не своей, а Божией, говорит и бесам, и злым людям, и злым обычаям и помыслам, словом — всему, что может мешать ему идти избранным от него путем: *уклонитесь от мене!* В этом выражается мужество и дерзновение, с коими возлюбивший заповеди идет путем их. Так и должно; иначе нет надежды, чтоб этот путь был совершен благополучно. Кто, пошедши в какое-либо неблизкое место, с первых же шагов начинает покряхтывать и побаиваться, тому не дойти до конца пути. Когда вступающий на бой, чуть только завидит противника, уж и начинает трястись от страха, — такой прежде схватки уже побежден. Так и вступающий на путь добродетели для борьбы со всеми врагами спасения, если не воодушевлен с самого начала мужеством или не воодушевится им по вступлении на путь, не в состоянии совершить его.

Такое мужество не есть необдуманная смелость или молодечество, свойственные неопытной

юности, которая задорничает, не взвесив как следует сил своего противника. Нет, оно до малейших подробностей видит все трудности пути, исчисляет все силы врагов, но не отступает перед ними, а в надежде на помощь Божию готово все их подъять и преодолеть. Оно наперед уже поднимает их, примеряясь, как пройти ту или другую трудность и преодолеть того или другого врага. Оно готово на всякие труды, на всякое утомление и измождение, на всякие раны и поражения, даже на самую смерть. Оно переживает все это в чувстве, прежде чем испытает на деле, и если в сердце такого человека не закрадывается при этом страх, он мужественно вступает на путь, жажда противностей, борьбы и трудов. Потому-то когда встречает их, то встречает не как что-либо неожиданное, а как нечто давно желанное: отчего они и не производят на него того действия, какого хотели бы устраивающие их. Мужественный идет так, как корабль, рассекающий волны.

Мужество нравственное свойственно человеку по естеству, ибо он обладает богоподобным духом, который мощнее тех сторон нашего существа, в которых заседает грех со страстями и чрез которые действует враг. Вступающий под действием страха Божия и совести на путь добродетели, переходит на сторону духа, потому он причастник и мощности духа, и свойственного ему

мужества. Но так как дух, хотя и есть, бывает иногда сокрыт, так и мужество хоть и присуще бывает иному, но не проявляется, не будучи вызываемо. Говорят иногда в общежитии: откуда что берется. В жизни по Богу всего чаще можно встречать приложение этой поговорки, равно как и другой: не из тучи гром. Слабенький человек иногда являет такую нравственную силу, которая удивляет самых мощных. Может быть, не несправедливо будет сказать всякому вступившему на путь добродетели: *мужайся и да крепится сердце твое*¹; иди, не робей, ты сильнее всех врагов твоих и мощнее всех преград. Воодушевься; враг ослабляет тебя страхованием, но только выступи смело, и его не станет.

Стих сто шестнадцатый

Заступи мя по словеси Твоему и жив буду, и не посрами мене от чаяния моего.

Мужественно вступающий на путь добродетели говорит помыслам и демонам: *уклонитесь от мене*. Я положил себе ходить и буду ходить только в заповедях Божиих; никакие ваши лести и козни не собьют меня с пути; я буду испытывать заповеди Бога моего и делом проходить их. «Не просто, поясняет блаженный Феодорит, буду следовать им, но испытаю их во всей точности, чтобы ничто в них не укрылось от меня и чтобы

¹ Пс. 26, 14.

исполнено было мною все, что заповедал Господь всяческих».

Если взять эти слова вне связи с целым, то они отзываются как будто самоуверенностию, которая никогда никого ни к чему доброму не приводила. В связи же они означают только дух, дышащий мужеством, черпающий его из крепкого упования на Бога, к Которому и обращается в молитве: *заступи*; «сподоби, говорит блаженный Феодорит, заступления Твоего меня, принявшего намерение идти путем заповедей Твоих, чтобы, обманувшись в надежде, не быть мне исполненным стыда». Так говорит непосрамляющее упование, привлекающее к себе силу Божию и опирающееся на ней. *Вся могу*, говорит оно, но только *о укрепляющем мя Господе*¹, и верует, что Господь близ. Но так как Он Сам законоположил, дабы и мужающиеся, и дерзающие о Нем зывали к Нему, то и пророк зывает: *заступи*, хоть и уверен, что заступление Божие уже ограждает его, по неложному обетованию Его. *И жив буду*, разгону то есть врагов, и останусь цел во всем моем нравственном устроении. А так как Господь, помогая уповающему, действует чрез душу на одоление врагов ее, то она не может не чувствовать сего притока силы Божией, а следовательно, и оживления чрез Него. Если Господь не берет назад данного, то данное, по случаю оживления,

¹ Флп. 4, 13.

остается в душе; и по преодолении врагов она не может не сознать себя более живою, нежели каковою была она до наступления их. Кто испытал это однажды, тот в другой раз, прося помощи, не может не иметь в мысли и того, чем она сопровождается. *И жив буду*, большую то есть восприиму жизнь от Тебя.

Не посрами мене от чаяния моего. Не за себя стоит пророк, а за славу Бога, на Него же уповает. Все знают, что он уповает на Бога, и уповает по слову Его. Если Бог попустит врагам одолеть его, то покажется, что он напрасно уповал на Бога, и еще более — что Бог неверен в обетованиях Своих. Потому-то пророк часто повторяет в псалмах своих, когда обращается к Богу с молитвою о помощи: *да не постыжуся, яко уповах на Тя*¹, не как на бессильного и не могущего помочь.

Мужающийся потому мужается, что уповает на силу Божию. В нем совершается сочетание силы человеческой с силою Божиею. От человека, с его стороны, требуется воодушевление; но так как при этом истощается сила его, то, когда она совсем истощится, тогда начинает действовать сила Божия. Из сего следует, что и мужающийся испытывает полное чувство бессилия и взывает: *время сотворити Господеву*², — время Тебе действовать, Господи; *воскресни, востани!*³

¹ Пс. 24, 20. — ² Далее, стих 126. — ³ Пс. 3, 8; 34, 2.

Итак, сколько бы ты ни был поражаем, и хотя искушения сильно колебали бы тебя и клонили долу, как сильный ветер клонит к земле гибкие стебли, не допускай мысли, что ты оставлен Богом: Господь близ и ждет лишь момента действия. Наступит этот момент, и враги рассеются, как рассеивается от ветра туман или дым. *Потерпи Господа, и Той сотворит*¹. Закон воли Его таков, чтоб не давать никому быть искушаему выше силы его, а всегда в силу. Знай же это, и не робей, а смело смотри врагам в глаза.

Стих сто семнадцатый

Помози ми, и спасуся, и поучуся во оправданиях Твоих выну.

«Хотя, так объясняет этот стих святой Афанасий, и сказал пророк: *заступник мой еси Ты*, но чувствует нужду и в непрестанной помощи, ибо пока человек еще здесь, то не может сказать утвердительно: спасусь». Упование не отменяет молитвы, равно как и мужество — упования. Молись — придет помощь и увенчает успехом мужественное воодушевление твое. Так как ты не можешь знать, когда подступят враги и поднимут бурю помыслов и страстных движений, то непрестанно молись: *Боже, в помощь мою вонми! Господи, помози ми потщися!*²

¹ Пс. 26, 14; 36, 5. — ² Пс. 69, 2.

Уповающего и молящегося в уповании вражеские нападения никогда не застанут врасплох, или даже и подступить к нему не посмеют. Уповательная молитва прикрывает душу некоторого рода осенением; оттого врагам и не видно, куда метить стрелами своими. Есть сказания, что на иных святых нападали злые люди, но Бог прикрывал их, делая невидимыми. Враги такие поищут-поищут, и уйдут без всего. Так и от невидимых врагов прикрывает Бог душу, так что они не видят ее. Может быть, свет молитвенный поражает их зрение, как свет вещественный поражает зрение некоторых птиц, которые потому и не видят среди белого дня.

Случается, что иные злодеи являются обокрасть дом, а в это время хозяин с кем-либо долго разговаривает; злодеи не начинают своего дела до тех пор, пока не услышат, что умолк разговор. Продлись он всю ночь — всю ночь и простояли бы они, опасаясь приняться за свое злодейское дело. Так и ты, если хочешь, чтобы враги отходили от тебя без дела, не прекращай беседы своей к Богу: *Боже, в помощь мою воими, Господи, помощи ми потщися!* Эта речь, хоть и молчком, мысленно будет совершаться в душе, но врагам она слышится гласно, и, пока будет она идти, ни за что не посмеют они подступить к тебе, потому что знают, о чем и с кем ты ведешь речь, и что им крепко достанется за дерзость нападения.

Иной скажет: вот я и молюсь, а страсти все же одолевают меня. Молитва молитве — рознь. Настоящая молитва никогда не даст в обиду; напротив, если по невниманию иногда в душе и раздражатся страсти, то прибегни только к молитве и совершай это дело как должно, — тотчас улягутся вздвигнутые недобрые движения. Хоть и не тотчас это последует, особенно когда страсти восстают по нашей вине, но всячески они не устоят. Молитва никак не допустит, чтобы занятый ею был одолен ими. Если же с кем и случится что-либо подобное, то верно оттого, что у него тогда молился язык, а душа лукаво посматривала на страстное. Тут уж не было молитвы, а одна форма ее. Настоящая молитва, по словам святого Иоанна Колова, вот на что похожа. Сижу я, говорит он, под деревом и вижу, что издали подходят звери. Не имея сил бороться с ними, я взлезаю на дерево. Подойдут звери, постоят-постоят и отойдут. Это взлезание на дерево есть предание себя молитве в часы приближения страстных искушений.

Молящийся то же, что птица, высоко парящая в воздухе. Ни сетью ее не поймашь, ни стрелою не достанешь. Но когда она, заметив лакомые зернышки, слетит сверху и станет клевать их, тут и в сеть впутаться может, и подстрелить ее удобно. Так и молящийся неуловим для врагов, ибо высоко возносит его дух молитвенный. Но если

он, оставив горнее, ниспадет на дольнее и начнет соуслаждаться то тем, то другим, то немудрено, что уловят его и увлекут на непотребные дела. А кто виноват? Не оставлял бы молитвы, так она и не допустила бы до падения.

Стих сто восемнадцатый

Уничжил еси вся отступающия от оправданий Твоих, яко неправедно помышление их.

В чем тут опора доброму нравственному настроению? — В помышлении о судах Божиих над грешниками, отступающими от оправданий Божиих. Когда искушает враг, то внушает, что грех — ничего: Бог милостив, не възьмет. Это он внушает даже ревнителям добродетели, расслабляя таким образом решение их быть всегда верными исполнителями святых заповедей Господних. Чтобы рассеять такое внушение, пророк и сам приводит, и другим советует приводить на память, как Бог карал и посрамлял тех, которые зазнавались и не хотели знать заповедей Его. Действительно, Бог многомилостив, и многомилостив до того, что если смотреть на одни Его милования грешников, то может показаться, что Он как будто поблажает греху. Чтобы не блазило¹ кого-либо такое неправедное помышление, Бог Сам чрез того же пророка учит, чтоб из милостей Его не заключали о поблажке греху.

¹ Не вводило в заблуждение. — *Ред.*

«Я молчал, говорит Он грешнику, и не наказывал тебя, ожидая твоего обращения; а ты подумал, что Я подобен тебе, что поблажаю греху; нет, обличу тебя, и тебе самому представлю пред очи, сколько ненавистен Мне грех»¹.

А чтобы не подумали, что Бог грозит только на словах, угрозы Свои Он приводит иногда и в самое дело. И поразительные суды Его над грешниками переходили и переходят из рода в род, отрезвляя расслабляющихся и пробуждая предающихся нерадению. Вот об этом-то действию судов Божиих и упоминает здесь пророк: «Буду же, — как бы так говорит он, по истолкованию блаженного Феодорита, — буду иметь усердие к исполнению заповедей Твоих, зная, что нарушители их были уничижаемы и посрамляемы Тобою».

Итак, пусть каждый из нас почаще проходит в уме своем суды Божии и пусть старается, с одной стороны, возгревать ими усердие к добру, а с другой — отвратить приманки греха. Сколько заботы и попечения явил Господь Бог в создании и устройении быта наших прародителей! А когда согрешили они, не посмотрел ни на что; изгнал их из рая, а с ними и весь род наш подверг уничтожительному состоянию, в котором мы теперь и находимся. При Ное весь род человеческий предался нечестию, и когда не послушал вразумлений Божиих, то Бог не посмотрел на то, что их

¹ Пс. 49, 21–22.

много, а всех погубил потопом. Не пощадил Он Содом и Гоморру с другими городами, и все попалил огнем и залил водою, которая и доселе своими особенностями внушает всем, как грозны суды Божии. Жена Лотова только оглянулась, чтобы посмотреть на истребительное пожарище, но так как это было нарушением воли Божией, объявленной с глазу на глаз, то она в то же мгновение и стала *столп слан*. А суды Божии над фараоном, над народами, занимавшими землю обетованную, над самими израильтянами, при многократных их отступлениях от воли Божией, их ассирийский и особенно вавилонский плен, и потом рассеяние их за богоубийство, что другое означают, как не то, что у Бога всегда готовы карательные меры для грешников и что если не всегда Он приводит их в действие вслед за грехом, то потому только, что ждет покаяния или оставляет людей дополнять меры грехов, чтоб полнее затем поразить их. Приводи все это на память в размышлении с самим собою, и отрезвляй сердце свое от расслабляющих помышлений. Если осмотришься, то и в своей жизни, и в жизни знаемых твоих найдешь, что, кроме милостей, коими покрывал тебя и других Бог, немало бывало и таких случаев, которые очевидно представляют характер праведного суда Божия для вразумления. Если так было тогда, то почему же можно думать, что не последует того же и

теперь? Ограждай же себя страхом судов Божиих.

Обрати внимание и на последующие слова пророка: *яко неправедно помышление их*; может быть, это то помышление, которое он выставляет в других местах: не взывает, не видит Бог. Но лучше видеть здесь указание на всякое неправедное помышление, на всякий злой помысл, противный воле Божией и склоняющий на грех и страсть, и помня, что не дела только карает Бог, но и помышления сердца, лелеемые втайне. За что поражены смертью Анания и Сапфира? — За неправедное помышление, что можно солгать Духу Святому. За что отвержен Симон? — За неправое помышление, что можно купить дар Духа Святого. Да, Бог зрит в сердце твое и готов наказать тебя за то, что и там есть неправого. Смотри же ты туда, и прежде Божия суда сам изгоняй оттуда все неправедное.

Стих сто девятнадцатый

Преступающая непщевах вся грешныя земли, сего ради возлюбих свидения Твоя.

Перебрал я, говорит пророк, в мыслях моих всех грешников земли, преступающих волю Твою, — и *сего ради возлюбих свидения Твоя*. Это значит вот что: достаточно и одного взгляда на состояние грешников, чтобы возгореться усердием к исполнению заповедей Божиих. Пророк не

говорит, что увидел он в грешниках, а только — пересмотрел их и возлюбил чрез это закон Твой, — «обратил, прибавляет блаженный Феодорит, все усердие к исполнению Божиих словес, как познавший вред преступления закона».

Стало быть, вред преступления закона печатлется на лице преступающих его. Внешнее положение их не всегда бедственно; оно бывает цветуще, и даже лучше, чем у верных закону Божию; но внутреннее их всегда бедственно. Яд греха, не истощаясь внешним злом, весь обращается во внутрь, и там производит полное разрушительное свое действие. Как моль точит платье, ржа съедает железо, так и грех истнивает и измощаждает душу во всех ее силах.

Все это, однако ж, происходит внутри и не видно не только для сторонних, но и для самого грешника; и это потому, что хотя зло это и в человеке, но человек-то никогда не бывает внутри себя, а весь всегда вовне, и потому не знает себя. Если бы пришлось ему взглянуть в себя и увидеть, что он такое, — то с ужасом отскочил бы он от греха, как пожирающего его чудовища, и сильнее пророка прильнул бы любовью к свидетельствам Божиим, чтоб избавиться от такого злодея.

Читайте у святого Павла изображение грешника, и увидите, что такое грех, как зол этот лстец, лстящий всю вселенную, привлекающий к себе обманом и потом безжалостно мучающий

свою жертву. Посмотрите, как, по показанию апостола, ходят грешники: *ходят в суете ума, помрачени смыслом, суще отчуждени от жизни Божия, за невежество суще в них, за окаменение сердец их: иже в нечаяние вложшися предаша себе студоделянию, в делание всякия нечистоты в лихоумании*¹. Куда как красиво такое лицо души грешной! А всякая грешная душа действительно такова.

Что говорит пророк — *несть радоватися нечестивому*, то испытывает над собою всякий грешник. Хотя он все почти смеется и хохочет, но это отнюдь не доказывает душевной радости, а одни лишь порывы заглушить внутреннюю тугу. Если хотите знать, сколько у него радости на душе, посмотрите на него, когда он во тьме ночной остается один с самим собою. Как гора, давит его тягота душевного состояния и выжимает из сердца тяжкие вздохи.

А каковы начинания его? — Лихорадочные. Не помню, где-то сказано: грешник всегда находится в состоянии парения. С виду это как будто умовое состояние, но плод его весь обращен на практическую сторону. Это парение роит предприятия; одно за другим возникают они в душе, вызывают планы, влекут к усвоению средств и началу дела. Одно дело не кончено, замышляется другое, третье и так далее. Хлопоты непрерывные, до упаду. У него нет времени; ему всегда —

¹ Еф. 4, 17 — 19.

некогда. Это истощает силы и между тем не дает опомниться. Вот так-то грех забывает грешника!

Кто не знает, что есть Бог, что Он о всем промышляет, что Ему должно угодать исполнением воли Его, что вот-вот смерть, а по смерти отчет, и по отчете решение? — Да, знает это и грешник и, пожалуй, расскажет вам все преисправно; но никогда не помнит об этом и не привлекает из того никакого приложения к жизни своей. Такую-то слепоту напускает на него грех, или, точнее, враг, началовождь греха. Живет грешник так, как будто нет ни Бога всемогущего, ни смерти, всегда готовой взять его, ни суда, на котором уж никак не оправдаться ему. Далеко вперед, — ну, он и не засматривает: ныне, завтра, а дальше нейдет. Большею же частью даже и этого не бывает, и взор его ограничивается одним настоящим.

Слепота, неустанная хлопотливость и туга — вот что в душе грешника, в большей или меньшей мере. Оттого душа его покрыта мраком. Пишет некто, что если бы просветились взоры душ наших и дали бы нам узреть души других, то души грешников представились бы нам мрачными тенями, возбуждающими ужас. Такими всегда и видят их небесные силы и святые Божии. По такой темноте узревают их и бесы как своих, входят в них и совершают в них свойственные им

злодейства. Все это зрел пророк, и *сего ради возлюбил свидения Божии*.

Припоминай же почаще и себе, сколь пагубны последствия греха в душе, и возгревай чрез то усердие — скорее претерпеть смерть, нежели поблажить греху.

Стих сто двадцатый

Приговзди страху Твоему плоти моя, от судеб Божиих убоюся.

Из указанных помышлений рождается страх Божий; а если страх уже есть, то он поддерживается и питается ими, и потом уже сам поддерживает и питает усердие всегда угодать Богу исполнением святых Его заповедей. Страхом Божиим зачинается спасительная жизнь по Богу, как поет и Святая Церковь: «страха ради Твоего, во чреве прияхом и родихом дух спасения». Но и потом, во все продолжение шествия путем заповедей, он не оставляет душу, и как верный страж блюдет ее, и как мудрый руководитель ведет ее незаблудным путем к последнему совершенству, научая делам и подвигам, прямо ведущим к преспеянию. Страх этот, вместе с преспеянием в жизни по Богу, изменяется, но всегда остается страхом, отрезвляющим, остепеняющим, учащим вниманию и бодрости, чтобы не допустить чего недолжного.

Блюди же страх Божий, возгревая его помышлениями о судах Божиих, как это делал

пророк. Посмотри, о чем собственно молит он: *пригвозди*, говорит, *страху Твоему плоти моя*. Есть в нас высшая сторона — духовная, и есть низшая — душевная, животная, плотская. Та назначена для Бога, а эта — для жизни на земле; та лежит к Богу, а эта холодна к Нему. Когда там страх, эта не трогается страхом; а не трогаясь, может буйствовать, восставать на дух, и не только беспокоить, но и побеждать его. Зная это, пророк молится, чтобы страх Божий проник и эту низшую часть его существа: *пригвозди*, говорит, *страху Твоему плоти моя*, чтобы как дух благоговействует пред Тобою, так и низшие силы мои, проникнувшись страхом Твоим, не смели восставать против заповедей Твоих, а безмолвно покорствовали им. Блаженный Феодорит влагает в уста пророка такую речь: «*Душа моя облечена в страх Твой, но так как тело и члены тела противятся душе, то умоляю пригвоздить и их сим страхом, чтобы, став мертвыми для греха, следовали они руководству души. Это то же самое, что изречение апостола: умертвите удоы ваша, яже на земли, блуд, нечистоту, страсть, похоть злую и лихоимание, еже есть идолослужение*¹; и еще: *Христови сораспяхся: живу же не ктому аз, но живет во мне Христос*»².

Таким образом, пригвождение плоти гвоздями страха Божия, или, что то же, умерщвление плоти

¹ Кол. 3, 5. — ² Гал. 2, 19–20.

и всех удов, *яже на земли*, есть последняя и, должно сказать, самая надежная опора доброй нравственности. Плоть — седалище страстей; поблажка ей, даже малая и необходимая, приводит в движение страсти, как дождь приводит в движение уже иссохших, заморенных червей. Не ленись же умерщвлять плоть, и для того не переставай носить знамя страха Божия в сердце своем. Плоть — злая раба; она не может слушаться разумных внушений; ее надобно остепенять бичом страха Божия.

А как воспринять страх Божий, учись у пророка. Помышляй о судах Божиих, помышляй о неумытной¹ правде Божией, о смерти готовой, и о суде, имеющем решить вечную участь твою. При таком помышлении молись Господу, чтоб Он осенил тебя страхом и дал ему силу сокрушить все похотения плоти твоей. Капля пробивает камень, падая на одно место; так и молитва. Если часто будешь упражняться в ней — она пробьет окаменелость сердца твоего и введет в него страх; вошедши же в сердце, он начнет делать дела уже по роду своему. Не было еще человека, который не поддавался бы спасительному действию страха Божия. Когда он действительно установится в нем, тогда останется только поддерживать этот спасительный страх, не давая погаснуть ему. И это делается тем же путем, каким

¹ Неподкупной, беспристрастной. — *Ред.*

рождается страх. Пребывай в этом учреждении духовного своего строя, и пребудешь в страхе Божиим, а страх сей научит тебя всему доброму. В этом и вся наука святой жизни. Если бы мы не попускали ослабнуть в себе страху — грех не посмел бы явиться в нас, и душа не посмела бы принять его в объятия свои, оставив Бога, Творца, Благодетеля, Спасителя своего.

ШЕСТНАДЦАТОЕ ВОСЬМИСТИШЕ

У Заголовка к этому восьмистишию *аин* — *глаз*.

Глаз есть окно, чрез которое душа видит все, находящееся и происходящее вне ее. Но есть в нас и духовное око, чрез которое созерцается мир духовный, божественный.

Это — ум или дух, ведающий Бога, исповедующий Промысл Его, научающий покорности Ему во всем, стремящийся к Нему и видящий в Нем последнее благо свое. Это первоначальные естественные указания духовного нашего ока. Но в естественном состоянии око это помрачено и не зрит ясно. Отверзается же оно к яснозрению благодатию Святого Духа в верующем христианине, и только после этого начинается настоящее действие зрения духовного. Кто пойдет по

его указанию, у того кругозор духовный все более и более расширяется, и мир невидимый раскрывается пред ним в большей ясности. Состояние это есть состояние созерцания. К нему предназначены все христиане, и христиане истинные действительно достигают его¹. Тайны, какие видит духовный созерцатель, суть те же, которые открыты нам и в слове Божиим, но с тем отличием, что он видит их существенно, а не мысленно только.

Впрочем, много распространяться об этом нет большой пользы; полезнее знать строй духа созерцающего.

Вера представляет все содержание его, любовь обнимает все движения его, надежда составляет основу или опору стояния его. Всеми ими определяется жизнь в Боге, сосредоточенным проявлением которой бывает преданность Богу. Преданный Богу живет в Боге, пребывает то есть в Нем неотлучно своим сознанием и вниманием. Так, когда кто, отворив окно, встретит занимательные предметы и прилепится к ним всем вниманием своим, то впивается в них очами и забывает все окружающее его, как будто, кроме того, ничего нет. Таков и преданный Богу. Оком ума прилепляется он к Богу и забывает все стороннее, словно его нет и не было. В этом одном сладость и рай его; сюда стремятся все желания его;

¹См.: Исаак Сирин. Слово 55.

отсюда исходит всякая энергия его, в этом состоят все цели его. О таком устремлении умных очей к Богу очень часто говорит святой пророк: *очи мои выну ко Господу*¹; *яко к Тебе, Господи, очи мои*²; *возведох очи мои в горы* (горе, на небеса)³; *к Тебе возведох очи мои*⁴. Так выражает он «любительное» устремление умных очей к Богу. Но еще чаще говорит пророк об устремлении очей к Богу «уповательном», в преданности в волю Божию: *исчезосте очи мои от еже уповати ми на Бога моего*⁵; *очи всех на Тя, Господи, уповают*⁶; *се яко очи раб в руку господий своих, яко очи рабыни в руку госпожи своея, тако очи наши ко Господу Богу нашему, дондеже ущедрит ны*⁷. О сем-то последнем у святого пророка идет речь и в настоящем восьмистишии. Сокращенным выражением содержания сего восьмистишия можно назвать стих 123: *очи мои исчезосте во спасение Твое*.

Пророк указывает некоторые обстоятельства, с особою силою вызывающие упование и одолеваемые только им одним, выясняя при этом главное условие действительности упования, состоящее в верности воле Божией чрез исполнение святых Его заповедей. По существу дела бывает так: когда совесть нечиста, упованию нет места. Правда, пробивается оно и в состоянии греховном, но не иначе как после того, когда грешник решит

¹ Пс. 24, 15. — ² Пс. 140, 8. — ³ Пс. 120, 1. — ⁴ Пс. 122, 1. — ⁵ Пс. 68, 4. — ⁶ Пс. 144, 15. — ⁷ Пс. 122, 2.

в сердце своем не грешить более и положить начало богоугождению. Таким образом, уповающий одно око устремляет в руце Божии, в чаянии получить милость Господню, а другое — на заповеди, чтоб изменою им не заставить правду Божию сжать готовую ущедрить руку Его. Об этом во многих местах говорит святой Давид, равно как и в этом восьмистишии: *сего ради возлюбих заповеди Твоя* (стих 127).

Стих сто двадцать первый

Сотвори суд и правду, не предаждь мене обидящим мя.

И преданного Богу окружают неприятности, иногда видимые, но всегда невидимые. Бог — Покровитель тем, которые Свои Ему, и работающие Богу сознают это, исповедуя пред всеми и пред самими собой, что если они еще живы, то потому только, что десница Господня покрывает их. Отыми Господь десницу Свою, и враги живых их пожрут. В чувстве сей-то всегда грозящей беды они и взывают: *не предаждь мене*. Но при этом совесть может заграждать уста иному: *взываешь ты — не предаждь*, говорит она ему, а сам себя предаешь тому, что ненавидит Бог, — предаешь греху и всякой неправде. Пророк уверяет, что этого нет за ним, что он не сознает за собою ничего неправого и потому с дерзновением говорит: *сотвори суд и правду*, или так: «Тебе, Господи, не за что

предавать меня врагам моим, не за что отнимать от меня защищающую меня десницу Твою».

Но, однако, кто же чист пред Господом? — *Никтоже, аще и един день житие его на земли*¹. Как же можно сказать: *сотворих суд и правду*? — Можно, но в таком смысле: все, зависящее от меня, я делаю, дабы быть верным правде; сознательно нейду против заповедей Твоих и против воли Твоей: совесть моя не уличает меня в этом. Я всегда хочу и стремлюсь быть верным правде. Есть грехи, но грехи немощи, неведения, нечаянностей; а чтобы задумать грех и злонамеренно привести его в дело, этого со мною не бывает. Так могут говорить очень немногие. Блаженный Феодорит спрашивает: «Кто имеет столько душевной чистоты, чтобы с дерзновением повторить слова пророка? — Тот, кто, подобно апостолу, может сказать: *похваление наше сие есть — свидетельство совести нашея*². Вот по этому-то свидетельству и говорит так пророк. Правда, и он имел тяжкий грех, но очистил его искренним покаянием. Покаяние смывает нечистоту греха и после греха дает совести дерзновение свидетельствовать: *сотворих суд и правду*, особенно когда прямо от Самого Бога изречено прощение».

Итак, если желаешь, чтоб упование осеняло душу твою и ты мог с дерзновением изрекать к Богу: *не предаждь мене*, — будь верен правде, или

¹ Иов. 14, 5. — ² 2 Кор. 1, 12.

заповедям Божиим. Упование есть самый нежный цветок в саду духовном, но и самый крепкий. Лишь только повеет на него глетворное дыхание греха, он увядает; но когда нет этого, никакая сила не может сокрушить его; напротив, сам он укрепляет все благоуханием своим. Береги же этот цветок, храня себя самого от греха. Если же согрешишь, спеши очиститься искренним покаянием с тем, чтоб и от Бога совестью твоею услышать прощение. Давиду изрек его пророк Нафан, а тебе изречет облеченный властью вязать и решить отец твой духовный. И опять оживет в тебе цветок упования и, благоуханием своим проникнув все части естества твоего, сообщит ему несокрушимую крепость. Так действует соль на вещества, сами по себе вялые и удобораствляющиеся.

Стих сто двадцать второй

Восприими раба Твоего во благо, да не оклеветают мене горди.

Враги не всегда явно нападают и причиняют человеку обиду; нередко делают они это и скрытно. Самое обычное для этого у них средство — злословие и клевета. Распускается дурная молва, и человек невиновный видит себя всеми оставленным и терпит всякого рода неприятности. Падает в общественном мнении, падает в своем благосостоянии, затем — бедность и беда за бедою,

а откуда все такое — не видно. Главным деятелем в этом случае сатана-клеветник. Он сеет между людьми клеветы, подозрения, пересуды, клеветает даже пред Богом, как, например, на Иова.

Клевета есть наичувствительнейшее зло. Против обидящих пророк говорит: *не предаждь*; а против клеветников: *восприими*, то есть возьми меня на руки, подними на такую высоту, чтобы стрелы клеветы не досягали до меня, точно как будто на земле, среди клеветников, даже и Божие ограждение не в состоянии защитить от поражения этими стрелами, пропитанными ядом.

Восприими во благо, то есть в Твое благорасположение, в Твое благовольтельное внимание, так как поднятие выше того уровня, до которого могут досягать стрелы клеветы, означает не тела поднятие, а того, что противоположно клевете — поддержание доброго мнения, и даже возвышение его. У Господа Бога много средств к тому, и Он нередко являет это делом; но Ему не всегда угодно бывает отражать клевету, хотя все же Он приемлет оклеветанного *во благо*. Бывает это так, что, оставляя клевету в ее злом среди людей действии, Он дает оклеветываемому ощутить благоволение Свое к нему и вместе с тем благо от самой клеветы. Клевета в таком случае и не поражает сердца; стрелы ее летят мимо, или хоть приражаются, но отскакивают, не причиняя раны.

Такое благо есть прямой дар Божий оклеветываемому; его не внесешь в сердце никаким напряжением воли, никакими соображениями в утешение себе.

Вот о чем молит пророк. Но основание той надежды, что он будет услышан, и здесь то же, что выше, то есть усердное работание Богу в исполнении святых Его заповедей. Потому-то и говорит он: *восприими раба Твоего*. Усердное работание Богу, безукоризненное свидетельство совести, — вот что дает дерзновение прибегать к заступлению Божию при клевете и что исходит в сердце сладостное утешение! Невинному и богопреданному клевета причиняет не боль, а усиливает устремление умных очей его к Богу и разжигает более и более ревность оставаться верным Ему. А знающий за собою грехи бывает как будто пойман клеветою на месте преступления. Может и к нему прийти утешение, но только после немедленного и искреннего раскаяния, дающего дерзновение к Богу.

Стих сто двадцать третий

Очи мои исчезосте во спасение Твое и в слово правды Твоея.

Исчезосте означает усиленное желание — плод любви и приискренней веры в Бога защитителя. «Нимало не колеблюсь, говорит пророк, в уповании на Тебя, надеясь всецелым упованием

привлечь заступление Твое. *Исчезосте очи мои во спасение Твое*, которое уповаю я получить не от кого иного, а от Тебя единого, Господи».

Слово правды, по Феодориту, означает «или обетование, в той мысли, что непрестанно ожидаю от Тебя спасения и исполнения обетования», или, по мнению святого Афанасия Великого, указывается этим, что очи уповающего устремлены не на одну всезащитительную и щедродательную десницу Божию, но и на слово правды, то есть на заповеди Его, *еже творити я*. Он говорит как бы так: «Хотя иные, живя беззаконно и не имея пред очами своими страха Твоего, отринули закон Твой, но я во всякое время только его исполнял, непрестанно поучаясь в нем». Из сего явствует, что стих этот есть полное изображение истинно уповающего на Бога. Истина непреложная, что неверный заповедям Божиим не может возводить к Богу уповательных очей ума своего. И Спаситель говорит, что Отец услышит всякого просящего во имя Его, но только тогда, когда при этом он любит Его и сохраняет заповеди Его¹.

Нельзя пропустить без внимания наведение из этого стиха, делаемое святым Афанасием Великим, который говорит: «*очи мои исчезосте во спасение Твое*, то есть в Божественное пришествие, от которого я ожидаю спасения и себе, и всему роду человеческому». Верность заповедям есть основа

¹ Ин. 14, 14–15.

упования; но крылья восхождению упования пред лице Отца Небесного подает вера в Господа Спасителя. Посему Господь и сказал, что молящийся Отцу услышан будет не ради только того, что заповеди Его исполняет, но если при исполнении заповедей просит еще во имя Его. Вера в Бога — дверь пред лице Божие, а шествие к этой двери и прохождение чрез нее есть исполнение воли Божией и хождение по заповедям Его. То и другое: и веровать, и заповеди исполнять — необходимо.

Стих сто двадцать четвертый

Сотвори с рабом Твоим по милости Твоей, и оправданием Твоим научи мя.

Пророк выразил пред сим полную преданность свою Господу и полную готовность пребывать в воле Его; теперь, и по преданности такой, и по готовности, молится: *сотвори с рабом Твоим по милости Твоей*. Исповедуя рабство свое Богу, он не скрывает, что ходит в воле Его; но вместе с тем сознает, что в этом нет никакого твердого основания к получению благ, ожидаемых от Него, потому что сама совесть удостоверяет его, что хотя бы он и все повеленное сотворил, то все-таки был бы не более как раб неключимый: сделал то есть только то, что должно, и не подлежит лишь взысканию, а не то, чтобы получил право на воздаяние. Притом положим, что ты

и все повеленное сотворил; да так ли оно Богу угодно, как тебя думается? Ты думаешь, что в делании твоём все хорошо, а Господь всевидящий может все сделанное тобою видеть недобрым. Где же тут похвала? Потому-то и апостол говорит: *ничего же в себе свем, но ни о сем оправдаюся*¹, — как Бог то есть взглянет на нас. Может быть, во всем добре нашем Он не увидит ничего доброго. Потому лучше прибегать всегда к милости Божией, а не вступать с Ним в состязание по законам правды. Таковую мысль в предложенных словах пророка видит блаженный Феодорит: «Делатель толикой добродетели (то есть святой пророк) желает сподобиться милости и просит по милости улучшить спасение; не награды требует, но ищет человеколюбия». То же говорит и святой Амвросий: «И в другом месте то же чувство выражает пророк, говоря: *не вниди в суд с рабам Твоим*². И в самом деле, сознавая себя грешными, мы должны прибегать более к милости, а не по праву требовать: милость всегда снисходительна, а правда взыскательна. Какая надежда людям вступать в состязание по законам правды с Богом, от Которого и сокровенное не ускользает, от Которого не сокрыт ни один грех наш? Зная это, пророк исповедует: *Тебе единому согреших*³. Не отвергая того, что может согрешить и праведник, потому что нет человека без греха, он и молится:

¹ 1 Кор. 4, 4. — ² Пс. 142, 2. — ³ Пс. 50, 6.

сотвори с рабам Твоим по милости Твоей. Хотя и сделал, может быть, что-либо доброе, но обязан был сделать более как раб. Таким образом, хотя бы мы все повеленное сотворили, не пристало нам тотчас возноситься, но уместнее смиряться; ибо коль скоро мы сделаем что-либо, это не значит, что уже сделали все, лежащее на нас как на рабах».

Сотвори по милости — можно разуметь как молитву о благодатной помощи. При всем желании быть верным Тебе, не надеюсь явиться таковым; посему и прошу у милости Твоей помощи себе. «Пророк, пишет святой Иларий, сказал: *сотвори с рабам Твоим*; но так как рабствование наше, чтобы пребыть в чине своем, имеет нужду в милостивом вспомоществовании Божиим, то прибавил: *по милости Твоей*. Естество наше неможно к достижению благих целей. Может оно желать и искать домочадства Богу, но совершить это есть дело Божией милости. Она хотящим помогает, начинающих укрепляет, приступающих приемлет. Но начинать надобно нам, чтоб она доводила дело наше до конца».

С этую мыслию согласуется и последующая мольба: *и оправданием Твоим научи мя*. Тут как будто ответ на вопрос: какую тебе сотворить милость? — Никакой, говорит, другой не хочу, кроме той, чтобы Ты научил меня оправданиям Твоим. Горю желанием быть Тебе во всем угодным,

но не знаю хорошо, что Тебе угодно; а если бы и узнал, то не сумею сделать так, чтобы дело мое было благоугодно Тебе. Научи же меня и тому, и другому, — и знать, и делать. Но разве нет у тебя в руках писаного закона? Читай и узнаешь. «Так-то так, говорит святой Иларий, да не все, что читается, тотчас и понимается. В законе глубина премудрости, и простое слово его содержит великие тайны. Где мне дойти до того? Просвети же ум мой, введи его в созерцание сокрытого, и уразумею чудеса от закона Твоего».

Оправданием научи. Тому, кто не может не провиниться почти на каждом шагу, наибольшая потребность знать, как избыть¹ от вины и оправдаться. В законе прописан на всякий грех свой способ оправдания; но сила всех их не в них самих, а в Том, Кто есть Творец закона. Он дает настоящее оправдание, не только снятие вины, но и самую праведность, святое нравственное настроение. Его-то прозревать сквозь сень законную и молится пророк, чтоб, оправдавшись в Нем, всегда пребывать в Нем праведным. Христиане, пребывая всегда с Господом, от Него черпают оправдательные силы и влияния. Существо их — слезное покаяние, которое составляет подкладку всей жизни. Нет минуты, чтобы не каялся христианин, нет поэтому момента, чтоб не осеняло его оправдание. Но и этому надо учиться. Потому-то

¹ Спасись. — *Ред.*

и нам прилично молиться: научи нас, Господи, оправданиям Твоим!

Стих сто двадцать пятый

Раб Твой есмь аз: вразуми мя, и увем свидения Твоя.

Когда раб, то значит — работаешь; если работаешь как раб, то конечно знаешь, что и как работать. Чего ж еще просить — *вразуми*? Кажется бы, работать, и только. Так нет, — *раб Твой есмь аз*, говорит, выражая тем всегдашнюю готовность верно работать Господу, а знания и умения еще не видно. Я вседушно Тебе предан; ничего больше не желаю, как только ходить в воле Твоей, как ходят рабы по воле господ своих; только укажи, что сделать, и я тотчас сделаю, не щадя сил и живота моего. В этом случае он представляется воином, стоящим во всеоружии, готовым на битву и ждущим только команды. Как воин после команды уже не рассуждает, а немедленно бросается туда, куда ему приказано, таков и раб Божий по отношению к объявленной ему воле Божией: только бы познать ее — а там он тотчас принимается за исполнение, не задумываясь. Вот это самое настроение и высказывает пророк: *раб Твой есмь*, говорит он; скажи только, что сделать, и я сделаю. Остановка не за мною, а за приказом; как только приму к сознанию приказ, тотчас и за дело.

Блаженный Феодорит пишет: «По естеству все люди — рабы Божии, а по расположению — рабы те, которые охотно предают себя владычеству Божию. Пророк именует себя рабом, как принадлежащего к числу последних, и умоляет сподобить его разумения, чтобы познать Божии свидения». Продолжением этой речи можно признать слова святого Илария: «Не найдется никого из нас, кто в молитве или в обычной беседе не называл бы себя рабом Божиим, — что же особенное выражает пророк, говоря о себе то, что и всякий смело приписывает себе? Но иное дело сказать о себе, что раб, а иное — быть рабом. Наше слово выражает только сознание в совести необходимости быть рабами, а не то, что так оно и есть у нас. Пророку можно было исповедать себя рабом Божиим — и он истинно был таким во всех отправлениях жизни своей: ходил ли или сидел, спал или бодрствовал, вкушал ли пищу или постился, голодал или насыщался, — никогда не отступал он от познанной воли Божией. Посему без смущения свободно и исповедует он: *раб Твой есмь аз*».

Вразуми мя. Он просил уже: *научи*; теперь указывает, как бы он хотел быть наученным. Можно изложить учение письменно и дать в руки книгу законоположений. Когда нужно, обращайся к этой книге, там и найдешь требуемое указание. Но такое научение есть внешнее, а с

ним никогда не окажешься наученным как следует. Пророк хочет не такого научения, а чтоб изображение воли Божией или одновременно все было написано в разуме его, или оказывалось написанным в нем всякий раз, как то потребуетя. *Вразуми*, говорит, вложи то есть в разум, чтоб я носил то всегда с собою и всякий раз сознавал исходящим из разума моего начертание воли Твоей. Когда это совершится, тогда законоположение явится начертанным не на каменных скрижалях, а на плотяных скрижалях сердца. Предзрел пророк то, что имела даровать благодать Христова, и чаяниями сердца своего обнимал это дивное благо. Святой Афанасий пишет: «Просить разума, дарованного Богом и как бы хранящегося у Него в сокровищнице; потому что дух *премудрости и разума* и прочие блага суть Божии дарования».

Вразуми, и увем. Вложи в разум, и буду знать, — и не просто знать, а знать с удостоверением совести, что такова именно есть святая воля Твоя. Потому и говорит он: *увем свидения Твоя*; уразумею то есть, что в этом состоит прямо от Тебя исходящее свидетельство о воле Твоей. Самое драгоценное благо, сообщаемое только истинным рабам Божиим, состоит в том, чтобы неложно знать святую волю Божию, благую и угодную, во всех обстоятельствах и всех запутанных взаимоотношениях. Уменье неложно видеть для

себя и определять для других волю Божию святые отцы называют даром «рассуждения помыслов». Сколько бывает помыслов, как будто и добрых, но следование которым может привести к очень недоброму концу! Получающий вразумление свыше тотчас разберет, где скрыта засада и уловка, — и избежит зла. Для нас же, немощных, какое руководство? — *Вопроси старцев, и рекнут тебе*¹. То великая милость Божия, когда Он воздвигает в среде нашей таких мужей; а когда не бывает их, это — кара Божия. Тогда уместно вопиять: увы! *оскуде преподобный*, ибо с этим оскудением соединено *умаление истины среди сынов человеческих*². Всякий идет тогда по воле сердца своего, уклоняясь от истинных намерений Божиих.

Стих сто двадцать шестой

Время сотворити Господеви: разориша закон Твой.

Ревнитель богоугодной жизни не о том только ревнует, чтобы самому быть всегда во всем исправным, но и о том, чтоб и все, с кем живет он, отличались верностью заповедям Божиим. Славу Божию видит он в процветании добрых нравов. По силам своим он и старается содействовать сему процветанию, движимый к тому любовью к Богу и преданностью Ему. Успех в этом радует его, а неуспех заставляет скорбеть и мучиться, как мучился, по уверению апостола,

¹ Втор. 32, 7. — ² Пс. 11, 2.

Лот среди содомлян, — мучится, но не остается в бездействии: то собственным примером, то словом убеждения во время благопотребное он старается повлиять на сокращение зла и возвращение силы началам добра. Имея такую заботу, он ревностно молится, чтобы Сам Господь Своим воздействием, внутренним ли то или внешним, привзошел в среду разливающегося зла и, разорив гнездо его, развеял, ослабил и уничтожил его. В таком именно положении и представляет себя святой пророк в этом стихе. С сокрушенным печалию по Бозе сердцем видел он, как неоязненно все и всюду разоряют закон Божий, и, видя безуспешность своих усилий противодействовать злу, взывает уповательно к Богу: «Разорили закон Твой, Господи! Время Тебе Самому действовать; человеческие усилия тут уже не могут».

Слово *время* он употребляет, прозревая в планы Промышления Божия. Бог терпит грехам; но когда уже зло усиливается чрезмерно, Он карательно поражает людей для пресечения зла. Таких опытов было немало. По этому закону был потоп, была погибель Содома и Гоморры, поражение египтян, истребление хананеев. Приводя это на память, пророк взывает: *время*. Так понимает это блаженный Феодорит: «Бог, говорит он, распоряжающийся все весом и мерою, весьма долго терпит грехи человеческие; но, когда видит, что

при долготерпении Его возрастает лукавство, тогда налагает наказание». Посему и пророк говорит здесь как бы так: «Время, Владыко, восстать на помощь обиженным, ибо враги совершенно попрали закон Твой». Взывать таким образом побуждает и ревность о славе Божией, и любовь к людям, как к братьям, и, в некоторой степени, стыд, что так оно есть. Когда несколько русских сделают что-либо нехорошее, всем русским бывает стыдно, в сознании того, что те немногие срамят весь русский народ; так и пророк, объединяя в своем сознании всех людей и видя, как они нечестиво поступают пред Богом, стыдится за всех их и молит Самого Бога отъять этот стыд, словно боязно ему стоять пред Богом, пока на людях, среди которых живет он, лежит то пятно, что они разорили закон Божий. Такое чувство обнаруживал и пророк Исаия, когда, выражая страх от видения славы Божией, говорил, между прочим: «среди людей, нечистые уста имеющих, живу я».

Наши толковники полагают, что святой Давид изрек это, стоя в пророческом духе пред явлением Сына Божия чрез воплощение на спасение наше, когда повсюду господствовали нечестие и разврат. Молитва его есть молитва о пришествии Избавителя. Болезнь созрела; время прийти Тебе, всемогущему Врачу, и исцелить от нее больное человечество. Святой Амвросий пишет: «Хорошо

сказал: *время сотворити; ибо есть время молчати и время глаголати*¹. Пришло ему время говорить — он и заговорил, напоминая, что пришло время пришествия Господа. Так как закон разорен, то да приидет наконец совершение и исполнение закона — Господь Иисус, и дарует нам отпущение грехов и, разодрав, еже на нас, рукописание, спасет всех грешников. *Время*, вопиет, *сотворити*. Так бывает, когда усиливается болезнь и подвергает опасности жизнь болящего, тогда бегут к врачу и просят его поскорее идти, чтоб не опоздать и не допустить до того, что и помочь уже будет нельзя. Врач тогда особенно желателен, когда больного душат тягчайшие припадки болезни. Так и пророк: видя, как все люди разболелись нравственно, как размножились всюду грехи, — бежит ко Христу, Единому Врачу таких болезней, и понуждает Его молитвою поспешить, так как нельзя уже более медлить: *время сотворити*».

Слова *время сотворити Господеви*, вне контекста, можно употреблять пред началом всякого дела, посвящаемого Богу, особенно молитвы. Приступая к ней, может всякий говорить себе: делал ты житейские дела, теперь время начать и дело Божие, делать для Бога. В таком смысле употреблены эти слова в нашем служебнике пред началом литургии.

¹ Еккл. 3, 7.

Стих сто двадцать седьмой

Сего ради возлюбих заповеди Твоя паче злата и топазия.

«Это, говорит святой Афанасий, согласно с сказанным в стихе 72: *благ мне закон уст Твоих, паче тысящ злата и сребра*, и еще: *примите наказание, а не сребро, и разум паче злата искушена... Лучши бо премудрость камней многоценных, всякое же честное недостойно ея есть*»¹. «Они, поясняет блаженный Феодорит, пренебрегли закон Твой, а я почитаю заповеди Твои более достолюбезными, нежели золото и драгоценные камни».

Разливающаяся вокруг греховность раздражила и без того не спавшую ревность по Богу и возгла вящшую любовь к заповедям Божиим. Забыт Бог; померкла слава Божия среди людей, предавшихся всякому греху. Но истинный боголюбец не увлекается общим потоком, а воодушевляется ревностию восстановить эту славу своею верностию заповедям, напоминая окружающим, что есть Бог, ревнитель правды и отмститель за беззакония. Некрепкого духом увлекает недобрая среда, а крепкого вооружает к противодействию.

Сего ради, то есть ради всего сказанного, ради того, что верность заповедям приближает к Богу, вводит в сродство с Ним и преисполняет благонадежностью, верный заповедям открытым лицом

¹ Притч. 8, 10–11.

взирает к Богу, благонадежно предается Ему и дерзновенно изрекает Ему свои потребности, и духовные, и вещественные, с уверенностию в том, что он будет услышан. Поелику все в Боге и от Бога, то эта верность, очевидно, приводит к источнику всех благ, всегда открытому и неистощаемому, и дает вкушать их. Вкусивший сего не может не преисполняться чувством благобытия, а это и есть последняя цель всех исканий человеческих. Как не любить заповеди, когда они вводят в такое состояние!

Вот это и есть единое на потребу! Естество наше многосложно. Каждая часть состава его и каждая сила в составе имеет свою потребность, удовлетворения которой требуют они самим присутствием своим в естестве. Но верх всех потребностей составляют те, которые устремляют человека от тварей к Богу, от земли на небо, от времени к вечности. Вот это собственно и есть человеческие потребности, они-то и указывают на норму человеческой жизни. По силе своей и всеобъятности они таковы, что, быв удовлетворены полно и истинно, притупляют остроту всех прочих потребностей, не дают ощущать жгучести их, заглушают докучливость их. Вот почему удовлетворение их есть единое на потребу! Достигший этого состояния бывает доволен, хотя бы все другие потребности и не были удовлетворяемы или удовлетворяемы не вполне.

Напротив, не имеющий этого удовлетворения предан бывает неприятному и докучливому воздействию всех других потребностей, и терзаем бывает ими в разволочку. Потеряв единое, теряет он норму, куда и как направлять со всех сторон беспокоящие его требования, и неизбежно вдается во многое. Тогда открывается у него множество целей, к целям — множество средств к тому и другому, в действии — разнообразное стечение благоприятствующих и неблагоприятствующих обстоятельств, пособий и препятствий. Попавши в этот круговорот, мечется он, сам себя не понимая, что и почему делает. Вот это и есть суета суетствий, сознать которую дается, однако ж, только тому, кто вышел из нее.

Паче злата и топазия будут вообще означать — более всех других предметов, коими удовлетворяются другие потребности. Сердце отклонилось от них, испытал на деле, что они не насыщают, а только разжигают алчбу и жажду. Испытав, напротив того, делом, что хождение в заповедях успокоительно действует на все естество, сердце предается им и прилепляется к ним любовью, паче всяких других привязанностей. Нельзя обойтись и без таких предметов, как пища, одежда, кров, для иных — семья, книги, картины, связи; но все это не занимает настолько сердца, чтобы слишком настойчиво заботиться о стяжании или скорбеть много о лишении их. И

сами они, и забота о них — приделок, а не главное дело. И им уделяется время и силы, но в мере их цены пред тем *единым*, которое занимает все сердце.

Отчего бывает время, когда являются лица, недовольные своим состоянием? — Оттого, что потеряли *единое*; переиспытав же все прочее, убедились, что оно не дает удовлетворения, — и стали посреди: от того отстали, а это стало, как трава, — вкус притупился. Отсюда туга и самоубийства.

Стих сто двадцать восьмой

Сего ради ко всем заповедям Твоим направляйся, всяк путь неправды возненавидех.

Пророк продолжает высказанную мысль и излагает подробнее то, чего потребовала от него любовь к заповедям Божиим и в чем она выразилась.

Возлюбих, говорит, *заповеди*; но чем же свидетельствовал эту любовь? Мыслями, словом? — Нет, я свидетельствую это не словом, а делом, ибо все действия мои направляю по заповедям Твоим и ненавижу всякий путь неправды. Как, научая страху Божию, он всякому хотящему живота и желающему видеть дни благи внушал: *уклонися от зла и сотвори благо*¹, так теперь и о себе свидетельствует, что он не сидел сложа руки, а

¹ Пс. 33, 15.

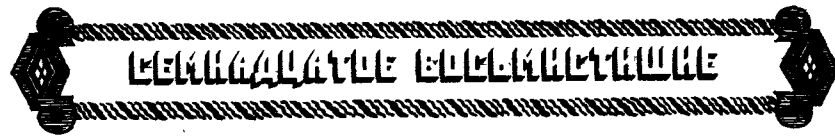
направлялся ко всем заповедям Божиим, и не равнодушно смотрел на пути неправды, но от всей души ненавидел их. Любовь к первым рождала, возбуждала и поддерживала ненависть к последним.

Откуда такая сила? — От сосредоточения всех сил естества в «едином». У нас, грешных, ум с образом мыслей идет в одну сторону, сердце с чувствами и сочувствиями в другую, воля с своими желаниями и начинаниями в третью. От того нет у нас стройности ни в чем — ни во внутренней жизни, ни во внешних проявлениях ее. Один и тот же является на разных поприщах, и трудно бывает определить характеристику его. У святых же Божиих, посвятивших себя Богу и заповедям Его, нет никакого разделения: внутри все направлено на одно, а затем и все внешнее бывает проникнуто одним духом, как однородные бисеринки, нанизываемые на одну нитку.

Отчего там так, а здесь иначе? — Оттого, что там человек не в своем чине, а здесь в своем; находящийся же не в чине, естественно, бесчинен, не в порядке, тогда как пребывающий в чине — всегда в порядке. Причиною первого — грех, а другого — богоугождение.

Возьмем во внимание наше естественное устройство. Человек состоит из духа, души и тела. Дух, живущий в Боге, властвует над душою и телом и всеми их деяниями, объединяет все

в себе, единая и сам с Богом. Грех отделяет дух от Бога и лишает его власти над душою и телом. Тогда эти многосоставные, многими силами снабженные и многие потребности обнаруживающие части естества нашего устремляются в разные стороны, как стадо без пастыря, и тиранствуют над человеком, властно направляя его то туда, то сюда, — и живет он в смятении и нестроении. Но приходит благодать Божия и оживляет дух. Тогда для духа снова отверзается окно в мир Божий. Идущие оттуда лучи возбуждают в нем страх Божий, движут совесть и приводят к решению снова неутомимо работать Господу. Это решение запечатлевается благодатными средствами; дух вводится в таинственное богообщение, начинает ревностно ходить в воле Божией и трудами добродетеля и подвижничества опять восходить в ощущаемое богообщение. И вот опять он силен, опять объединяет все в себе, единая с Богом. Видимое же выражение такого состояния одно: стремление к исполнению всех заповедей и ненавидение путей неправды.

Д Заголовка к этому восьмистишию *не — уста.*

Уста Божии изрекают повеления и заповеди; уста людей богобоязненных, исповедав полную покорность свою Богу, молят Его научить и дать силы в точности исполнять все, что изречено устами Его, изъявляя сокрушение и раскаяние, если случится когда отступить от того. Все это и составляет предмет настоящего восьмистишия, в разных оттенках и выражениях.

Стих сто двадцать девятый

Дивна свидения Твоя, сего ради испытана я душа моя.

Свидения, или свидетельства Божии, обнимают все Божественное откровение и о Боге всесовершеннейшем, и о свойствах и делах Его, о Его творении, промыслении, а наиболее об устройении нашего спасения во Иисусе Христе, которое созерцалось верою и до пришествия Его во плоти. Но так как настоящий псалом рассуждает все о заповедях Божиих, то есть не о Боге, а о том, как угодить Ему, то в настоящем стихе под свидетельствами надлежит разуметь заповеди Божии, правила жизни. Да и все Божественное Писание преимущественно учит, как жить, о прочем же поминает

как бы мимоходом, ибо задача его готовить не мудрецов, а святых людей.

Почему же эти свидения, эти заповеди — *дивны*? Что дивен Бог, дивны все совершенства Его, дивно творение и промысление Его, и особенно спасение в Сыне Божием, это очевидно само собою: но как дивны заповеди? — Дивны потому, что полны и совершенны, что обнимают в совокупности все, и каждая не имеет ни малейшего недостатка. Так говорим мы о вещах, прекрасно устроенных: «Дивно хорошо, не хотелось бы глаз от них оторвать!» Дивны *свидения* Божии по плодам, ибо поставляют верно исполняющего их человека в свой чин и возвышают его над всем сотворенным, облакая в богоподобие. Дивны потому еще, куда они приводят: облекши богоподобием здесь, они по смерти вводят в область вечного покоя и блаженства. Дивны и потому, наконец, что во многом непостижимы. Кроме предписаний нравственных, свидения Божии определяли весь чин богочитания. Чин этот был и прост и таинствен, ибо служил сению грядущих благ. Пророческий дух прозревал это грядущее сквозь сень, и не мог не дивиться высоте его, не постигая, впрочем, его. Блаженный Августин говорит: «Дивно, что дан закон, не могший животворить, но составлявший, однако ж, неминуемый путь к животу истинному».

Если отвлечемся от ветхого и обратимся к новому, то дивность свидений Божиих печатлеется тут на каждой черте их. Что это такое, что Сыну Божию и Богу надлежало прийти, воплотиться и пострадать? Что это такое, что без веры в пришествие, воплощение и искупление смертию Сына Божия и думать нельзя явиться угодным Богу и приблизиться к Нему, как ни живи хорошо? Что это такое, что, несмотря на такую жертву, надлежало Господу по воскресении вознестись на небо и вместо Себя послать иного Утешителя? Что это такое, что без этого вознесения, как бы продолжения пути, Духу Божию нельзя было и низойти и вселиться в нас? Что это такое, что хотящий угодить Богу и спасти душу свою должен приять Духа Божия в себя, и притом так, что, кроме веры, возжелания Бога и всецелого предания себя Его вседействию, необходимо приобщиться тайнодействиям, в коих одних сообщается невидимый Дух, чрез посредство видимого вещества? Что это такое, что без вседействия Духа благодати невозможна настоящая нравственная жизнь, и притом так, что Дух сей не действует без вседействия свободы и собственных сил человека? Что это такое, что для того, дабы облечься новою духовною жизнью, надо умереть, хоть и не телесно? Что это такое, что без действительного приобщения кресту Христову, чрез скорбное самоумерщвление, лишения и

болезненную борьбу до гроба, не дается жизнь в духе?..

Это все дивности в общем строе жизни христианской, но и в частности сколько дивных заповедей! Ударит кто тебя в ланиту, подставь другую; хочет кто взять у тебя верхнюю одежду — отдай и исподнюю; тянет кто тебя насильно пройти с ним поприще едино — иди с ним два; врага люби, злодею благотвори, обидчику спускай всякую обиду; кто что ни попросит, давай, не требуя и не ожидая отдачи, и проч. И все это внушается как совершеннейший образ действия, скорее и прямее ведущий к цели, как очевиднейшая печать истинного христианства. Соображая все это, как не воскликнуть: *дивна свидения Твоя, Господи!*

Сознание дивности свидений Божиих располагает дивиться им, то есть смотреть на них, углубляться и исследовать их, с любовью и желанием осуществить их потом в жизни своей. Это занятие стоит на переходе к исполнению их делом. Посему пророк и говорит, что, дивясь свидениям Божиим, душа его принялась исследовать их, и не как-нибудь, а со всем усердием: *сего ради испыта я душа моя*. Испыта — ἐξηρέυνησεν — усиленно стала исследовать, по толкованию Зигабена и Анфима. Такое исследование держит память и внимание все на том, как жить; а постигнув красоту правил жизни, располагает к ним

и возгревает ревность жить по ним. Потому-то поучающийся в законе Господнем день и ночь бывает, *яко древо насажденое при исходящих вод, еже плод свой дает во время свое*¹. Писание не знает научного исследования в видах голого знания: у него речь все о жизни и об устройении ее. Ученое исследование порождено беспечностью о жизни, чтобы прикрыть эту видимостью праздно свое безделье.

Стих сто тридцатый

Явление словес Твоих просвещает и умудряет младенцы.

Что такое *явление* (δηλώσις) словес?

Когда царь в покоях, никто его не видит; а когда он выходит на балкон, то всякий может его видеть. Так и свидения Божии, пока остаются в уме Божиим, пребывают невидимыми, а когда изыдут из уст Его, становятся явными. Об этом-то явлении словес и говорит здесь пророк. Это все равно, как бы он так сказал: словеса, исходящие из уст Твоих, просвещают и умудряют младенцев.

Можно доразумевать тут еще вот что: только явление словес Твоих просвещает. Не будь этого явления, не было бы и просвещения. Совесть хоть и свидетельствует о том, что следует, но не всегда ясно, не всегда полно, не всегда убедительно

¹ Пс. 1, 3.

и действительно; оттого и не определяет к делу и остается бесплодною. Слово же, исходящее из уст Божиих, ясно, полно и действительно. Оно падает на совесть и, возбуждая ее, проходит до разделения души и духа, членов и мозгов.

Просвещает и умудряет... Когда восходит солнце, оно все освещает, и все предметы, все стези среди их, со всеми разветвлениями, бывают тогда явны. Весело и небоязненно идти тогда путнику. Так и слово Божие, исходя из уст Божиих, освещает все пути богоугодной жизни, и возревновавший идти по ним ясно видит, куда идти, и идет смело, не боясь, что оступится. Как велико это благо, можно видеть из сравнения состояния не имеющих просвещающего слова Божия с теми, которые имеют его и живут по нему. Блеск очей и светлость лица свидетельствуют, что за ними есть душа, просвещенная словом уст Божиих.

Просвещение указывает порядки и правила жизни, а умудрение научает, как по ним жить и действовать. Это нужнейшая сторона для делателя. Уменье жить и совершать дела добродетели всегда в свое время, в своем месте и в своей мере, сообщающее делам привлекательное благообразие и плодотворность, — такое уменье есть великий дар Божий. Вселяется же он чрез словеса уст Божиих. Они и прямо нередко указывают, как что делать должно; более же настраивают силу воздействия своего ум и совесть к тому,

чтоб они в нужный час определяли всесторонне образ действия так, как хочет ему явиться всеправящий Господь. До этого всегда доходит тот, кто пребывает верным слову Божию.

Но слово Божие просвещает и умудряет *младенцы*. Можно думать так: слово уст Божиих так приспособительно к нашему понятию, что его может уразуметь и поучаться ему и малосмысленное дитя. Можно разуметь вместо дитяти и простых, неученых людей. Но прямее тут понимаются простые сердцем, хотя бы они и высоко были образованны. Слово Божие просвещает и умудряет тех, которые бесхитростно принимают его, не пытаются, почему и для чего, не колеблются раздумываньем: да полно, так ли? — а прямо, как слышат, так и последуют ему, что ни заповедало бы оно. Прившедшее мудрование не оставит без повреждения простоты слова Божия и возмутит лишь шаги хотящих следовать по указанию его. Его нужно подклонять под слово Божие; и тогда младенческое приятие слова сердцем сделает его плодоносным, как плодоносит земля, беспрекословно разверзающая недра свои для принятия семян.

Стих сто тридцать первый

Уста моя отверзох, и привлекох дух, яко заповедей Твоих желях.

Слова эти буквально выражают то же, что обычный у нас оборот речи, когда кто, долго

и усиленно ища и домогаясь чего-либо, наконец достигает желаемого. «Слава Богу, говорят тогда, наконец-то я свободно вздохну; достиг того, чего желал!» Применительно к этому и святой Давид описывает свое внутреннее состояние, которое испытал он, когда обрел заповеди и вступил на путь их. Сильно желал он знать и, имея их в сердце, жить по ним, чтоб угодить чрез то Богу и пребыть в любви Божией. Но кто скажет, что он сам собою может дойти до того? Не дерзал на это и святой пророк, но искал. И вот, когда услышал он из уст Божиих исшедшие заповеди, дивные, просвещающие и умудряющие, когда возлюбил их всем сердцем и устремился на путь их, тогда не мог удержаться, чтоб не воззвать: «Слава Богу! Свободно вздыхаю, ибо достиг того, чего желал: узнал заповеди и вступил на них; теперь я на пути к цели. Нечего больше желать, только бы не сбиться с этого спасительного пути». Какая свежесть духовной жизни! Какое живое и сердечное отношение к заповедям! Не холодно относится он к данному образу жизни, усвояя только форму ее, а всею душою устремляется к тому, не видя иного блага на земле, кроме того, чтоб бытъ верным заповедям и воле Бога Вышнего. Это — корень, источник истинно нравственной жизни, крепкий, обильный, неистоимо бьющий.

Но все наши толковники: Афанасий Великий, Феодорит, святой Амвросий, Августин, Иларий,

Анфим, Зигабен и приводимые у сего последнего Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский, преподобный Нил, — не останавливаются на букве, а видят в этих словах более глубокий смысл. Они разумеют под отвержением уст отверстие ума и сердца, — выражение жажды духа человеческого, а под привлечением духа — желание и приятие Духа благодати, утверждающего и пособствующего в исполнении заповедей, возлюбленных всем сердцем. «Устами, говорит святой Афанасий Великий, называет здесь пророк сердечное усердие, потому что, поясняет блаженный Феодорит, оно привлекает благодать Духа, как и в другом месте он говорит: *разшири уста твоя, и исполню я*¹. «Уразумей же, учит святой Амвросий, что такое уста. Это — сердце, или устремление внутреннего человека. И душа имеет свои уста. Их и открывай Христу, чтобы привлечь Дух Его». «Сердце, отверзшееся верою, жаждет напитаться небесною истиною, рассуждает святой Иларий; но ее пишет на скрижалях сердца Дух². Привлечь его и ищет пророк, так как Дух приходит не иначе, как тогда, когда его ищут. Следовательно, надобно желать, искать, привлекать его, чтобы напитаться от Него духовною пищею, как питается невинное дитя молоком от груди матери». «Чего, пишет блаженный Августин, так усердно желал пророк? — Исполнения

¹ Пс. 80, 11. — ² См.: 2 Кор. 3, 3.

заповедей Божиих. Желал, но достичь желаемого не надеялся. Потому и отверз уста, чтобы привлечь то, чрез что мог бы достигнуть того, — отверз, прося, ища, толкая; и в жажде напоился Духом благим, чтобы силою Его совершить то, что сам собою не мог совершить, исполнить то есть заповедь *святую, праведную и благую*¹. Ибо если мы, *зми суще*, умеем *даяния блага даяти чадом своим: калями паче Отец, иже с небесе, даст Духа Святаго просящим у Него*². Не те, кои своим духом действуют, но те, кои *Духом Божиим водятся, сии суть сынове*³. И тем более соделываются благими сынами Богу, чем обильнее дается им от Отца Дух благий».

Стих сто тридцать второй

Призри на мя и помилуй мя, по суду любящих имя Твое.

Уже возлюбил заповеди, вступил на путь их, сознал безопасную верность этого пути, привлек и Духа благодати, — чего же он еще желает? — Непрерывности Божия покрова и Божия благоволения. В жизни духовной ни на минуту нельзя предаваться беспечности: всюду препоны, отовсюду враги, и не увидишь, как подкрадутся и сокрушат. Только око Божие все зрит; только покров Божий от всего обезопасит. Отсюда и вопль: *призри на мя и помилуй мя. Помилуй, яви то есть*

¹ Рим. 7, 12. — ² Лк. 11, 13. — ³ Рим. 8, 14.

милость и благоволение, *по суду*, или по чину *любящих имя Твое*. «Пророк, говорит блаженный Феодорит, умоляет о том, чтобы сподобиться ему Божия благоволения, но не просто, а как обычно Тебе — Богу, оказывать милость Свою любящим Тебя. Умоляю дать и о мне то же определение, что и о них». «Как, изъясняет святой Афанасий, определил Ты призирать любящих имя Твое и сподоблять их великого Твоего посещения, так сподоби и меня той же милости!» Так сознает себя постоянно держимым на руках Божиих усердно угождающий Ему исполнением заповедей; а все-таки, видя бездну под собою, молится, чтобы не отнимал от него Господь десницы Своей.

Истинная жизнь в духе держится непрерывным, так сказать, взаимодействием Бога к духу и духа к Богу. Когда есть живое устремление духа нашего к Богу и действенное привечение Духа Божия к нашему духу, тогда жизнь духовная в движении. В этом и состоит то духовное дыхание, которым поддерживается жизнь духовная, точно так, как дыханием телесным поддерживается жизнь телесная. Нет жизни в телесном организме без дыхания; нет жизни в духе без сказанного Богообщения. И в этом ничего нет невероятного. Бог везде и все исполняет. Когда сердце отверзается верою, исканием, богопреданностью, Бог входит и исполняет его. Вот и жизнь духа! Дивиться надо только тому, что не все мы

живем этою жизнью. Многие даже не знают, что это за жизнь, ибо она невидима и как бы неосязаема, хотя и вседейственна. Другие понимают под нею совсем не то, что она есть такое. А это еще более жалко: сами себя обманывают, полагая, что имеют, тогда как вовсе у них ничего нет. В том-то и премудрость, чтобы попасть на истинную тропу. Но кого влечет Отец Небесный, тот всегда находит ее.

Слова: *по суду любящих* — указывают и на Божию любовь. Так обетовал Сам Бог: *Аз любящие Мя люблю*¹. Любовь Божию приемлет сердце любимого и ощущает теплоту ее. И своя любовь к Богу есть теплое чувство. Теплота с теплотою, сливаясь, вознатеают горение духа внутри человека, горение не потребляющее, а животворящее. Так бывает у всех тех, которые идут настоящим путем. Так как Бог есть свет, то любимые Богом бывают осенены облаком света, который делает их видимыми для всех любящих Бога и Богом любимых и сокрывает от врагов и богоборцев, ослепляя их. Любовь Божия есть естественный покров любимых Им и любящих Его. Таков чин любящих имя Божие. Об этом-то и молится пророк: *памилуй мя, по суду любящих имя Твое*. Покровом света, источаемого любовию Твоею, да будет всегда одеваема душа моя, чтобы, согреваясь теплотою ее, жить ей радостно в себе и, озаряясь

¹ Притч. 8, 17.

светом ее, отражать врагов, пребывая как бы в некоей несокрушимой крепости.

Стих сто тридцать третий

Стопы моя направи по словеси Твоему, и да не обладает мною всякое беззаконие.

Пророк продолжает выражать, что нужно ему после того, как он обрел, возлюбил и положил творить заповеди, изреченные устами Бога живого, зримого и любимого им: *стопы моя направи по словеси Твоему*. Уж он идет, а все боится, как бы не сделать неверного шага, ибо много есть такого, что кажется достоподобным, не будучи таковым. На этом строится самая опасная сеть врага, которою уловляет он ревнующих, но еще не искусившихся. Подставляет он им для делания добро, которое или не к месту, или не ко времени, не к лицу действующего или к лицам соприкасающимся. Неопытный делает; а так как такого рода дела сопровождаются смятением мыслей и чувств, то, вследствие того, он и подвергается сильнейшему нападению врага, который великий мастер ловить в этом смятении, мутящем светлость сознания. Приражаются затем внушения уже недобрые, но только такие, нечистота которых за смятением не так ясна. Сделай шаг по ним — уж и полупадение, а там недалеко и до падения. Вот почему у всех богобоязненных людей всегда теплится самая искренняя молитва: *стопы моя*

направи по словеси Твоему. «Сам Бог, говорит святой Афанасий Великий, направляет шествие тех, кои, оставя порок и неведение, вступили на путь добродетели и ведения». «И только те, прибавляет блаженный Феодорит, кои сподобляются такого руководства и предаются ему, идут безопасно и верно. Предавший себя Богу не бывает оставляем Богом, а когда мы приносим еще усердие к тому, Бог подает помощь и направляет наше шествие». Как святые апостолы говорили о себе, что они и подумать ничего целесообразного не могут сами собою в делах своего апостольского служения, так исповедует это и всякий ревнитель о деле спасения своего, которое, вместе с тем, есть и дело Божие, первое и желательнейшее Ему. Как подается указание, как приемлется, сознается и одобряется, этого никто не может знать и изъяснить, кроме того, кто сподобится сего. Но и тут все совершается так, как это бывает в обычных делах, то есть после некоторого расследования, и затем — решения; иначе не избежать подсад. Бывает, что и чувство прямо определяет, но ему прямо последуют только стяжавшие уже обученные чувства в рассуждении добра и зла.

И да не обладает мною всякое беззаконие. Это еще откуда молитвенный вопль, при такой ревности, при такой близости к Богу, при таком дивном водительстве? С какой стати может тут иметь место обладание беззаконием? — Точно, оно не

имеет места, но может возыметь. Опасаясь этого, пророк молится, чтобы не подпасть такому насилию. Грех не отстает от вступившего на Божий путь добродетели, и грешное, как стая комаров, вьется вокруг головы шествующего так, жужжа и покушаясь уязвить его. Это — помыслы, соблазны, влечения. Кто от них свободен? Но у верно-го своему решению они как приходят, так и отходят — ни с чем; манят, но не увлекают, ибо гуляют лишь вокруг, вьются над головою. Но есть и такие, которые и внутрь проходят, и из этих иные — старые друзья; они могут так охватить и с такою силою влечь, что испытывающий это ведомся, как на поводу, не к доброму. Не приди помощь свыше — долго ли до падения? Потому-то пророк и молится: не допусти, Господи, чтобы грешные возбуждения, противные Тебе, когда-либо возобладали мною, одолели меня и увлекли к недоброму, в оскорбление Тебе.

Стих сто тридцать четвертый

Избави мя от клеветы человеческия, и сохранию заповеди Твоя.

Святой пророк поминал пред сим о внутренних искушениях, влекущих ко греху, и молился, да не возобладают они над ним; теперь молится об избавлении от искушений совне, выставляя самое чувствительное из них — клевету: *избави мя от клеветы*. И видимая напасть и напраслина

горька, но горше невидимая, когда, не нападая видимо, причиняют зло скрытно, распространяя клевету. Клевета, дошедши до слуха оклеветаемого, прежде чем причинит какое-либо видимое зло, уже сжимает сердце, ослабляет энергию к доброделанию и охлаждает к нему. Шествующий известным путем, получив нечаянно удар в грудь, хоть и не падает, но останавливается в недоумении. Так поражает шествующего путем добродетели и клевета. Конечно, свидетельство совести есть сильный отпор клевете, но и оно несколько колеблется и на время уступает пред злым воздействием клеветы. Сочувствие окружающих, хотя не есть производительная сила добродетели и не должно быть таковою, но оно есть очень благоприятная атмосфера для ее расцветания и плодоношения. Отсутствие же его и тем паче присутствие противоположного кривого истолкования дел действует на произведение их, как мороз на растения в пору весеннюю. Понятно после сего, почему с избавлением от клеветы соединяется у пророка обет: *и сохранию заповеди Твоя*, то есть как бы так: и буду беспрепятственно хранить заповеди, или: и мне легче и удобнее будет тогда хранить заповеди Твои.

В отвращение такого злого влияния клеветы на делателей добродетели и Христос Господь, воодушевляя ревнителей ее, в конце прибавил: *блажени есте, егда поносят вам... и рекут всяк зол*

глагол на вы лжуща, Мене ради. Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех¹. Клевета обособляет от других и убивает чувством одиночества среди многих. Это испытал и пророк, выразившись в другом месте так: озираюсь кругом, и никого не вижу знакомого, словно все чужие мне. И что же? Ноги, говорит, подломились: *погибе бегство от мене*. Куда обратиться человеку, всеми оставленному? — Некуда, кроме неба. *Воззвах к Тебе, Господи, рех: Ты еси упование мое*². Оставля мир и все, что в нем, надо переселиться такому человеку надеждами своими горé, и там успокоиться, веруя, что неложно слово Господне: *блажени есте, егда поносят вам*.

Соображая текст этот с предыдущим, где пророк молится, чтоб не возобладали над ним внутренние искушения ко греху, можно думать, что и здесь, молясь об избавлении от клеветы, он молится об избавлении от пагубного действия ее на душу, то есть чтобы клевета не возобладала над ним, не сжала сердца, не поразила и не охладила его к добру. Бог силен заградить уста клевете, но не всегда делает это. Вместо этого, оставляя клевету жить и ходить, Он ниспосылает утешение в сердце оклеветаемого и тем избавляет от опасности, какой подвергается душа, поддавшаяся скорбным от того чувствам.

¹ Мф. 5, 11—12. — ² Пс. 141, 5—6.

Стих сто тридцать пятый

Лице Твое просвети на раба Твоего, и научи мя оправданием Твоим.

По лицу угадывают, в каком расположении тот, кого встречают, к тому, кто встречает, — в добром или недобром, благовольтельном или неблаговольтельном. Мрачное лицо означает неблаговоление, лицо светлое — благоволение, отношение любовное, а в высшем — и покровительственный, и защитительный взор, с желанием сделать всякое добро. Потому говоря: *просвети лице Твое*, пророк молится о Божием к себе любительном благоволении.

Лице Божие невидимо, но созерцается умом. При этом совесть дает знать — в каком отношении состоит созерцающий Бога к созерцаемому, всевидящему Богу, и в чувстве отражается Божие благоволение или неблаговоление к нему, смотря по свидетельству совести. Это не что-нибудь воображаемое, а то, что действительно происходит в духе от действительного воздействия Божия на него. Бог везде есть и все содержит; Он держит и дух человека. Это держание отражается в духовном чувстве, соответственно строю духа. Посему *просвети лице* — может означать еще: *даруй мне, Господи, всегда воззреть на Тебя умными очами без боязни и смущения за свою неискренность пред Тобою. Даруй выну предзреть*¹

¹ Пс. 15, 8.

Тебя пред собою и никогда не дерзнуть оскорбить Тебя чем-либо и понудить благостыню Твою омрачить светлое лице Свое. В мирном, несмущенном, дерзновенном возревании к Богу — отрада и крепость ревнителю о богоугождении. Оно преисполняет дух сладостною теплотою и держит все силы в напряженной готовности тотчас приступать к делу в угодность Господу, как только укажут его текущие обстоятельства. Это есть самое спасительное состояние — светлым лицом возревовать на светлое лице Божие. Оно одно может заменить все подвижнические приемы, хотя без них трудно ему установиться и стоять, если даже не невозможно.

Но кто чист? И помимо сознания нашего, сколько может быть неисправностей и нечистот! Господь снисходит немощам и покрывает их милостию Своею. Но ревнитель богоугождения, дыша любовью к Нему, не может равнодушно относиться к этому и желанием желает быть совершенно во всем чистым пред Богом. Потому он и молится: *научи оправданием Твоим*, научи быть всегда правым пред Тобою в делах, словах, помышлениях, чувствах и начинаниях, и притом не в проявляемых только, но и в самых сокровенных, Тебе единому ведомых и видимых. Молящихся так искренно Господь постепенно вводит в познание сокровенных их неисправностей и научает исправлять и заглаживать их, чтоб они могли,

наконец, явиться совершенно чистыми и безукоризненными пред лицом Самого Бога и были засвидетельствованы таковыми в день Господень.

Стих сто тридцать шестой

Исходища водная изведосте очи мои, понеже не сохраних закона Твоего.

Пророк подал пред этим мысль о несознаваемых неисправностях, а здесь поминает он о неисправностях сознаваемых, с засвидетельствованием, что такого рода сознание изводит из очей его два источника слез. Этим означает он искреннее раскаяние во всем, что сознательно допущено им во внешней жизни и во внутренних движениях неугодного Господу, противного явной воле Его, выраженной в заповедях.

Путник или человек, занятый работами, поневоле запылится и загрязнит одежду свою; потому ему бывает надобно и умыться, и одежду переменить. Так и идущий путем жизни духовной при всех трудах доброделания нередко погрешает, то по недалновидности, то по невниманию и случайному рассеянию мыслей, а иногда и по вырывающемуся сочувствию и увлечению. Все это в разных степенях — нечистоты, тяготящие совесть, — тяготящие, говорю, но не подавляющие. Сознав их, ревнительный человек приходит в движение и спешит очистить нечистое, — чем же? — водою слез. Он не довольствуется тем,

чтобы сознаться только в неисправности и положить намерение вперед не допускать ее; но скорбит о том и сокрушается так глубоко и искренно, что от томления сердца очи становятся *исходищами водными*. Слезы сокрушения — это духовное омовение. И оно не есть что-либо мечтательное, а совершается действительно. Поплакавший обновляется. Но это обновление печатлеется лишь за тем, кто по исповеди получает разрешение. Вот и стал опять чист человек. Снова загрязнишься — снова употреби то же омовение, и так всю жизнь. Есть такие любители телесной чистоты, что каждый день переменяют белье и употребляют омовение. Если же это делается для тела, то насколько усерднее должно быть совершаемо то же для души!

Что изводит такую воду из очей кающегося? — Не страх и не опасение за себя, а любовь. От страха и опасения за себя может произойти только решение исправиться и остерегаться вперед неисправностей, а слезы, омывающие нравственную скверну, изводит любовь. Любовь не может сносить выступления из воли любимого. Между людьми подобные случаи нередко прикрываются тем, что любимый не узнает об отступлении от его воли, это утешает и успокаивает любящего; но в отношении к Богу такое прибежище неуместно. Ему ведомо всякое нарушение воли Его. Сознавший это за собою сознает вместе

с тем и то, что оно ведомо Господу и не может не оскорблять Его. Любовь, всегда видящая лице Господа, не может не видеть, как омрачается оно от того или другого оскорбления, а видя это, не может не сокрушаться; сокрушаясь же, не может не проливать слез. Так святой Петр по отречении от Господа в каком-то непонятном забвении, встретив очами своими обличительный взор Господа, *изшед вон со двора архиереова* — места оскорбления Господа, *плакася горько*¹.

У Восемнадцатое восьмистишие идет под буквою *цаде* — бок, сторона.

Так как у пророка дело идет все о заповедях, то в этом восьмистишии надо искать указания разных сторон или самих заповедей, или отношения их к нам. Здесь указываются стороны сего последнего. Можем себе представить в середине корпус заповедей, к которому можно подходить с востока, запада, севера и юга. С каждой стороны отношение к ним выражается особым расположением. С востока станет *вера* — уверенность, что заповеди Божии суть правда и истина непреложная (стихи 137—138); с запада — исходящая из

¹ Лк. 22, 62.

этой уверенности *ревность* об исполнении всех этих заповедей и своя к ним любовь (стихи 139—140); с севера — *смирение с надеждою* (стихи 141—142); с юга — *терпение* всего находящего из-за верности заповедям (стихи 143—144). Таково содержание сего восьмистишия.

Стих сто тридцать седьмой

Праведен еси Господи, и прави суди Твои.

Пророк исповедует праведность Господа, составляя убеждение, что ничто неправое не может исходить из уст Божиих: *праведен еси, Господи*; но исповедует это не в виде отвлеченного созерцания, а как основание правости судов Божиих. Суды Божии означают и присуждения вообще, то есть все, чему быть, присуждает Бог: это вводит в область промышленности Божия и исполняет успокоением в преданности воле Божией. Но поелику здесь речь идет о заповедях, как это видно из нижеследующего стиха, сходного по содержанию своему с настоящим, то ближе будет под «судами» разуметь присуждения, коими Бог определяет, как должно нам жить, определяет то есть не участь нашу, а то, как надо нам действовать, независимо от нашей участи. К этой мысли приводит нас и греческое слово, отвечающее слову *прави*: ἑυθεῖς — *прямые*, прямые то-есть пути, которые указывают нам заповеди Твои, Господи, — прямо ведут они к цели.

В двух этих стихах (137 и 138) пророк выражает уверенность в правости и истине заповедей. В первом почерпает он эту уверенность из созерцания праведности Божией, а во втором — из уразумения свойств самих заповедей. Прямые, говорит, указания заповедей Твоих, Господи, потому что Ты Сам праведен и ничто неправое и не прямое не может получить от Тебя одобрения. Когда Ты сказал: живи так и так, и когда я не сомневаюсь, что это точно Тобою сказано, то и на мысль мне не может прийти, чтобы была какая-либо непрямота в путях заповедей Твоих. Сколько уверен я в том, что Ты праведен, столько же уверен и в том, что прямые пути, указываемые Тобою в заповедях. Прямые они, и суть всегда вернейший и ближайший путь, как прямая линия между двумя известными точками. Удостоверение в этом почерпаю я из уверенности в Твоей правде. Созерцаемые мною лучи правды Твоей упираются на заповеди и ярко оцвечивают их правотою Твоею.

Если пророческое воззрение на дело заповедей таково, что уверенность в правоте их должна исходить из веры в праведность Божию, то каким же образом иные думают построять прочные законоположения для истинной нравственности человеческой помимо веры в Бога и Святое Откровение Его? — Как ни напрягайтесь, не дойдете даже до того, чтобы построить свою систему,

а не то чтоб привлечь к ней уверенность в истине ее указаний. Сколько разных путей указывают нравы и обычаи, укореняющиеся среди людей! Сколько распутий видится от раздвоения зрения по влиянию своих страстей и неправых влечений! Как тут узнаешь прямейший путь и как удостовериться, что избираемый нами есть вернейший? Как на море в местностях, скрывающих многие подводные камни, провести безопасно корабль может только искусный и многоопытный лодман, так и в море жизни указать среди разнообразных тропинок и столкновений путь прямой и безопасный может только всевидящий, всеведущий и всеправедный Бог. Только от веры в Него может истекать уверенность и в правоте путей, избираемых нами, когда то есть видишь, что их указал Сам Бог.

Стих сто тридцать восьмой

Заповедал еси правду свидения Твоя, и истину зело.

С высоты созерцания праведности Божией нисходя к заповедям, засвидетельствованным словом уст Его, пророк исповедует, что они, будучи и сами по себе праведны и истинны зело, дают нам прямейшее, вернейшее и непреложнейшее правило жизни. Мысль та же, что и в предыдущем стихе, но там пророк вниманием своим стоял на праведности Божией, а здесь стоит на правде и истине заповедей, впрочем так, что как

там видел он в праведности Божией правоту заповедей, так и здесь в заповедях видит правоту Божию, исповедуя, что они так же непреложно правы и истинны, как непреложно праведен Сам Бог, утвердивший свидетельством Своим столь высокое их достоинство. Святой Афанасий Великий пишет: «Ты заповедал свидения, как сущую и самую очевидную истину. В высшей степени прямые правила судов Твоих показывают правду Твою. Свидения Твои суть Божественные Писания: они — правда по нравственным заповедям, и истина по смыслу, заключающемуся в самих словах».

Правы и зело истинны заповеди потому, что они совершенно соответствуют естеству нашему, нашему настоящему состоянию и разнообразным обстоятельствам и положениям жизни нашей; вследствие сего на исполняющего их они низводят глубокий внутренний мир, дают ему твердость при неприятностях, незаметно выводят из запутанностей, ведут прямо к цели и вводят в блаженную вечность. Такие убеждения о достоинстве заповедей Божиих носил пророк в сердце своем, и такие хочет он поселить в сердце нашем, ибо в этом убеждении основа прочности нравственной жизни и мужество к неуклонному шествию путями ее. Как всякий предприниматель, уверившись в верности своего плана, идет к цели и прилагает к делу придуманные средства, не

смушаясь никакими препятствиями, в уверенности, что достигнет искомого, так мужественно идет путем заповедей тот, кто глубоко в сердце содержит убеждение, что путь их есть единственно верный путь и что, шествуя им, несомненно придет он к вожделеннейшей цели — вечному блаженству.

Стих сто тридцать девятый

Истаяла мя есть ревность Твоя, яко забыша словеса Твоя врази мои.

Что следует делать уверенному в высоком достоинстве заповедей? — Возлюбить их и ревностно жить по ним. Это и свидетельствует пророк вслед за предыдущим стихом. Но ревность о заповедях не может ограничиваться одним своим личным исполнением заповедей; она ищет, дабы и все другие так ревностно исполняли их, чтобы славилось имя заповедавшего их Господа и жизнь по воле Его являлась господствующею не в той только среде, где живет ревнитель, но и повсюду. Эту-то сторону ревности выражает пророк в настоящем стихе. *Истаяла*, говорит, *мя ревность Твоя*. Ревность истинная — огненна; питающий ее горит духом, горит, но не сгорает. Это чувство не разрушительно, хотя многовозбудительно; и, будучи многовозбудительным, не требует неукротимых действий. Все это выражает пророк мягким словом: *истаяла мя ревность Твоя*, то есть

та, которую Сам Господь имеет, так как Он есть *ревнитель*. Пророк в этом случае выражает раздражение свое Господу. Как Господь ревнует о заповедях Своих, желая, чтобы все исполняли их, так и я, так и все старайтесь делать. Или так: *ревность Твоя* есть ревность по Тебе. Пророк говорит: любя Тебя, Господи, я ревную о Тебе, — о том, чтобы всеми всюду исполняема была воля Твоя и славилось чрез то Пресвятое имя Твое. И то, и другое есть неотлучная принадлежность истинно благочестивого духа.

Ревнующий ревностию Божиею там, где неведома воля Божия, старается распространить ведение о ней, а где она должна бы быть ведома и бывает видимо забыта, скорбит и сокрушается. Прискорбно, говорит, мне видеть, как дерзают забывать волю Твою *врази мои*. Может быть, пророк указывает этим на личных врагов своих; а может быть, хочет выразить, что забывающие словеса Божии и заявляющие таким образом неприязненное расположение к Богу, являясь врагами Божиими, суть и его враги. Ревность по Тебе, Господи, раздражает ревность против них, как бы они лично против меня враждовали.

Такова любовь. Она не может считать чуждым себе ничего из того, что касается любимого. Оттого ревнует о всем, угодном ему. Святой Афанасий Великий так описывает состояние пророка, изображенное в этом стихе: «В какую

ревность приходил я, как скоро видел кого-либо забывающего словеса Твои! И не просто приходил в ревность, но истаявал от ревнования по Тебе, если видел забывающих словеса Твои. Об этой ревности, от лица Господа выраженной в псалме, *помянуша ученицы, яко ревность дому Твоего снеде мя*¹. Блаженный Феодорит приводит и другие примеры такой ревности: «Пророк оплакивает и живущих в беззаконии и, видя, как пренебрегают Законоположником, справедливо приходит в негодование. Такая ревность прославила Финееса; она великого Илию соделала присночтимым; воспламененный ею Стефан обличил неверие иудеев; храня ее в себе, божественный Павел взывал: *кто изнемогает, и не изнемогаю? Кто соблазняется, и аз не разжизаюся?*² И блаженный Лука говорит о нем, что *во Афинах стенал дух его в нем, зрящем идол полн суц град*³.

Стих сто сороковой

Разжжено слово Твое зело, и раб Твой возлюби е.

Поставив впереди ревность, заставляющую его истаявать от забвения словес Божиих другими, пророк мог ожидать возражения: «Да что тебе до других! Сам-то ты каков?» Поэтому и говорит: люблю, люблю слова Господа моего и как раб покоряюсь Ему. Но он ведет речь об этом не

¹ Пс. 68, 10; Ин. 2, 17. — ² Кто изнемогает, с кем бы я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся? (2 Кор. 11, 29). — ³ Деян. 17, 16.

к беззаконующим, а беседуя с Господом: *разжжено слово Твое. Разжжено* — чисто, беспримесно, как говорит он о том и в другом месте: *словеса Господня — словеса чиста, сребро разжжено, искушено земли, очищено седмерицею*¹. Чисто и совершенно слово Господне, потому и привлекательно; а будучи привлекательно, оно возбуждает любовь к себе. Я, говорит, и возлюбил его; но возлюбил не потому только, что оно чисто, а более потому, что оно от Господа. Сознывая себя рабом Господним, я покорствую слову Его, и тем охотнее, что слово Его всегда есть полная и беспримесная истина, любезная и привлекательная для сердца моего. У богобоязненных услаждение словом — не отвлеченно или только умозрительно, но всегда сопровождается чувством обязательности к нему и любовью, движущей на дела по указанию его.

Слово *разжжено* подает и такую мысль, что оно огненно, — *πελωρημένον* — проникнуто огнем. Как огненное, оно согревает, и не только согревает, но и разжигает, а разжигая — очищает; оно не только само чисто, как прочищенное огнем, но и приемлющих его очищает огненным своим действием. На это действие слова указывает и святой Павел: *живо слово Божие и действенно, говорит он, острейше паче всякого меча обоюдоуостра, и проходящее даже до разделения души же и духа, членов же и мозгов, и судительно помышлением и мыслем сердечным*².

¹ Пс. 11, 7. — ² Евр. 4, 12.

Человек — смесь добра и зла. Слово Божие, приемлемое верою, входит внутрь его, как огонь, и, воздействуя на добро, оживотворяет его, а зло опалает; и восстанавливаются тогда в духе все добрые созерцания, движения и чувства. А так как чрез это он вступает в свой чин, то не может не чувствовать себя хорошо в таком состоянии. И чувствует, и услаждается тем, и, любя такое состояние, возлюбяет и слово Божие, доставляющее ему то. Как отраднó тому, кто из душевной комнаты выйдет на чистый воздух, так отраднó бывает и духу, высвобождаемому словом Божиим из духоты худых мыслей, чувств и пожеланий в отраднóу свежесть богомыслия и добролюбия.

Стих сто сорок первый

Юнейший аз есмь и уничижен, оправданий Твоих не забых.

Как же это так? Какой же он юнейший, когда уже был в старости? Что за уничиженный, когда был всеми чтимым царем? А может быть, он вспомнил то время, когда Самуил пришел в дом отца его и велел показать ему всех своих детей и когда отец, показав всех старших, сказал: «вот и все», а о нем и забыл, как не стоившем того, чтобы показать его пророку. Так думают блаженный Феодорит, святой Амвросий и Иларий. А может, и то обстоятельство, как он, вызвавшись на единоборство с Голиафом, услышал от соотчицей

своих: «Куда тебе, птенец! Он тебя сразу раздавит». Воспомяная, рассуждает святой Амвросий, то и другое, он и говорит теперь: «И смотреть-то на меня никто не хотел, ради юности моей. Я видел это, но заповедей Твоих не забыл; или так: те ни во что ставили меня, а Ты меня превознес за то, что я заповедей Твоих не забывал». Или и так еще: Ты меня превознес; потому я никогда не забуду заповедей Твоих, видя, как верность привлекает Твое благоволение и облачается силою Твоею. Это — мысль блаженного Феодорита.

Но не лучше ли положить, что он говорит так о себе в чувстве смирения, как думает святой Афанасий. Никакого-то во мне нет толку, будто в маловозрастном, и ничего-то нет во мне, за что можно было бы хоть мало-мало похвалить меня, я ничего не стою; не стою — но заповедей Твоих все же не забываю, зная красоту и величие их, все же уклоняюсь под сень их, чтобы достоинством их прикрыть мое ничтожество. Я облекся в них, как в одежду, чтоб из-за их светлости забыли о моем ничтоестве. Или пожалуй так: я забыл о себе, как о ничтожнейшем, но оправданий Твоих никогда не забывал. А то и так еще: я ничто, несмотря на то, что никогда не забывал оправданий или заповедей Твоих, ибо, при всем моем старании всегда их помнить и ходить по ним, не могу сказать, что совершенно их выполнил,

так как *широка заповедь Твоя зело* (ранее, стих 26). В этом смысле он выражает здесь то же, что заповедал Господь чувствовать всем, творящим заповеди Его: *егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есмь; яко, еже должны бехом сотворити, сотворихом*¹.

Стих сто сорок второй

Правда Твоя, правда во век, и закон Твой истина.

Мысль здесь та же, что и в первых двух стихах этого восьмистишия. Лишнего здесь только слово: *во век*. Мысль святого пророка, начав с юности и прошедши всю жизнь, перенеслась в вечность и узрела на всем этом протяжении неизменно пребывающею одну лишь правду Божию. *Правда Твоя — правда во век*. Почему? — Потому, что она одна дает закон, который не только истинен, но сам есть истина. Питаясь этою уверенностью, как бы так говорит пророк: «Воодушевляюсь надеждою, что, идя путем закона Твоего и пребывая верным правде Твоей, я держусь того, что есть едино истинно, не обманчиво и безошибочно. Там, за пределами жизни, я вижу венец, которым увенчается верность закону Твоему и правде Твоей». Святой Афанасий пишет: «Правда у людей на малое время приписывается тем, кто судит праведно; правда же Божия дает вечное оправдание». Блаженный Феодорит

¹ Лк. 17, 10.

прибавляет к сему: «Следующий заповедям Божиим наградою за труды имеет вечную жизнь».

Смирение (предыдущий стих) ничего не видит в себе такого, чем могло бы оправдаться, а между тем истинно смиренный не падает духом, — отчего? — Оттого, что его окрыляет надежда на то, что премилосердый Господь не покарает его. На чем же коренится такая надежда? — На сознании, что он искренно верует и всегда, всеусильно старается быть верным тому, во что верует. Совесть не обличает его в лени, оплошности и сознательном уклонении от закона Божия. Посему хотя он и находит себя ничтожным, сравнительно с тем, чем бы ему быть следовало, но не теряет надежды быть спасенным, ибо все делал и делает зависящее от него. Таков был святой апостол Павел. *Время, говорит он, моего отшествия наста... течение скончав, веру соблюдох; прочее убо соблюдается мне венец правды*¹. Скажете, не самонадеянно ли это? — Нет. *Ничесоже в себе свем* (ничего худого за собою не знаю), исповедует он, *но ни о сем оправдаюся*². Оправдывающий нас есть Господь; а если Господь кого оправдает, то кто же его осудит? Что же привлекает Господнее оправдание? — *Вера, любовь поспешествуема*³. Будь же верен Господу и, при смиренных чувствах, воодушевляйся надеждою, что ради этой верности не будешь пренебрежен Господом.

¹ 2 Тим. 4, 6—8. — ² 1 Кор. 4, 4. — ³ Гал. 5, 6.

Стих сто сорок третий

Скорби и нужды обретоша мя, заповеди Твоя поучение мое.

При светлости внутренней, внешняя неслетлость — вот четвертая сторона верности заповедям! Скорби и нужды почти всегда, словно мраком, покрывают верного заповедям. Заповеди Твои, говорит пророк, поучение мое. Я держу их в уме моем, лелею в сердце, исчезаю в них всем вниманием моим и по ним, как по шнуру плотничьему, направляю жизнь мою. И между тем что же встречаю на пути? — Скорби и нужды, непрестанные столкновения, которые уязвляют сердце мое и тяготят меня. Отчего ж это так? — Оттого, что так Богу угодно. А почему Ему так угодно — Ему одному ведомо. Подклони же голову под крепкую руку Божию и молчи. Ты кто, противоотвещаешь Богу? Будь доволен одною верою, что если Бог есть твой Бог, а ты — Божий, то все твое. Завещание об этом уже написано и законно скреплено. Еще немного — и будешь введен в наследие, а теперь ты состоишь пока под искусом. Минет срок, и вступишь в чин и славу сына, на что право, конечно, и теперь за тобою, но не дается тебе, потому что ты еще недоросль.

Святой Антоний Великий однажды в ответ на то, зачем светлость жизни о Христе Иисусе покрывается внешними скорбями и внутренними воздыманиями разных нечистот, ответил: затем,

чтоб ты не засмотрелся на эту светлость и не сгубил себя. Засмотришься — возмечтаешь о себе; возмечтавши — возгордишься; возгордившись — благодать Божию отгонишь от себя. Тогда наскочит враг и сокрушит кости твои. Тебе самому следовало бы укрывать себя от себя, но так как положить на тебя нельзя, а Господь хочет спасения твоего, то и положил Он скрывать тебя от тебя особым устройением жизни твоей, при котором в себе ничего ты не видишь доброго, ибо живущий в тебе грех часто восстает и все закрывает, а совне только скорби и нужды обретают тебя. Благослови же Господа, так дивно спасающего тебя, и смиренно иди путем своим, не вдаваясь в пытливость и не покушаясь развеять слабым дуновением ума облегающий тебя мрак. И в примраке веры ты видишь впереди светлую точку; туда и направляй путь, не обращая внимания на то, что вокруг тебя.

Стих сто сорок четвертый

Правда свидения Твоя в век: вразуми мя, и живу буду.

Все находящее должно благодушно терпеть, заботясь только о том, чтобы неуклонно идти путем заповедей, веруя, что это есть единственно верный путь. Скорби и нужды покушаются омрачить светлость этой веры, а ты разгоняй такое омрачение и восстанавливай светлость веры своей,

твердя себе: нет, заповеди — вечная правда. Сам Бог засвидетельствовал их непреложность. И вместе с тем, обращаясь к Самому Господу, молись: *вразуми мя, и жив буду*; дай мне, Господи, всегда держать в разуме убеждение в непреложности заповедей Твоих, — *и жив буду*; то есть и жить буду по ним, или: и никакие искушения не возмутят ровности той жизни, какая, по милости Твоей, установилась в духе моем, или: неуклонно от заповедей Твоих проживши век сей, перейду верным Тебе в другую жизнь. Там Ты наделишь меня вечно блаженною жизнью — и я вечно буду жить с Тобою и в Тебе. Такими помышлениями и воззваниями подкрепляет себя терпящий, и жизнь его течет ровно и невозмутимо, хотя снаружи кажется и утлою ладьею, которую волны жизни бросают туда и сюда, и готовы раздробить и разметать по пространству вод.

Сведем теперь воедино все стороны жизни по заповедям. Верю верь и светло будет; ревностию ревнуй, и жить будешь, оживляемый любовью; смирением смирайся, не теряя надежды, и никогда не скажешь ревности своей: «довольно»; терпением терпи благодушно, прозревая сквозь мрак и тьму настоящего светлое будущее. Программа краткая, но притрудная. Воодушевись; ибо не написано: наслаждающиеся покоем восхитят Царствие Божие, а *нуждницы восхищают е*¹.

¹ Мф. 11, 12.

Нуждницы, то есть те, кои себя нудят и напряженно действуют, не жалея себя, как иной, кряхтя под ношею, притрудно поднимается на гору. И хлеб жизни духовной сдается, не менее телесного, в поте лица. Так судил милосердый Бог. Конечно, это было бы легко, если б грех не возмутил пути наши. Но пусть его! Светлостью надежды осенил нас Господь. Потрудись немного, и увидишь в светлость Господа твоего. «Где Я, говорит Господь, там будет и слуга Мой». А слуге этому сказано: «Возьми иго Мое на себя и работай». В вечер, в час отхода на покой, получишь то, чего не чаешь. Сам изумишься, и изумятся все свидетели воздаяния тебе. Только не ленись, не унывай, не колеблись, и благословенно будет шествие Твое.

Б Девятнадцатое восьмистишие идет под буквою или словом *каф*, что значит *обезьяна*.

Обезьяна дала повод назвать обезьянством все и между людьми похожее на ее нрав. Понятно, что под этим разумеется подражательность, но подражательность не разумная и не в добром духе. Оставляя, впрочем, в стороне, что есть в

этом недоброго, и оставляя во внимании только то, что есть в нем доброго, мы получаем от обезьяны урок об усердном подражании, к которому нельзя относиться безразлично. Подражание и во всех делах бывает нужно, а в деле нравственно-религиозном оно возводится в совершеннейшую норму жизни. *Подражатели мне бывайте*, говорит святой апостол Павел, *якоже и аз Христу*¹. А Спаситель возводит нас к Самому Отцу Небесному и Его дает в образец для подражания: *будьте милосерды*, говорит Он, *якоже и Отец ваш милосерд есть*². *Будите совершенны, якоже Отец ваш небесный совершен есть*³. Подражать Богу значит образовать нрав свой по тем Божиим свойствам, какие угодно было Ему проявить пред нами. Если б оставить решить это свободному нашему определению, мы могли бы разойтись в этом понимании. Господь освободил нас от сего, начертав нам образец достодолжной жизни в заповедях Своих. Они стали для нас нормою жизни, и притом такую, что, образуя по ним нрав свой, мы не можем не быть уверены, что подражаем чрез то Самому Господу, не можем чрез заповеди не воззвать к Богу. Это, главным образом, пророк и внушает в настоящем пространном псалме, возбуждая при том непрестанно воззвать к Богу и как к образцу, а еще более, как к Подателю сил для подражания Ему

¹ 1 Кор. 11, 1. — ² Лк. 6, 36. — ³ Мф. 5, 48.

Сокращенно же эти внушения можем видеть в настоящем восьмистишии. Пророк представляет очам нашим Господа, близ сущего, и от лица Его исходящие заповеди, как неотложный вечный закон жизни нашей (стихи 151—152). Сказать это — значит все сказать, ибо ясно, что этим требуется. Пророк и не прибавляет ничего, а только предлагает образцы воззваний к Богу духа, возжелавшего быть верным сему закону и не находящего в себе сил к тому. *Воззвах всем сердцем... предварих ко утру... Услыши, спаси*. А сам что предлагает? — *Оправдания Твоя възыщу... сохраню свидетельства Твоя*. Усердие есть, помоги, Господи, — и дело будет (стихи 145—148). Склонить же Господа на услышание чает милостию и судом (стих 149), совершенно предавая это дело в руки Божии. Поскорее только, Господи, яви, говорит, помощь, ибо вот — враги (стих 150).

Стих сто сорок пятый

Воззвах всем сердцем моим, услыши мя, Господи, оправдания Твоя възыщу.

Воззвах — не на ухо сказал, не сквозь зубы проговорил, а так, как говорится, всей полной грудью. Впрочем, он желает обозначить здесь не то, что громко сказал, а силу духовного устремления к Богу. Так толкует блаженный Феодорит. Не голосом, говорит, воззвах, но сердцем, и не какою-либо частью сердца, а всем сердцем, от

всей глубины сердца, во всю широту и высоту моего чувства и мысли, — возвах всем существом моим, так что ничего во мне не осталось, что не взывало бы к Тебе, Господи. Вот какова должна быть молитва наша! Не то, что громогласна, а глубоко-сердечна и умно-напряженна. Так молился Моисей, и Бог сказал ему: *что вопиешь ко Мне?*¹, хотя он молчал устами, — молчал, но вопль сердца его был так силен, что прошел небеса и взошел пред Самого Бога.

Так взывать заставляет нас крайность положения внешнего или крайняя нужда духовная. Ни того, ни другого не высказывает пророк. Может быть, это было вследствие сильной и неудержимой жажды, которую обычно питает богопреданный дух. Не докучает: дай то, возьми это, а только молится: *услыши мя, Господи*. Господь видит, о чем болит сердце наше, и не только видит, но, говоря по-человечески, даже чувствует эту боль. А что сделать в отношении к этой боли, то знает один Он. Потому-то пророк и учит нас молиться: лишь услыши, а что далее — указывать не дерзает. Буди воля Твоя!

Услыши... я же *оправдания Твоя възьму*. Оправдания Божии суть заповеди, взыскивать кои значит верно и усердно исполнять — выискивать и высматривать, где какая заповедь приложима, и немедля исполнять ее со всем усердием. Не это ли

¹ Исх. 14, 15.

и предмет усиленного взывания? Усердно взываю к Тебе, помоги, — и желание мое будет делом. Он, конечно, искал уже, и ищет этих оправданий; но когда привзойдет помощь свыше, то искание пойдет успешнее, пойдет прямым путем и станет совершаться образом, благоуднейшим Богу. Тут же сокрыто и то указание, что, кроме этого, ничего не ищу и искать не хочу. Поставив законом образовать себя по заповедям, он глаз с них не сводит. Так обыкновенно поступает живописец, желающий написать верный портрет. Как сей последний прикован взорами к лицу, которое срисовывает, так и тот прикован к заповедям, которые желает отобразить в нраве своем.

Стих сто сорок шестой

Возвах Ти, спаси мя, и сохраню свидения Твоя.

И еще вопль, и в такой же, разумеется, силе; только вместо: *услыши*, говорится определенно: *спаси мя*; а в виду имеется опять все то же: *и сохраню свидения Твоя*. Очами ума и желаниями сердца обнял он эти свидения и к одному стремится, чтобы перевести их в жизнь свою и по ним образовать нрав свой так, чтобы между ними как первообразом и его собственным внутренним и внешним строем не было разности, и последний представлял верную копию первого. Дело это сколько желательно, столько же и затруднительно.

Если бы для успеха в нем достаточно было одного желания, то оставалось бы только возвысить такое желание, напрячь соответственно тому силы — и цель была бы достигнута. Но так как чрез море не перенесешься без корабля, сколько ни желай и ни напрягай сил; так не сможешь стать полным осуществителем заповедей Божиих без помощи свыше, как бы ни было сильно желание твое и напряженны усилия. Потому пророк прежде говорит: *спаси*, а потом — *сохраню*.

Из совместного выражения желаний: *спаси*, и *сохраню*, очевидно, что в слове *спаси* он совмещает получение всего, что необходимо для сохранения свидений Господних. Он говорит как бы так: даруй мне спасительные силы, и сохраню свидения Твои, так как без этого я не смогу сохранить их, не смогу совершить дела, которое и Ты от меня требуешь, совершить которое и я всем желанием желаю. Блаженный Августин пишет: «Спасение (то есть получение того, что означается здесь словом *спаси*) дает душе возможность делом совершить то, что сознает она для себя обязательным и достодолжным, а где нет этого спасения, там душа падает в изнеможении». Что именно такое есть это спасительное, вымаливаемое здесь, пророк не указывает, но его хорошо узнает и твердо знает тот, кто приступает к делу. Хоть мысленно и можно об этом гадать, но существенно узнается оно на деле. Часто одно и то же

нужное у одного бывает таково, у другого иное; потому, может быть, он и не определил этого точно. Словом: *сохраню* пророк не самонадеянность выражает, а то, что как скоро получится оное спасительное, то необходимым следствием того будет хранение свидений. Не он будет хранящий, а та сила спасительная сама уже будет хранить, коль скоро получится.

Стих сто сорок седьмой

Предварих в безгодии, и воззвах, на словеса Твоя уповах.

Безгодие — αωρία, от ωρα — час с отрицательною частицею α; стало быть, выйдет так: *предварих* не в обычный час. Еще все спят, а я, упреждая всех, встаю и становлюсь на молитву, взывая к Тебе. Делает же он так потому, что возуповал на словеса Божии, на обетование слышать молитву молящихся: *воззовет ко Мне, и услышу его*¹. В этом смысле здесь выражается напряженность искания, с указанием того, чем оно воодушевляется. Искать, не щадя сил и не жалея себя, — искать, окрыляясь упованием, — это настоящий строй духа, желающего угодить Богу и молящегося о том. Блаженный Феодорит пишет: «Пророк был царь, обремененный тысячами забот; кроме того, нес военные подвиги, а все-таки приносил молитвы Богу, и не только с рассветом

¹ Пс. 90, 15.

дня, но даже среди ночи, не дожидаясь пения петухов. Так любил он Творца Бога; так усердно испрашивал у Него помощи». Предмет искания и уповательного взывания тот же, что выше, — получение спасительной силы на образование себя по заповедям, чтобы стать благоугодным Богу. Вседушно искать этого и искать более всего надлежит каждому из нас, подражая пророку, который ради того не давал сна очам своим. Горение духа жаждущего отгоняло его сон. Но если в ночи так, что же днем? В ином же месте выражено: я сплю, а сердце мое бодрствует. Таково истинное искание! Оно непрерывно.

Но *безгодие*, как и у нас *безвременье*, может означать безуспешность трудов, недостаточность необходимо нужного, стесненность положения. Так разумеет это слово святой Афанасий. «Безгодием, говорит он, пророк называет тьму, или смутность обстоятельств». В таком случае выйдет вот что: находясь в крайности, *предварих*, то есть прежде всего поспешил обратиться к Тебе, Господи, как и в другом месте говорит он: *предварим лице Его*¹, поспешим то есть обратиться к Нему. Какая же это крайность? Что за тьма и смутность обстоятельств? Может быть, он разумеет и тесноту внешнего положения; но так как речь идет о вернейшей сообразности с заповедями, то, по мысли святого Амвросия, лучше думать,

¹ Пс. 94, 2.

что здесь разумеются те крайности, которые внутри случаются с ревнующим о нравственно-религиозном преспеянии. Находит тьма помышлений и омрачает светлость сознания; восстает буря нечистых похотений и отгоняет трезвенность сердца; неznать откуда находит расслабление и подрывает всю энергию; бодут остны¹ беспокойных чувств скорби, уныния, боязней, и заставляют метаться туда и сюда, подобно ужаленному. Все это, совокупляясь вместе, колеблет самое коренное намерение и ревнование — быть неуклонно верным Господу и заповедям Его. Куда обратиться в таком крайнем и томительном безгодии? — Спеши предварить лице Господа. *Близ Господь сокрушенных сердцем, и смиренных духом спасет*². Терпи и не переставай молиться, уповай — и Господь все уравнит, умирит и успокоит, как ведает.

Стих сто сорок восьмой

Предваристе очи мои ко утру, поучитися словесем Твоим.

Рано, говорит пророк, спешу я открывать очи мои, заставляю себя просыпаться *ко утру*, чуть свет, затем, чтобы поучаться словесам Господним. *Поучаться* — читать на память или по книге слово Божие и размышлять. Блаженный Феодорит пишет: «Не только в продолжение дня, но и по

¹ Колют острия. — Ред. — ² Пс. 33, 19.

утрам поучался он в Божиих законах. А мы, живя в бедности, избавленные от всех забот, проводим ночи, покаясь на ложе, и с наступлением дня не приносим песнопения Подателю благ». Святой Амвросий внушает: «Как сладостно начинать день созерцанием, например, блаженств, о которых пишется в Евангелии! Как благопоспешительно из уст Христа Господа, изрекающего сии блаженства, воспринимать возбуждения к добродетелям, какие там указываются, и полагать намерение осуществлять их в продолжение дня!»

Положившему образовать себя по норме, начертанной Богом в слове Его, необходимо изучать это слово, дабы видеть, что перенимать, и научиться, как в этом успеть. Общий первообраз, каким себя следует представить, хотя и носится в умном созерцании, но такова участь помышлений наших, что, не будучи повторяемы и возочищаемы в сознании, они тускнеют, помрачаются и забываются, а чрез это теряется нить, могущая руководить в лабиринте жизни. Значит, не полагаясь на себя, надо возочищать этот первообраз, чтоб оживлять и ревность, и уменье ревновать. К тому же единую по духу жизнь надо разнообразить в ее проявлениях, чтобы не увяла живость ее. На это разнообразие деяний нигде нельзя так удобно найти благопотребных внушений, как в слове Божиим. Дух Божий, присущий слову Своему, отлагает, при поучении в нем, в сердце,

отверстое для него, семена спасительных начинаний, которые, быв приняты сочувственно, приводятся потом в дело с соответственным усердием и среди других дел оказываются и уместными, и многоплодными.

Стих сто сорок девятый

Глас мой услыши, Господи, по милости Твоей, по судьбе Твоей живи мя.

Высказав стремления сердца своего образовать себя по воле Божией, выражающейся в заповедях Божиих, постенав о немощи своей достигнуть сего, пророк возносит молитву о помощи свыше и оживляет начертанный в уме его первообраз жизни поучением в слове Божиим. Сознывая затем, что все от Бога, — и начинания, и дела, он молится: *услыши Господи*; видишь, чего хочу, к чему стремлюсь, о чем вопию, — услышь же и поспособствуй!

Услыши — *по милости*, а *живи*, ниспосли то есть живительную силу, или даруй жизни моей раскрыться, — *по судьбе Твоей*, по присуждению Твоему, как находишь то благопотребным и спасительным для меня. «Просит, толкует блаженный Феодорит, милости, и не просто просит милости, но согласно с определением, имеющим в виду пользу». Прося милости, он выражает упование, понуждающее на милование; предавая же дарование оной Божиию присуждению, выражает

смирение, которое есть глубокий и широкий сосуд к приятию даров милости, раздражающий, так сказать, щедродательность Божию.

Слова: *по судьбе Твоей живи мя* — означают не одну меру живоносных дарований, но и всю участь приемлющего их. Но так как неисследованы пути каждого из приемлющих, то благопотребно молиться так: *и ниже веси судьбами, спаси мя*. Не ко всем все идет, и не всякому всякий путь пригоден. Иной с большим умом гибнет, другой и с посредственным спасается; одному счастье — препона, другому благопотребнее тесная жизнь; тот льготностями оживляется, а этого притрудности приводят в напряжение. Мы не можем наверное знать, что для нас лучше. Потому разумнее, молясь, не вопить: дай то, возьми это, а, предавая все Божию усмотрению, смиренно взывать: *по судьбе Твоей живи мя*; то есть как присудишь лучше, так и устрой мою жизнь. Отобразить в себе норму жизни нравственно-религиозной, как она начертана Самим Господом, можно во всяком состоянии и при всякой мере дарований, ибо та сторона существа нашего, в которой отображается эта норма, независима от той, которою зиждется состояние и раскрываются дарования. Она позади этой или выше ее, и, по причине сей высоты своей, может безопасно *благоспетися и хранитися*, при всей невзрачности внешнего положения и скудости ценимых людьми житейских проявлений жизни.

Стих сто пятидесятый

Приблизьшися гонящии мя беззаконием, от закона же Твоего удалишася.

Гонящие меня, говорит пророк, беззаконием, или незаконно, приблизились; к кому, или к чему? — К нему же, готовые схватить его. Беда — как бы так говорит он — над головою, вот-вот поразят меня враги мои; помоги, спаси, — можно доразумевать тут. А почему это так, объясняется следующими словами: потому что они удалились от закона Твоего. В лице моем они преследуют закон Твой; потому-то они враги не мои только, но и Твои. Заступись же, не меня ради, но ради закона Твоего.

Зигабен пишет, что иные читают — не *беззаконием приблизьшися*, а *к беззаконию*. Это и к составу стиха лучше идет, ибо вторая часть прямо будет отвечать первой: к беззаконию близки, а от закона Твоего далеки, — и течению речи более соответствует. Во всем восьмистишии говорится о приближении к норме жизни, указуемой заповедями. В этом же стихе пророк возымел намерение оттенить эту светлую сторону жизни противоположением. Я, говорит, ищу, как бы нрав свой образовать по закону Твоему, как бы приблизиться к нему жизнию; а гонящие меня, люди противоположного направления, заботятся о том, как бы больше и больше преуспевать в беззакониях, сближаться с ними, стать сущим беззаконием. Но

чем больше они в этом успевают, тем больше отдаляются от закона Твоего, от той нормы, по которой Ты определил людям образовать нрав свой, удаляются от главной цели человека, и чрез то делаются как бы не человеками.

Зачем пророк поминает здесь об этом? — Для возбуждения ревности своей. Я, говорит, к закону Твоему, Господи, льну, а те — вон куда пошли. Вижу, куда ведет путь их и чем кончатся замыслы их. Отобразят они в себе беззаконие и станут ходячим грехом, а чрез это примут образ отца всякого греха и беззакония, безобразнейшего противника всякому добру, — образ сатаны. Вижу это, и не только отвращаюсь от пути того, но и ужасаюсь его. Уклонение от закона Твоего считаю самым бедственным шагом в жизни. Это то же, что покушение на жизнь, ибо не в теле центр жизни, а в душе; душа же, удаляющаяся от закона Твоего, а чрез то и от Тебя, мертва. Каждый акт удаления такого есть нанесение смертного удара душе. Сознавая это, я и ревную о законе Твоем, и докучаю Тебе о помощи, не обращая внимания на то, каково будет внешнее мое положение.

Стих сто пятьдесят первый

Близ еси Ты, Господи, и вси путие Твои истина.

Господь близ всех и всюду, как вездесущий. Но не все сознают это, а сознавши, не все держат

в постоянном внимании. Вина этого не в Господе, а в нас. Когда тело здорово, оно с приятностию ощущает окружающую его теплоту, а когда оно расстроено (в лихорадке, например), то случается, что не только не чувствует теплоты, а напротив, обдается холодом. Так и здесь: Господь близ, и всех обнимает. Есть, которые чувствуют объятия Его, а есть, которые не чувствуют или хотят вырваться из них. Чувствуют те, которые живут по заповедям Божиим. Заповеди Божии, обращаясь в нрав чрез постоянное их исполнение, чрез добродетели, образуют в душе стороны богоподобия и чрез то точки соприкосновения к ней Бога, Которому уподобилась она добродетелями, не внешнего только, каково содержание всяческих вседержительством, а внутреннего, каково вселение Божие, наподобие проникновения железа огнем. Кто стал таким, тот носит Бога, и не может не исповедать, что близ Господь; а сознавая, что это дано ему ради верности закону, не может не свидетельствовать, что этот закон есть истина.

Так соделывается Господь близ — делом, живою близостию. Но этому предшествует наша к Нему близость — мыслию, созерцанием, исканием. Понуждающий себя приближаться к Богу привлекает живую близость Господа к себе. Это понуждение простирается на все силы человеческого естества. Нудящий себя умом быть близ Господа хранит память о Нем и ходит в

присутствии Его, подражая пророку, который говорит: *предзрех Господа предо мною, яко одесную мене есть*¹. Нудящий себя сердцем приблизиться к Господу отрывает себя от всякого пристрастия, чтобы сердце его не было занято ничем, кроме Господа. А созерцая всегда умом Господа и обращая лик Его в сердце своем, он старается подражать Ему во всем, чтобы быть подобным и благоугодным Ему. Черты Господа отображены в законе Его; потому-то от созерцания их он естественно переносится к созерцанию заповедей и, видя, что они совершенно одни и те же, исповедует: и здесь, в законе Твоем, то же, что в лике Твоем, созерцаемом мною умственно. Закон Твой есть истинное отображение Тебя Самого и есть истинен, насколько Ты Сам — Истина. Тебе ли стану подражать, или закон Твой исполнять, — тем и другим я буду близ Тебя и удостоюсь того, что и Ты будешь близ меня. Это и есть единственно истинный путь.

Стих сто пятьдесят второй

Исперва познах от свидений Твоих, яко в век основал я еси.

Закон образования себя по заповедям Божиим состоит в том, чтобы сначала созерцать в них близ сущим Господа Законодателя, а потом иметь Его близ себя и в себе. Закон этот вечен; он положен на вечные времена и не может быть ни

¹ Пс. 15, 8.

отменен, ни изменен. Об этом и говорит здесь пророк, прилагая к сему, откуда и когда он это узнал.

Исперва, с первого то есть раза. Лишь только сознал себя, лишь только приступил к жизни по заповедям, тотчас и познал, что они навек основаны. Откуда ж он это познал? — *От свидений*. Если свидения принять только как доказательство, то будет: познал из Твоих свидетельств и удостоверений, Господи. Сам Ты, давая заповеди, сказал, что они вечны и неизменны. Если же под свидениями, как и во всем псалме, разуметь прямо заповеди, данные Богом и скрепленные Его авторитетом, то будет: познал из самых заповедей, из свойств, из содержания, из действия их, что они вечны. Печать неизменности лежит на челе их; только взглянул я, и увидел, что так оно и есть.

Таким убеждением скрепляет он все употребленные пред сим выражения своих решений и порывов на жизнь по заповедям: *взыщу, сохраню*. Он говорит как бы так: иначе нельзя. Таков строй духовного естества моего, такова воля Вседержителя Бога, таковы порядки всего сущего, что жить мне следует так, как отображено в заповедях Божиих, а не иначе. Зачем же он печатлеет это в сознании или вызывает из него? За тем, чтобы привести в напряжение, в энергию свои нравственно-религиозные силы. Решительное

«нельзя иначе» рождает чувство безвыходности, а это чувство не дает сидеть опустя руки. Кто увидит, что или надо действовать так и так, или гибнуть, тот не может, хотя бы и задумал, удержаться, чтобы тотчас не начать и действовать; ибо кто же позволит себе гибнуть, когда есть исход, сколько бы он труден ни был? Нарушители заповедей откуда берут смелость к нарушению их? — Из того ложного самообнадежения, что «авось ничего; можно и так». У кого жива совесть, что говорит тот своим и чужим внушениям преступить заповедь какую-нибудь? — Нет, нельзя. Его разуверяют, что можно и иначе, а он твердит одно: нет, нельзя; что вы там ни говорите — нельзя. И это «нельзя» спасает его от преступления. Неповрежденная совесть тем и дорога, что в ней воздвигнута и твердо стоит эта стена ограждения: «нельзя».

Г Двадцатое восьмистишие идет под буквою *resh* — голова.

Голова обыкновенно принимается в значении чего-либо главного, существенного, как, например, в следующих словах: *глава же о глаголемых*¹. Это

¹ Евр. 8, 1.

то же, что существо дела или предмета, существенные черты и принадлежности его, без которых он не может быть тем, чем должен быть. В нравственной жизни этим словом можно означить главные расположения сердца, на которых держится и которыми приводится в движение эта жизнь со всеми ее проявлениями, — строй сердца, спасающегося и богоугодного.

Такие расположения Спаситель указал в изложении блаженств, именно: смирение, сокрушение, кротость, правдолюбие, милостивость, чистота сердца, миролюбие, терпение, упование. Подобные сим расположения указал и святой Павел в исчислении плодов Святого Духа в сердце верующего: *любы, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание*¹. Есть и в других местах Писания такие указания. К числу их следует отнести и настоящее восьмистишие. Здесь указываются — смирение, чистота совести, взыскание оправданий, упование спасения, терпение, ревность о доброй нравственности других, любовь богопреданная и, наконец, убеждение в непреложности заповедей Божиих.

Стих сто пятьдесят третий

Виждь смирение мое, и изми мя, яко закона Твоего не забых.

Смирение есть такое расположение духа, по которому, украшаясь многими совершенствами,

¹ Гал. 5, 22 — 23.

считают себя такими, как бы в них не было ничего доброго, а потому и ставят себя ниже всех. Сознвая же себя бессильными сделать что-либо достойное, испрашивают у Бога на всякое доброе дело силы — начать его, продолжить и окончить; а совершив его, воздают благодарение Богу, яко Совершителю, ничего не приписывая себе. Такое расположение духа есть корень жизни духовной. Без него не ждите помощи Божией, а без помощи Божией ни в чем не успеете. Пророк и ставит такое расположение во главе.

Смирением называется и то еще, когда кто бывает смиряем внешними обстоятельствами — лишениями, утеснениями, болезнями, нуждами, потерями близких и тому подобное. Может показаться, что именно об этом смирении и поминает здесь пророк, ибо, сказав: *виждь смирение мое*, прибавляет: *и изми мя*, исторгни то есть меня из внешних смирительных обстоятельств. Нет сомнения, что хотя и это было, но пророк, минуя то, останавливает взор Божий на смирении сердечном — едином достойном Его воззрения. Только на том основании, что оно присуще сердцу, мог он дерзновенно воззвать к Богу: *изми мя*. Это равносильно просьбе больного к врачу: сними пластырь; рана уже зажила.

Покорствую, смиряюсь, сознаю, что я — ничто. Воззри же, Господи, на это самоуничижение мое и высвободи меня от прискорбных

случайностей, *яко закона Твоего не забых*. И большой грешник может иногда приходить в самоуничиженное чувство своего непотребства, но ему не пристало воззвать к Богу: *виждь*... Нельзя ему воззвать и: *изми мя*, ибо за что изъять, когда всю жизнь валяется он в похотях? Только то самоуничижение ценно перед Богом, которое имеется при полной верности закону Его, и только то воззвание *изми мя* сильно, когда при нем совесть не укоряет, что когда-нибудь и в чем-нибудь был забыт закон Божий.

Верен закону смиренный, но ничего себе не присваивает, не считает себя стоящим чего-либо, не думает, что благосостояние есть неотъемлемый удел его, потому и молится: *изми*, прося сего, как милости. Говоря же: *яко закона Твоего не забых*, он хочет сказать только то, что есть раб Божий. Я — раб Твой, ни в чем не нарушающий волю Твою; *изми же мя*, славы ради имени Твоего, чтобы все видели, что Тебе не чужды не забывающие закона Твоего.

Стих сто пятьдесят четвертый

Суди суд мой, и избави мя, словесе ради Твоего живи мя.

Потерпевший напраслину или обиду идет к судье и говорит ему: разбери дело мое. Смелость говорить так дает ему сознание, что он прав. Но к людям можно обращаться за судом праведным

и без сознания своей правоты, в надежде как-нибудь прикрыть свою неправоту. К Богу же обращаться за судом праведным нельзя, когда совесть обличает тебя в неправоте, а сознанию присуще убеждение, что Бог видит неправоту твою. Такой человек еще прежде суда уже самоосужден пред Богом. Если пророк обращается к Богу за судом, то потому, что имеет совесть чистую и что совесть эта ни в чем не обличает его пред Богом. Соблюдение совести в такой чистоте и есть одно из коренных расположений сердца, угождающего Богу.

Что говорит грешник, в покаянии обращающийся к Богу? — Согрешил, — не буду. Не буду более грешить, не позволю себе сознательно отступить от заповедей Твоих ни словом, ни делом, ни помышлением. Какую заботу имеет он затем, получив прощение и будучи принят опять в число устремившихся истинно работать Богу? — Ту, чтобы ни в каком деле, — большое ли оно или малое, — не поступить против совести, просвещенной ведением заповедей Божиих. Посему, на что ни решается он, решается по сознанию, ясному и определенному, что дело его право пред Богом. Так идут все его дела; совесть его — небо чистое; нет ни одного облачка, омрачающего его. Чуть что случится, — в мыслях ли, чувствах ли, в движениях ли пожеланий, — тотчас

оно очищается покаянием, и светлость сознания восстанавливается.

Эта светлость и чистота составляют отраду жизни по заповедям, несмотря на все притрудности, внешние и внутренние. В ней — опора такой жизни; в ней же и дерзновение пред Богом. Как невинное дитя, смело ходит пред Богом чистый совестью и без смущения обращается к Нему в молитве своей. Да молитва и не может иначе зачатся и созреть, как под сознанием чистоты совести. Ее все истинные подвижники и поставляют водительницею или дверью молитвы.

Такое-то состояние усматривается в пророке, когда он смело взывает к Богу: *суди суд мой*. Хочешь достигнуть возможности и самому так же смело взывать? — Сохрани совесть свою чистою во всем. Но надежду, что ты будешь услышан, полагай не в этом, а в одной милости Божией; потому-то пророк и прибавляет дальше: *словесе ради Твоего живи мя. Живи мя* — то же, что *избави мя*. Внешние скорби делают человека словно неживым, потому и говорится: «убитый человек». Избавление от скорби есть оживление убитого горем. Пророк молится оживить его чрез избавление от того, что делало его убитым. Ради чего? — *Словесе ради*. Какое же это слово? — Слово обетования Божия — быть покровом для тех, кои верны Ему не внешне только, но по свидетельству совести своей. Слово же обетования таково:

20210

воззовет ко Мне, и услышу его, с ним есмь в скорби, изму его... и явлю ему спасение Мое¹. Памятуя сие обетование, пророк и воззвал: *словесе ради Твоего живи мя*. Совесть уверяла его, что он ни в чем не виноват, но так как помилование не заключено в этом уверении совести, а находится в милующей деснице Божией, то к ней и взывает он: *избавь, как обещал Ты, Господи, ибо хоть совесть моя в ни чем не укоряет меня, но, может быть, око ее не так остро зорко, чтобы все увидеть до малейших подробностей, среди коих может укрываться что-нибудь и достойное укора. Только очи Божии, светлейшии паче солнца, прозревают сокровеннейшее²*. Потому пророк хоть и не боялся суда Божия, по суду своей совести, но, помянув, что она может иногда и без покривления своего ненамеренно не видеть какой-нибудь неисправности, всю надежду свою возлагает на милостивое обетование Божие. *Ничесоже в себе свем, но ни о сем оправдаюся³*. Таково должно быть состояние и расположение возревновавших истинно угождать Богу.

Стих сто пятьдесят пятый

Далече от грешник спасение, яко оправданий Твоих не взыскаша.

Чистота совести зависит от неопустительного исполнения всего, что совесть считает обязатель-

¹ Пс. 90, 15—16. — ² Сир. 23, 27. — ³ 1 Кор. 4, 4.

ным для себя и от устройства всей своей деятельности, как внешней, так и внутренней, такого, чтобы в ней не проскользало ничто несообразное с заповедями Божиими. Но такого характера деятельность человека получить не может, если он живет, как живется, без острозоркого внимания к себе и ко всему тому, что вокруг его, и без смотра на все это сквозь призму заповедей. Только тогда это возможно, когда он будет внимательно следить за всем текущим, сличать то с заповедями и, определив по ним обязательный для себя образ действия, уж и действовать так. Ведя таким способом дела свои, он будет устроить жизнь свою праведно. А это и есть взыскание оправданий. Кто его не имеет, от того далеко спасение, а кто имеет, к тому оно близко. Это последнее и желает внушить пророк, «*чрез противоположение*», как замечает блаженный Августин.

Взыскание оправданий не есть только исследование и рассмотрение: это лишь начало и подготовка. Взыскать — значит познавать и делать. Идущий по следам в пустыне, как только уверится, что тот или другой след есть настоящий, тотчас вступает на него и идет по нему, ничтоже сумняся, пока не встретит другого пересекающего следа. Решив тут, по какому следу идти, опять идет не останавливаясь по тому следу, который признал настоящим. Так и в нравственной

жизни: рассмотрение того, что право, есть только начинательное и руководящее дело, а самую жизнь составляет действие по усмотренному. И только от того, кто так действует, недалеко спасение, а не от того, кто только рассматривает, не двигаясь с места. Последний ходит на человека, который, сидя в покойном кресле, пишет маршруты.

Хорошо и рассуждать о достодожном, но в этом меньше нужды, чем в подвизании себя по достодожному. Общие правила достодожного всем ведомы и у всех на языке. Если что остается дополнять, так это частное приложение их к предлежащему случаю. Но и за этим, кажется, не должно стоять дело, а может быть, и не стоит, ибо натуральная наша логика в нас же, и совесть тут. Они сейчас и преуказывают должное, так что после них редко когда предлежит труд и особому рассуждению, разве при запутанных каких-либо сочетаниях случайностей. Дело не за этим, а за тем, что деется там, внутри. Иной человек с совершенно противными оправданиям Божиим началами помучает здравую логику, и помучает не основательностью своих предъявлений, а тем, что всегда встречает скрытное сочувствие себе где-то в глубине сердца или сзади его, которое дает силу его предъявлениям, как бы они ни были пусты и ничтожны. Как только покажется такое предъявление, все здравые рассуждения

распадаются в прах, и дело покрывается. Чтоб этого не было, надобно заложить в сердце теплое усердие к достодожному и ревнование о нем. Это ревнование и усердие будут, как стена, отражать все противоположное, и дела всегда будут идти право. Человеку честному только намек сделай о чем-либо бесчестном, — он тотчас с гневом восстает против этого, и что вы ни предъявляйте ему, он слушать не станет. Так бывает и с тем, кто стал усердствовать о нравственно-достодожном. Его уж никакие противоположные предъявления не собьют с толку. Такое-то усердие и есть собственно взыскание оправданий, а ведение и расследование есть только помогающее дело. Отчего не спеется жизнь по оправданиям Божиим? — Оттого, что усердия к ним нет, хоть знания и много. Потому-то справедливо пророк в числе главных условий спасительной жизни поставил взыскание оправданий. Без него нет и самого течения такой жизни: оно пресекается.

Стих сто пятьдесят шестой

Щедроты Твоя многи, Господи, по судьбе Твоей живи мя.

И взыскание оправданий есть, и притом такое усердное, что даже совесть не обличает ни в какой оплошности, но все-таки не в этом основа спасения. *Кто чист от скверны... аще и един день*

*жизни его на земле?*¹ И око Божие в ком не видит много достойного осуждения? Куда же обратиться? — К щедротам Божиим. Вопий же непрестанно: *Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое*². К тому же, ныне ты стоишь, но можешь ли сказать, что и завтра будешь стоять? — Если нет, то ищи верной опоры. А где ты ее найдешь, кроме Того, Кто всегда есть один и тот же и, держа все, держит и тебя в деснице Своей? Положи же себя в эту десницу и произволением своим, и всем строем расположений твоих, вопия всем существом: *по судьбе Твоей, Господи, живи мя*, или другими словами: *имиже веси судьбами спаси мя*, ибо жизнь и есть только спасенная жизнь, а спасение каждого из нас устрояет Господь, по судьбе Своей, то есть как знает и как хочет. И никто не спасется, кроме тех, кои всецело предают себя в руки Божии.

Щедроты Божии — *бездна многа*³, бездна всеобъемлющая и всепоглощающая, но не в них спасение. Надо самому ревновать, и не ревновать только, но и трудиться, трудиться до последнего напряжения сил. Но и не в этом опять спасение, а в том, если Бог начнет Сам содевать Свое спасение в нас. А Бог не станет содевать его, если мы не предадим Ему себя всецело, не пресекая вместе с тем и всеусильного своего

¹ Иов. 14, 4—5. — ² Пс. 50, 3. — ³ Пс. 35, 7.

действия. Вот в чем таинство истинной жизни! Самим всеусильно действовать во спасение, а содевающим его сознать единого Господа; не смей ни на чем опираться и питать упование спасения неложное, созная его содевающимся в себе, помимо наших усилий, хотя и не без них, а среди их, равно как среди всех случайных нестроений внутренних и внешних, сокровенною некоею силою, действующею неведомо как, хоть иногда и осязательно. Это и есть утопание в щедротах Божиих многих, с преданием себя в руки Божии, под коим и в коем держится и зреет упование спасения, — сила воодушевляющая, укрепляющая и утешающая на путях богоугодной жизни.

Упование спасения имеет не одну степень. Оно сначала видит его вдали, потом привлекает к себе, наконец, чувствует себя обладательницею его. И все же, однако, оно — только упование спасения, как получение того, что впереди. Так плывущий в корабле над бездною вод, хотя и чувствует себя безопасным, все же только уповает быть перенесенным чрез воды и ступить на твердую землю. Это чувство есть самое сокровенное и вместе самое характеристичное среди расположений, обуславливающих верность спасения.

Стих сто пятьдесят седьмой

Мнози изгоняющи мя и стужающи ми, от свидений Твоих не уклонихся.

Упование спасения дает силу к перенесению и преодолению всех противностей, встречающихся на пути спасения. Противностей этих много, внутри — от страстей, совне — от людей страстных и нечистых сил. Вот это и есть — *мнози изгоняющи и стужающи*. Они окружают и теснят всякого не уклоняющегося от свидений Божиих за то, что он не уклоняется от них. Но не уклоняющемуся по сему поводу от свидений Божиих от этого не беда, ибо *блаженни изгнани правды ради, яко тех есть царствие небесное*¹. И не то что будет их это царствие, а есть; и не то что будут блаженны, а суть. Прискорбности, беды и тесноты за верность свидениям Божиим сами из себя источают сладостное утешение, располагающее не чуждаться их и отравать, а скорее желать и искать, и радоваться тому, что они есть. Как иной желает горьких приправ к кушанью, так желает прискорбностей на пути спасения вкусивший сладости их. Кто испытывал, как под пластырем жгучим и рвущим приходит и чувство приятное, в силу ощущаемого целения, производимого им, тот несколько поймет, как бывает то же и при жгучих и рвущих прискорбностях на пути спасения.

¹ Мф. 5, 10.

Условие для этого есть неуклонение от свидений Божиих, а следствие этого есть большая ревность к такому неуклонению. То и другое питают себя взаимно и рожают плод — благодушное терпение. Терпение по видимому есть как будто нечто истощающее жизнь, а на деле оно есть ботение¹ жизни, как ботеет² древо при истоцищах³ вод; только надобно, чтоб в основе его лежала верность свидениям Божиим. По падении Бог преисполнил жизнь нашу тем, что дает поводы терпеть. Так как не годились мы для правильной жизни в раю, то все и терпят, и никого нет, кто был бы свободен от такого присуждения Божия. Но, присудив это, Бог не отменил коренного закона жизни, свойственной человеку, — того, чтоб она была всегда и во всем сообразна с волею Божиею, выраженной в заповедях Его; напротив, строжайше подтвердил его и подтверждает, не как отяжеляющий ярем, а как средство облегчения и источник утешения в претерпевании его. Так это и бывает: кто верен заповедям или свидениям Божиим, тому утешительно терпеть, что бы он ни претерпел. Пророк и говорит: «Много стужающих; но пусть их! Я свое дело знаю, и о том только ревную, чтоб не уклониться от свидений Божиих». Видим, что все рвутся из уз того, что приходится им терпеть, а все никак

¹ Влажность. — *Ред.* — ² Тучнеет. — *Ред.* — ³ Истоциках. — *Ред.*

не могут вырваться, даже при больших средствах. Отчего так? — Оттого, что не ту дорогу взяли. Надо вступить на путь свидений Божиих и благодушно терпеть то, что приходится терпеть. Тогда это самое претерпеваемое начнет источать утешение. Вот и рай, несмотря на противную тому внешность! Те, кои иным путем хотят водворить рай на земле, лишь попусту трудятся. Еще Премудрый сказал им: *суета суетствий!*¹

Стих сто пятьдесят восьмой

Видех неразумеваяущия и истаях, яко словес Твоих не сохраниша.

«Если я видел, говорит пророк, кого неразумеваяющего, то, сожалея о нем, истаявал из ревности по богочестию» (святой Афанасий). «Так блаженный Павел сетовал об иудеях; так Сам Владыка изъявил сожаление об Иерусалиме; так божественный Иеремия оплакивал беззаконие народа» (блаженный Феодорит). Неразумеваящие — ἀσυνετούτους — не то, что слабоумные или необразованные невежды, а те, которые безумствуют по злой воле своей, хоть и знают, как должно жить, но живут совсем противно тому, безобразничают, и себя губя этим, и бесславя Создателя и Спасителя своего. Кто любит Бога, тот любит и братьев своих. Кто любит добрую нравственность, тот не может равнодушно смотреть,

¹ Еккл. 1, 2.

не скорбеть и не сокрушаться сердцем, окруженный людьми, которые, забыв Бога, бесстрашно попирают закон Его святой. Пророк свидетельствует о себе, что он, взирая на это, истаял, как истаявает свеча, снедаемая силою огня. Такова истинная любовь к Богу! Не себя только она держит на путях, угодных Ему, но ревнует, чтобы и все братья держались тех же путей, чтобы благоугождаемый Бог утешался всеми и на всех почивал благоволением Своим.

Пророк ничего не говорит о том, что делал он, или что следовало бы делать тому, кто любит словеса Божии, когда видит, что их знать не хотят, и, обращаясь к Богу, свидетельствовал только пред Ним, как мучительно для него повсюдное несоблюдение словес Божиих, ясных, определенно выражающих то именно, чего от кого требует Бог. Не есть ли и в самом деле это наилучший способ выражения ревности о доброй в людях нравственности? Живи сам как должно, ни в чем себе не поблажая и, видя других, не хранящих словеса Божии, снейдайся скорбию о том и вопий к Богу, как это больно для тебя, умоляя Его чрез это самое вступить за слово Свое и отрезвить безумствующих. Учи и вразумляй жизнь; вразумлять же словом предоставь тем, кому дано слово, а вразумлять делом — тем, кому дана власть на это, молясь притом теплою молитвою, чтобы Бог Сам выступил на защиту дела Своего.

Это не будет равнодушие, хоть и можно прикрывать его таким образом действия, а дело благоразумия. Можно начать действовать, но, вместо поправления дела, только больше расстроишь его. Молись лучше, да изведет Господь делателей. Но если в общности уместен такой образ действия, то тех, коим дано слово, и тех, коим дана власть, ничем нельзя извинить, если первые не возвышают гласа своего, взошедши на кровы, а вторые без ума носят меч, данный им на остепенение и устрашение злых. Власть эта не в руках только правительства, но и у отца над детьми, у мужа над женой, у хозяина над всем домом, у старших над младшими, у наставников над учениками; равно как и слово не у одних пастырей, но и у всякого, разумеющего дело и подвигаемого смиренно высказывать вразумляющую истину устно или письменно. Сколько у нас пишущих! Если бы никто из пишущих не писал лукавства, а все писали одну истину, посмел ли бы кто нечестовать словом или делом? Как гласы трубные, наполняли бы воздух вещания их и, вызывая всех на доброе воинствование, страхом поражали бы нехотящих, не позволяя им и показаться наружу. Не посмело бы тогда беззаконие и нечестие ходить по стогнам нагло и открыто, и если б не совсем было истреблено, то крылось бы где-либо в пустырях и расселинах, подобно нетопырям.

Стих сто пятьдесят девятый

Виждь, яко заповеди Твоя возлюбих. Господи, по милости Твоей живи мя.

Подумаешь: живет пророк так исправно, что совесть ни в чем его не зазирает; когда другие теснят его за верность закону, не уклоняется от него; когда видит других не хранящими его, сдается скорбию, — какое ж еще нужно доказательство любви к закону? И, однако ж, он говорит: *виждь, яко заповеди Твоя возлюбих*, — и говорит Тому, о Ком знает, что пред Ним все открыто. Что же он хочет выразить этим? — То, что он не внешний только законник, а сердечный. «Не просто говорит, поясняет блаженный Феодорит, соблюдал я заповеди, но возлюбил их, хотя ничто не принуждало меня к исполнению их». Заповеди лежат в глубине сердца моего, в самых исходницах жизни, и заправляют всеми проявлениями ее. Люблю не одни дела по заповедям, а самую чистоту нравственную, требуемую ими, самое совершенство жизни, изображаемой ими, — люблю не одни дела смирения, но и самое смирение, — не одно воздержание от порывов гнева и нечистоты, но и самую кротость и целомудрие, — не одни дела милосердия, а самую милость, и прочее. А что Богу говорит пророк — *виждь*, то этим хочет выразить лишь то, что говорит так не легкомысленно, не по сомнению присвоя себе то, чего нет, а по освидетельство-

ванию себя, при свете всевидения Божия; сходя с ним в сердце, он видит не в самопрельщении, а на самом деле, что вседушно любит заповеди Божии. Такое расположение и есть начало, из которого должна исходить добрая нравственность: любовь к заповедям ради любви к тем добродетелям, которые они внушают.

Эта любовь не вынуждена, а сама собою внедряется или, точнее, возгорается, как скоро кто вкусит добродетели. Это оттого, что добродетели не чужды нам, но составляют первообразный наш духовный строй. Созданные по образу Божию, мы носим в себе семена всех доброт Божиих. Они бы одни и воссиявали в сердце нашем, если бы чрез падение не привились к нам омрачающие, закрывающие и искажающие их страсти. Страсти бывают причиною того, что в нас является холодность к добродетелям, противление и, наконец, отвращение от них. Не будь заповедей Божиих, может быть, страсти довели бы нас до того, что мы совсем согнали бы с лица земли всякую добродетель. Но заповеди, быв услышаны, чрез слух входят внутрь и возбуждают там воспоминание о добродетелях и о той светлости состояния, в какое они поставляют человека, в противоположность мрачности страстей. Это воспоминание располагает покориться заповедям, ради сокрытой в них силы возратить нам потерянное, но вожделенно-светлое состояние духовное, —

и мы покорствуем. На первый раз эта покорность как вызывается, так и поддерживается одним чаянием духовного добра от заповедей и производится напряжением воли. Но постоянство в исполнении их, убивая страсти, оживляет заглушенные ими в сердце добродетели, оживленные возвращает и дает вкусить сладость возвращенных. Вкушенная сладость добродетели прилепляет к ней сердце и делает ее неотъемлемою, потому что не совне она привходит, а воссиявает изнутри и объемлет сердце. Отсюда — любовь. Так добродетели, одна за другою, объемлют сердце и становятся предметом его любви. Не все вдруг, а постепенно; всему свое время. Когда же воссияет в сердце вся полнота добродетелей, тогда в радости духовной можно воззвать с пророком: *виждь, яко заповеди Твоя возлюбих*, — не их только, но и добродетели, сокрытые в них. Вот и рай духовный! Любовь эта есть наслаждение всеми блаженствами от вкушения сладости добродетелей. Вот как Царствие Божие бывает внутри нас! Тогда и Бог бывает здесь не как временный гость, а как всегдашний обитатель.

Потому-то, когда вслед за сим пророк молится: *Господи, по милости Твоей живи мя*, то выражает этим не иное какое желание, как то, чтобы Господь продолжал жить в нем и, живя в нем, оживлял его. Господь — источник жизни, и куда Он пойдет, там разверзаются обильные потоки

жизни сладостной и всеблаженной. Испытавший это, когда молится: *живи мя*, то выражает этим: не отходи от меня, — веруя, что лишь бы не отошел Господь, то и живительность от Него будет источаться сама собою. Господь охотно пребывает в сердце, полном добротолубия и самих доброт, но не связан тем, а свободно присещает. Присещает и отходит, когда и как Ему угодно. Но когда отходит — мрак и холод в сердце. Поэтому и нельзя не молиться: не лишай меня, Господи, милости пребывания Твоего во мне, но непрерывно живи мя, по милости Твоей.

Стих сто шестидесятый

Начало словес Твоих истина, и во век вся судьбы правды Твоя.

Если все словеса Божии представить под видом тела, то глава его — истина. Если представить эти словеса под видом кодекса, то заглавие ему или надпись — истина. Убеждение, что все словеса Божии, определяющие достодолжный образ жизни нашей, суть непреложно истинны, служит основанием жизни по сим словесам. Убежденный в том, что так, а не иначе как в них изображено, должно жить, не может ожидать какой-либо возможности к уклонению от них или изобрести какой-либо предлог и перетолкование их, чтоб, и исполняя их, исполнять не в той силе, как гласят самые словеса. Потому не может не

держат в мысли и сердце, что одно из двух неизбежно: или жить по слову Божию, или обречь себя на вечную пагубу, — вечную, потому что *во век вся судьбы правды Божией*, то есть сила решений Божиих, праведно определяющих посредством заповедей, как следует нам жить, простирается на всю вечность. И в вечность заповеди Божии пойдут вслед нас и будут там или ходатаями за нас, или нашими обличителями. Сознав же такую неминуемость, можно ли еще раздумывать и колебаться, какую идти дорогой?

Враг знает силу этих убеждений, а потому все усилия употребляет к тому, чтобы рассеять их. И успевает, посредством забвения и развлечения внимания другими предметами или посредством странного какого-то решения: «авось, небось.» Как только попадет на это душа, — и потекла жизнь как придется, увлекаемая соприкосновенными течениями общей жизни, в которой и смятение, и всякое нестроение. А враг тут и есть; он ловит свою добычу и богатит ими вечное свое обиталище, присужденное ему и клеветам его.

Помнящий же заповеди и носящий убеждение, что они непреложны, стоит не колеблясь. Кругом волны, а он словно на утесе; около ветры бушуют, а он как в уютной комнате. И враг ничего с ним не может поделать. Бывают, конечно, подступы и к нему, но они не сдвигают его с места и не изменяют направления его жизни. Оттого у него

всегда один и тот же строй, и в уме, и в сердце, одни и те же порядки во внешней жизни. Длительность пребывания в одном и том же еще более утверждает его в том, — и он неизменным проходит, наконец, и среди сени смертной и вступает в область вечную, для вечного пребывания опять-таки в том же, в тех же судьбах правды Божией.

Весь мир, которому мы и пределов не знаем, стоит на судьбах правды Божией, но стоит не сам собою: держит его в этом всемогущая десница Божия. А так как он не сам собою стоит, то и отступать от этих судеб сам собою не может. Мы же свободны: нам надобно свободно подчинить себя этим судьбам и держать себя в них, чтоб войти в соглашение и гармонию со всею совокупностью тварей. *Всяческая работна* (выше, стих 91) Господу, Творцу и Вседержителю. Отбегать от этого ига, естеством налагаемого, хотя и имеет призрак храбрости, но смысла в нем нет никакого, ибо в пребывании под ним — наше же благо, и временное, и вечное. Пребывающие под ним сами в себе чувствуют, что так и должно быть; и те, которые убегают из-под него, чувствуют, что так не должно быть, даром что отуманены и закружены.

Ш Восьмистишие это обозначается буквою или словом *шин* — *зуб*.

Зубы в животном царстве суть орудие защиты и питания, а у людей, сверх того, помогают говорению. Представляя себе ходящего в законе Божиим живым существом, окруженным неприязнию против самого хождения его в законе, можно спросить: чем же дано ему защищаться против того? — Страхом нарушить закон, отвечает пророк (стих 161), надеждою благ от исполнения его (стих 162), любовью к нему (стих 163). Если соберешь под один обзор всех, живущих по словесам Божиим, то увидишь, что именно эти орудия духовные отражают всякое движение, противное Божиим словесам. К ним в конце пророк присоединяет хождение пред Богом (стих 168), которое еще крепче тех трех и даже им самим придает силу. Вот и зубы его. Чем занята у такого речь? — Богохвалением, именно за блага, истекающие от судеб правды Божией (стих 164). Чем питается он? — Теми благами, какими исполняется душа его от исполнения заповедей (стихи 165—167). Таково содержание этого восьмистишия.

Стих сто шестьдесят первый

Князи погнаша мя туне, и от словес Твоих убоюсь сердце мое.

В словах: «князи гнали или прогнали меня напрасно», — нужно подразумевать: «некогда». Пророк намекает на Саула и царя гефского, в начале гонения на него, или на Саула с его приближенными, когда они гонялись за ним по пустыне и когда Саул совсем попался ему в руки и не был умерщвлен потому только, что страх Божий связывал не руки только, но и помышления сердца Давидова. Они прогнали, говорит, меня и гонялись за мною, но мне это не было страшно. Сердце мое только словес Твоих, Господи, боялось и тем удерживалось от всякой неправды и от всякого дела злого.

В отношении к нам, христианам, так может всегда взывать Святая Церковь, вспоминая о претерпенных ею гонениях, как в первое время бытия своего, так и во многие другие тесные периоды ее существования. Так и взывает она в песнях своих, когда прославляет святых мучеников.

Так может взывать и всякий христианин, теснимый и гонимый на своем непорочном пути князьями века сего, духами злобы и их послушниками из людей, всегда внутренно, но нередко и внешне. Все духи злобы поднялись на меня, чтобы совратить с пути заповедей Твоих, Господи;

но напрасно. Сердце мое полно страхом Твоим, страхом нарушить словеса Твои, и этим страхом отреваю я все воздвигаемые ими во мне искушения. Страх Твой — ограда моя, оружие, против которого не смогут устоять никакие обольстительные помышления; они разлетаются пред ним, как прах пред лицом ветра.

Страх Божий естествен духу нашему и всегда живет в сердце. Страсти подавляют его и заглушают, но не уничтожают. Лишь только повеет благодать Божия на сердце, страх первый тотчас оживает и воздвигает с собою совесть. Потом они вдвоем производят, под действием благодати, покаяние и обращение грешника от греха к добродетели; и далее они же держат его на этом новом пути, не оставляя его до последних степеней совершенства в новой жизни. Страх Божий всюду предводительствует. Самая любовь, изгоняя один страх, приемлет в себя другой.

Пусть гонят внешне, пусть поднимаются внутри волны помышлений злых; но когда цел страх словес Божиих, то нечего бояться. Сердце тогда — недоступная для искушений крепость. Есть в нем страж верный, орудие на врага неодолимое. Можно сказать: береги страх Божий, и не бойся падений. Возгревай этот страх, и не возымеешь нужды ни в каком другом средстве к возбуждению энергии в духе твоём. Страх этот сильнее страха смерти. Но если страх смерти

телесной приводит в такое напряжение силы защищающегося, что он становится сам страшен для нападающих, то чего не силен произвести страх смерти духовной, грозящей вечною смертию, когда жизнь духа подвергается опасности? Всади убо, Господи, страх Твой в сердца наши!

Стих сто шестьдесят второй

Возрадуюся аз о словесех Твоих, яко обретаю корысть многу.

Второе орудие на отражение греха и на ограждение добродетели есть верное чаяние корысти от добродетелей. Эта корысть есть благоплодность добродетельного жития, которое здесь воссиявает преимущественно в совершенстве внутренней жизни, а в будущем воссияет и в теле, внешне, во внешнем положении. Залог будущего полагается в настоящем; упование утверждается на предвкушении. Добродетельные и здесь уже обретают *корысть многу*, вкушают ее и наслаждаются ею. Это наслаждение и есть для них орудие их защиты и самохранения не менее сильное, как и страх словес Божиих.

Страх всегда есть начало добродетели и держит человека на пути ее сначала один, но потом он разделяет труд свой со вкушением корысти от добродетели. Страх обращает на путь добродетели и держит на нем как бы внешне, нудя, будто против воли, и по одному чувству самохранения

подклоняя упорную волю под иго заповедей. Как бич гонит невольника на работу и заставляет работать, так вначале страх гонит на добродетель и заставляет творить дела ее.

Не вдруг оживают чувства духовные, не вдруг получают они способность находить вкус в вещах нечувственных; но как трение возвращает чувство онемелому члену, так и труд добродетели восстанавливает в сердце духовные чувства. Тогда оно начинает ощущать сладость от всякого добродетельного дела и от всякого подвига, подъемлемого ради ее. Человек продолжает делать уже не потому, что чает получить корысть или благой плод, а оттого, что уже имеет его и носит в себе.

Высшее благо в этом случае — мир совести. Что может сравниться с этим благом! Само сердце ничего не ставит выше его после того, как он возвращается, быв на время потерян неразумным невниманием к себе. Смело воззревает оно к Богу и без смущения смотрит в глаза всем людям.

Второе благо — стройность в делах, и внутри, и вне. В таком случае, и помышлениям, и намерениям, и предприятиям сообщается единство цели, которое уже само подбирает по роду своему средства и способы исполнения.

Отсюда само собою вытекает и третье благо — благопоспешность. Все тут совершается внутри, что состоит во власти человека; внешнее

не есть неотъемлемое условие, и даже неблагоприятность его обращается к благопоспешению внутри.

Довольно и этих трех, чтобы всякому добродетельному взывать искренно: радуюсь словесам Твоим, Господи, как обретающий от них корысть многу!

Стих сто шестьдесят третий

Неправду возненавидех и омерзих, закон же Твой возлюбих.

Третье орудие духовное есть любовь к закону Божию с полным отвращением от беззаконий и неправд. Эта любовь порождается испытанием благоплодия духовного от исполнения закона, но самое благоплодие при этом уже выпадает из внимания, а зрится одна только красота благозакония. Как благодетеля начинаем любить потому, что он оказывает нам благодеяние, а полюбив однажды, мы продолжаем любить уже потому, что он сам по себе хорош, — так и к закону любовь начинается от вкушения благих от него плодов, а по насыщении ими любовь к нему воцаряется в сердце уже ради совершенства и красоты его. *Закон, говорит апостол, свят, и заповедь свята, и праведна, и блага*¹.

Но когда вселяется в сердце любовь к одному предмету, то к предметам, противоположным

¹ Рим. 7, 12.

ему, уже не может быть там любви, а занимает место противное ей чувство — не любовь, а омерзение и ненависть. В обычных вещах, может быть, и не неизбежна такая противоположность чувств, но в отношении к закону и беззаконию иначе и быть не может. Ибо и беззаконие туда же лезет, — лезет занять сердце, уже занятое законом. Как от какого-либо нахала, лезущего к вам в комнату, вы избавляетесь, толкая его в грудь, так и от беззакония, навязчиво лезущего к вам в сердце, вы не иначе избавитесь, как дав ему в грудь, то есть поразив его ненавистию и омерзением.

В порядке нравственных изменений сердца эта ненависть к греху и беззаконию не вдруг образуется, ибо в нем и по оставлении греха делом долго еще остается сочувствие к греху. Но по мере труда в благожитии законном оно испаряется, а когда установится добрый нрав, по начертанию закона, тогда оно совсем исчезает и заменяется ненавистию и омерзением, по причине досадливой неотвязчивости греха и потому, что сердцу присуще ощущение всей зловредности от него. Таким образом, в руках сердца является меч обоюдоострый, одно лезвие которого — любовь к закону, а другое — ненависть и омерзение к неправде и греху. То и другое рубит сильно, и нет возможности противостоять поражению их.

У кого это есть, тот безопасен от падений. Страшен он всем полчищам духов злобы. У святых отцов, руководителей в жизни, встречаем, что первым в числе правил духовной брани стоит у всех — ненависть ко греху: «ее, говорят, выдвигай первую» (Исихий). Она, прибавим, несокрушимая и всепоражающая батарея духовная, и когда действует, то непрерывно дает несчетное множество выстрелов. Стоит она на окраине сердца; город же сердца не остается пустым, — он занят любовью к закону. Что может сделать при этом грех, когда и действовать не может иначе, как чрез помыслы, кои хотя тоже суть стрелы, но соломенные?

Стих сто шестьдесят четвертый

Седмерицею днем хвалих Тя о судьбах правды Твоея.

Зубы, как пособники слова, навели на мысль о прославлении Бога, дивного в судьбах правды Его, так как между предметами слова нет выше слова о Боге, и между сими словами нет выше славословия. Его-то и выставляет пророк, давая разуметь, что, кто его достиг, тот достиг крайних пределов употребления слова и, прибавим, употребления ума. Когда начинает исторгаться из сердца богохваление, то это значит, что ум начал вступать истинно в область боговедения, которое, отвлекая его внимание от всего другого, как несравненно низшего, приковывает взор его к

единому Богу и разверзает пред очами его блеск славы Его, дивного в бытии Своем, в свойствах Своих и в действиях — в творении, промышленности, искуплении и устроении спасения каждого спасаемого. Созерцая это, он переходит от изумления к изумлению и, при каждом предмете созерцания, ничего не может изречь кроме славословия: слава Тебе, Боже наш, слава Тебе!

Но и между предметами созерцания Бога есть степени. По свидетельству Исаака Сирианина, созерцание того, как Бог явил и являет Себя в тварях, есть первая степень; а созерцание Бога, как Он есть Сам в Себе, — вторая, высшая. Пророк останавливается на первой, ибо судьбы правды, ради коих он хвалит Бога, означают праведные суды, присуждения и определения Божии, как чему быть, и как что было уже и бывает на деле. Воспоминая это, пророк не может удержать языка своего от восхваления Бога, дивного в судьбах Своих и седмижды, или многократно в день хвалит Его. Святой Афанасий Великий пишет: «Как изучивший законы творения и промышленности Божия, исповедуется он о судьбах правды Божией, о тех судьбах, по которым Бог создал разнообразные твари и промышленяет о каждой из них. Словом *седмерицею* дает разуметь, что не престаёт он хвалить, говоря как бы так: «всегда памятую судьбы Твои». Неудержимо стремится душа его к богохвалению. Желая

удовлетворить этой жажде, он становится на славословие и, утолив ее несколько, останавливается. Но лишь только остановится, как опять та же жажда начинает возбуждать его и поднимать на ноги, — и так целый день. «Пророк, говорит блаженный Феодорит, выражает этим пламенную любовь свою, так как не доходил до пресыщения в божественном песнопении».

Отчего скучают иные? — Оттого, что не напали на предмет, который занимал бы их всесторонне и насыщал вполне. Такой предмет один — Бог и судьбы правды Его. Отдайте Ему свой труд, время и внимание, — и вам некогда будет скучать; напротив, будете, как в раю, ибо с сладостию бо-гомыслия и славословия ничто не может сравниться. Испытав это, святые отцы все время посвящали на то; на том же основании и Святая Церковь заповедала многократно в день собираться на молитву. Древняя *седмерица* в настоящее время сокращена в *троицу*, совмещающую, однако же, все семь чинов богослужебного славословия: литургия — не в счет. Как Пасха между праздниками есть праздников праздник, так и литургия между службами есть служба служб.

Стих сто шестьдесят пятый

Мир мног любящим закон Твой, и несть им соблазна.

Пророк начинает показывать, чем и как питает душу верное исполнение закона Божия. На

первом месте ставит он *мир*, и мир не малый, а обильный, — *мир мног*. В условие же для сего поставляет не просто исполнение закона, а исполнение любящее: *мир мног любящим закон*. Без этой любви закон — тяготящее иго, а с любовью он есть питающая манна. Отсюда мир, то есть всесторонне удовлетворенное состояние.

Когда мы возлюбили закон, значит, он в сердце у нас. Если же он в сердце, то там уже нет страстей, ибо каждая заповедь закона, быв возлюблена, изгоняет противоположную ей страсть, а все изгоняют все страсти. Таким образом, в сердце, возлюбившем закон, нет уже места страстям. Если же нет в сердце страстей, то нечему более возмущать и покой его. Оно поживает в покое, или во многом мире.

Но этот мир и покой — не вялое состояние бездействия, а блаженное состояние мирно живущей жизни. Мир — плод бесстрастия; бесстрастие же восстанавливает человека в естественный его чин и в первоначальное соотношение его со всем сущим. Но первоначально было определено, чтобы, сочетаясь со всем сущим, человек от всего воспринимал притоки живительных сил, стихий, влияний. Все это и возвращает ему закон, который возлюбил он. И от Бога, и от мира ангельского, и от мира человеческого, и от природы идут к нему непрерывно благотворные влияния и воздействия и питают все его естество — и

тело, и душу, и дух; питая же, удовлетворяют всесторонне, а удовлетворяя, водворяют мир, который, по причине такого удовлетворения благотворными влияниями, есть сладостный и многопитательный мир. Чем глубже мир, тем, значит, больше прибыло питательности.

Таковым *несть* и *соблазна*. Соблазн — *ока́в-далов*. И у нас говорят: произвести скандал, то есть наделать шуму. Таким образом, пророк, говоря, что для любящих закон нет соблазна, дает разуметь этим, что закон, возлюбленный ими, переполняет их таким глубоким миром, что ничто не может нарушить внутреннего их покоя. Хоть бы весь мир на них обрушился, — они не смутятся, ибо обладают тем, что больше всего мира и чего лишить их не может никакая сила, даже *бóльшая* мира. Блаженный Феодорит пишет: «Воспламеняемые Божественною любовью и хранением заповедей приобретающие мир с Богом, хотя вооружились бы на них все люди, живут в веселии. Свидетель этому божественный Павел, который взывает: *во всем скорбяще, но не стужающе си; нечаеми, но не отчаяваемы; гоними, но не оставляеми; низлагаеми, но не погибающе*¹. И Господь, посылая апостолов по всей вселенной, *яко овцы посреде волков*², сказал им: *мир Мой даю вам, мир Мой оставляю вам*»³.

¹ 2 Кор. 4, 8–9. — ² Мф. 10, 16. — ³ Ин. 14, 27.

Стих сто шестьдесят шестой

Чаях спасения Твоего, Господи, и заповеди Твоя возлюбих.

Второй источник питания духовного, подаваемого исполнением заповедей, есть упование спасения. Я, говорит, восчал спасения Твоего, так сложился в сердце моем, что неоткуда прийти ко мне спасению, как только от Тебя; в руки Твои предал я спасение мое с несомненною надеждою, что оно всеконечно будет устроено, как ведает Твоя премудрость, восхочет Твоя благодать, и в дело произведет Твое промышление, — я и успокоился в Тебе всецело. Но поелику такого предания себя Тебе, такой надежды на Тебя, такого успокоения в Тебе я никак не мог бы иметь, если б был в чем-либо неверен пред Тобою, то я положил верно исполнять заповеди закона Твоего, исполнять не просто как иго и долг, но как потребность моего сердца, возлюбившего их: *заповеди Твоя возлюбих*. «Чаяние спасения, говорит святой Амвросий, породило любовь к заповедям, деятельная любовь к заповедям стала опорой упования, упование успокоило в Боге».

Какая дивная цепь духовных изменений, или порождений, и какой дивный от них плод — успокоение в Боге! Дитя на лоне матери самою теплотою матерней любви к себе и своей к матери бывает согреваемо и питаемо, так и дух наш питается тем самым, что предает себя Богу и

успокоивается в Нем, ибо близ его Бог, так близ, что ничто ближе Его быть не может; а Бог есть полнота всего, полнота преизливающаяся. Отверзи себя для Него, и все нужное тебе и востимое для тебя изольется от Него в тебя, и будет непрестанно изливаться, пока пребудешь отверстым для Него своею верою непоколебимую, упованием несомненным и добролюбием пламенным.

Господь говорит: *се стою при дверех и толку: аще кто услышит глас Мой, и отверзет двери, вниду к нему, и вечеряю с ним*¹. И входит Он ко всякому отверзающему не для того, чтоб цепи налагать, как владыка, а чтобы угощать, услаждать, насыщать, как щедродатель. Вечеря Его с Ним всегда; потому-то Он и говорит: *приидите ко Мне вси... и Аз упокою вы*². И упокоивает всякого, кто упокоивает себя в Нем, упокоением нераскаивным.

Будет и с тобою то же; как в раю будешь. Только поспеши взойти до успокоения в Боге, поспеши, ибо хотя Господь близ есть, но для нас путь до Него не краток. Начни терпеливым хождением в заповедях в чаянии спасения. Не жалея себя, нудь без жалости, с некоторою жестокостию к себе. Если поступишь так, — при трудное хождение в заповедях переродится в окрыляющую любовь к ним, а чаяние спасения — в видение и вкушение спасения; то и другое завершится успокоением в Боге, из руки

¹ Апок. 3, 20. — ² Мф. 11, 28.

Коего уже никто тебя не восхитит, как уверил Сам Спаситель: *Отец Мой... болий всех есть, и никтоже может восхитити овец Моих от руки Отца Моего*¹.

Стих сто шестьдесят седьмой

Сохрани душа моя свидения Твоя, и возлюби я зело.

Третий источник питания духовного, получаемого от исполнения заповедей, есть самая любовь к ним. Как любящие себя взаимно, взаимно друг друга питают, так что когда они бывают вместе, то каждый из них чувствует, как будто, исходя от другого, входит в него какая-то питающая и услаждающая стихия, так и с любящим заповеди: от них исходит и в него входит, так сказать, струя духовная, питающая и услаждающая его. Это и ощущает он при всяком случае, когда предлежит ему исполнение заповеди. Прилив питающей теплоты не истощается у него с первой встречи такого случая во все продолжение доброго дела, требуемого им, и после него надолго, пока не пресечет его другой случай такого же свойства.

Когда мы питаемся известною пищею, то питательную стихию, сокрытую в ней, извлекает из нее наша органическая сила. Так и питательная духовная стихия сокрыта во всяком добром предлежащем нам деле. Это мера приложимой к

¹ Ин. 10, 29.

нему заповеди. Извлекает эту стихию из него любовь к заповеди, которая и дает ощутить присутствие ее в том деле, извлечь питательность ее и привлечь ее к себе в самом совершении дела. Только любовь к заповедям и может, и умеет так делать. Потому-то доброделание без любви не питает. Оно то же для духа, что неперевариваемая пища для тела: ни вкуса нет, ни питания.

Иной, пожалуй, скажет: «Что ж, если у меня нет вкуса к доброделанию, да и самое доброделание для меня словно питание травой, то зачем мне и добро делать?» — А за тем, чтобы этим путем дойти до любви к заповедям. Видишь, как пророк говорит? Сначала: *сохрани душа моя свидения*, а потом: и *возлюби я*, и не просто *возлюби*, но *возлюби зело*. Начинай же хранить заповеди, и возлюбишь их зело. Есть любовь, скажем так, мысленная, состоящая в убеждении, что заповеди неотложно должно соблюдать и любить. От нее рождается потом и любовь чувства, или сердечная, и рождается чрез посредство деятельного исполнения заповедей. Есть роды пищи, которые на первый раз не нравятся, но принимаются, однако ж, по необходимости, а потом организм навикает находить в них вкус и наконец так пристращается к ним, что без них и обед не в обед. Точно так бывает с нами в отношении к заповедям. Сначала будто холодом от них веет, а потом так сродняются они с сердцем, что оно

и покоя не имеет, если не случится сделать чего в удовлетворение им. Как тоскует любящий, долго не видя любимого предмета, так тоскует и душа, возлюбившая заповеди, если долго не встречает случая исполнять их. Не смотри же на то, что нет еще вкуса в доброделании, а продолжай хранить заповеди, только с усердием и самоотвержением. Найдешь вкус — и полюбишь их, полюбишь зело.

Стих сто шестьдесят восьмой

Сохрани заповеди Твоя и свидения Твоя, яко вси путии мои пред Тобою, Господи.

Пророк снова возвращается к средствам защиты и охранения богоугодной жизни по заповедям и, как на главнейшее из них, указывает на сознание везде присутствия и всевидения Божия. Это как бы следствие предыдущих его размышлений. Страх нарушить заповеди и чаяние благоплодности от исполнения их приводят к любви. Возлюбивший заповеди не может не возлюбить и Заповедавшего, а возлюбив, не может уже забыть Его, и неотступно носит память о Нем в сердце своем, ибо таково свойство любви. С любовью памятующий о Боге всегда имеет Его пред очами своими, сам ходит пред Его очами и сознает себя во всех путях своих и начинаниях открытых пред Ним. А такое сознание какой страх возбуждает с своей стороны в сердце, какую

166 ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ ВОСЬМИСТИШЕ

надежду и какую любовь! И сколь потому могущественное в едином себе совмещает средство к охранению и поддержанию жизни по заповедям! Пророк не раз исповедал это; а здесь он удостоверяет, что, сознавая, как все пути его открыты пред Господом, он строго исполнял все заповеди Его; и прежде говорил он, что намеренно поддерживал в себе это сознание, дабы не сдвинуться с пути правого: *предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся*¹, и уклонения других людей на распутия объяснял не иным чем, как тем, что они *не предложиша Бога пред собою*². Подобно ему, и Сирах производит падкость на грех от ложной уверенности грешащих, что их никто не видит, потому что тьма окрест и стены закрывают их. А того не понимают, что *очи Господни тмами тем крат светлейшии солнца суть, произражающи вся пути человеческия и разсматривающи в тайных местех*³. Если б разумели это и помнили, — не стали бы грешить.

Потому-то все святые подвижники имели и других учили иметь первым делом установление в себе памяти о Боге, так чтобы она слилась с сознанием, — что и называли они хождением пред Богом; ибо после этого, что ни делал бы человек, не может делать того иначе, как с мыслью, что Бог пред ним и смотрит, что и как он делает. И это как для внутренних, так и для внешних

¹ Пс. 15, 8. — ² Пс. 53, 5. — ³ Сир. 23, 25—28.

дел. Отсюда — тщательный выбор только одного богоугодного и совершение того, что выбрано, наиусерднейшим образом, в той мысли, что избранное богоугодное посвящается Богу и есть потому дело Божие, — одно из тех, за которые, если кто с небрежением творит, навлекает на себя клятву.

Хочешь ли, потому, хранить себя непорочным во всех путях своих, — утверди в памяти, что все пути твои открыты пред Богом и что очи Господни утверждены на тебя, на дела твои и на помышления сердца твоего. Как утвердиться в этом? — Начни трудиться в стяжании такого навыка, и самый труд научит тебя, как преуспеть в этом. Только усердно возжелай и ревностно устремись.

Г Последнее восьмистишие идет под буквою *тав*, что означает *знак*.

Святой Исаак Сирианин пишет в руководство тому, кто идет путем внутренней жизни к умному и сердечному соединению с Господом, чтоб он держал в памяти знаки, по которым мог бы определять, — идет ли, или стоит, и право ли идет, или неправо. «Положи, говорит, примету и, входя

внутри себя, смотри — какие страсти изнемогли в тебе и отступили от тебя; видно ли, что среди загноения язвы твоей начала нарастать живая плоть, то есть душевный мир; точно ли находишь ты, что помысл начал очищаться; приходит ли парение мыслей в час молитвы; ощущаешь ли в себе, что душа приосеняется кротостью и тишиною; восхищается ли ум твой, без участия воли, к понятиям о бесплотном; возгорается ли в тебе внешне радость, ни с чем не сравнимая и неудержимо влекущая внутрь ум твой»¹. В других местах он указывает другие приметы преуспевания — одни для созерцательной, другие для деятельной жизни. Каждая степень той и другой имеет свои приметы.

Нечто подобное сему указывает и пророк в настоящем восьмистишии, — указывает то есть приметы, по которым можно определять — стоит ли кто на добром пути и идет ли по нему как должно; это самое благопотребное заключение всех его нравоучительных наставлений. Не будем, впрочем, наперед перечислять то, что именно указывается как примета в этом смысле: содержание каждого стиха само скажет нам об этом.

Стих сто шестьдесят девятый

Да приблизится моление мое пред Тя, Господи, по словеси Твоему вразуми мя.

¹ Исаак Сирий. Слово 45.

У всех отцов-руководителей встречается урок — не доверять своему уму. Таким образом, если ты при каждом деле, не доверяя себе, ищешь вразумления от Подателя всякой премудрости, то право течешь. Поступая так, ты подражаешь пророку, который молился Богу: *Господи, по словеси Твоему вразуми мя. Вразуми* — научи то есть, как понять что-либо из встречающегося в жизни или в Писании, или как поступить в предлежащем случае. Ум наш и сам по себе, по данной ему от Бога способности, может многое понимать и истолковывать; каждому также свойственна своя мера благоразумия для устройства внешних дел и своя мера чуткости совести для показания нравственно достодолжного, но и та способность и эти меры не слишком широки. Потому-то и при них имеет место обширнейший круг недоуменного, разрешение коего бывает желательно не по одному любопытству, а по существенной необходимости. Можно обращаться, как иногда и обращаемся мы, к умнейшим и опытнейшим нас, — но и их мера не безмерна, и доверие к ним не безусловно. Таким образом, сознающему свою меру скудною, нельзя во многих случаях не обращаться к Источнику разума с молитвою о вразумлении. Если же возьмем во внимание, что и в тех случаях, которые разрешаются домашним образом, всегда остается от разрешения колебание, так ли решено, — колебание, устраняемое только

внушениями свыше, — то лучше во всех вообще случаях без различия обращаться за вразумлением к Богу, несмотря на устремление деятельности своего ума и даже кажущееся постижение им существа дела.

Скажут: «жди, когда-то придет вразумление!» Кто искренно и нераскаянно предал себя в руки Божии и не возвращается более к своим способам, — для того вразумление есть дело минутное. Лишь только взыщет, тотчас и получит, ибо Господь близ. Ни оттуда, ни отсюда начинают рождаться мысли и раскрывают истину. Работает будто свой ум, но бывает носим он в эту пору стороннюю силою. С ним бывает то же, что с человеком, который знает какое-либо место, неведомое другому, — он берет его за руку и приводит к тому месту, а ему остается только воззвать: вот оно! Есть люди, которые всю жизнь свою, даже и в обыкновенных случаях, ведут себя по таким вразумлениям.

Труднее узнать, что рождающееся в душе решение есть именно руководящее вразумление свыше: этого нельзя достигнуть и определительным указанием признаков. Как разыскивать искренно таких вразумлений, так и получать их и различать есть состояние, возможное на известной мере духовного преспеяния. Кто достиг этой меры, для того все, относящееся сюда, ясно, а кто не достиг, тому разъяснить этого нет возможности.

Это все равно, что говорить на непонятном языке. Мера эта приходит сама собою по очищении сердца от страстей. Тогда вселяется Дух Божий, Дух истины, ведущий все глубины Божии: тогда, по апостолу, *само помазание учит*¹.

Стих сто семидесятый

Да увидет прошение мое пред Тя, Господи, по словеси Твоему избави мя.

Человек, которого теснят как-либо или вяжут, обыкновенно ищет избавления. Нет никого, кто каждую минуту не находился бы в таком положении, но не все одинаково держат себя в нем. Одни надеются устранить все тесноты и распутать все узлы своими способами и потому ограничиваются ими одними; другие своим способам не дают никакой силы, и хоть не чуждаются их совсем, но прочного избавления чают от единого Бога, потому благонадежно и обращаются к Нему во всех случаях — и больших, и малых. Вот эти-то одни и действуют право.

Что для ума недоразумения, то для жизни тесноты и узы. Недоумения ума разрешаются вразумлением; узы жизни — помощью свыше. Неведомо как раздвигаются тесноты и устраняются препоны, *стропотная* бывают *в правая, и острии в пути гладки*². Мановению Божию все покорно. Покорись же и ты сам всецело Господу, —

¹ Ин. 2, 27. — ² *Кривизны выпрямятся и неровные пути сделаются гладкими* (Лк. 3, 5).

и всякое избавление будет тебе готово. *Яко на Мя упова, и избавлю и, покрыю и... с ним есмь в скорби изму его и прославлю его*¹, говорит Господь. В силу этого и учит пророк обращаться с молитвою об избавлении: *по словеси Твоему избави мя*, предъявляя сим не право на избавление, а оживляя лишь упование свое пред Всевидящим.

Достигший в такую меру, в чувстве силы от Бога, *яко лев уповая*² ходит. Это не то значит, чтоб он уже никаких своих способов не употреблял и сидел сложа руки, нет, — он употребляет все зависящее от него, но ни на чем этом не опирается, зная, что все такое ненадежно, как сеть паутинная. Все упование возлагает он на Господа и сознает себя сильным от силы Божией, действующей в нем. Упование, однако ж, не есть пресечение деятельных сил, а настроение сердца, опирающееся, при напряженной деятельности, но помимо ее, на деснице Божией. Тут и взывание об избавлении не всегда нужно, потому что само упование без слов есть уже непрестанное взывание.

Взыскание вразумления и избавления посредствуется у пророка приближением и вхождением молитвы пред лице Господа: *да приблизится моление мое пред Тя... да увидет прошение мое пред Тя*. Это также состоит в числе признаков преуспевания. Молитва похожа бывает тогда на дым кадила,

¹ Пс. 90, 14 — 15. — ² Притч. 28, 1.

который то стелется по земле, то растекается в воздухе, то восходит как *стебло горé*¹. Последнее изображает молитву нерассеянную, в которой ум, не занимаясь ничем сторонним, трезвенно предстоит Богу, вездесущему и всевидящему. Такая молитва уже по свойству своему приближается к Господу и входит пред Него. Она образуется одновременно с водворением в сердце упования и любви и ими окрыляется, и только она привлекает и вразумление, и избавление. Все это вместе и есть знамение высшей степени состояния духовного, в котором богопреданный дух пребывает в Боге и Бог в нем пребывает, обретши в нем благодетельное себе жилище, по причине водворившейся внутри чистоты.

Стих сто семьдесят первый

Отрыгнут устне мои пение, егда научиши мя оправданием Твоим.

Отрыгнут сами собою, без всякого напряжения и предварительного обдумывания. Зародится в сердце песнь Богу, исторгнется устами и понесется на небо. Это — песнь славословия, благодарения и всякой молитвы. Если это стало бывать у тебя, то знай, что ты уже в чине своем, в чине ангелов, выну хвалящих и воспевающих умно зримого ими Бога.

¹ Восходит как столб вверх (См.: Песн. 3, 6).

Сначала ум с напряжением молится, нудит себя на молитву силою воли. И это, конечно, есть умная молитва. Умная молитва понемногу согревает сердце и вводит его в другую молитву — умно-сердечную. Сердце, навывкнув молиться под действием ума и согревшись, само начинает подвигаться на молитву и увлекать в нее ум. Эта сердечная молитва — настоящая молитва, как ей следует быть, — молитва, объемлющая все существо человека, ибо где сердце, там весь человек. Это состояние обнаруживается тяготением внутрь, бывающим во время молитвы, чтения, размышления, и даже без всего этого так — за делом каким. Последнее выше первого.

Вот это именно состояние и разумел святой Исаак, когда спрашивал: «Восхищается ли ум твой, без участия воли, к понятиям о бесплотном? Возгорается ли в тебе внезапно радость, ни с чем не сравнимая? Источается ли из сердца некое удовольствие и влечет ли всецело ум?» Если *да*, то это знак, что человек, испытывающий это, далеко прошел по пути к совершенству. Далее святой Исаак так описывает это состояние: «По временам во все тело входит какое-то услаждение и радование; плотской язык не может выразить этого. Иногда услаждение это истекает из сердца в час молитвы, или во время чтения, или вследствие напряженности мысли. А иногда бывает оно без всего этого, во время поделия, и по ночам,

когда находишься между сном и пробуждением, как бы бодрствуя и не бодрствуя. Но когда найдется на человека это услаждение, бьющееся в целом теле его, тогда думает он в тот час, что и Царство Небесное не иное что есть, как это же самое». Как после этого *не отпрыгнуть* пения устам того, кто бывает в таком состоянии?

Но надо знать, что оно не есть плод одного молитвенного труда, а следствие всей богоугодной жизни, всех трудов доброделания и подвижничества, и обнаруживается тогда, когда сердце начинает приближаться к чистоте. Пророк указывает на это в словах: *егда научиши мя оправдания Твоими*. Оправдания — заповеди. Научение им разумеется не заучивание на память писанных заповедей, а деятельное навывковение в них, подобно тому, как навывкают какому-либо мастерству. Когда это бывает, тогда заповеди вселяются в сердце и составляют постоянный строй, заправляющий всеми его движениями, так что во всяком случае, прежде всякой мысли, из сердца само собою исходит указание, как надлежит поступить. Такое сердце есть сердце святое и чистое, из которого исходит одно правое и богоугодное. Его то и поставляет пророк источником отпрыгновения чрез уста благодарственного, или хвалебного, или молитвенного пения Богу. Молись же: *сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей*¹.

¹ Пс. 50, 12.

Стих сто семьдесят второй

Провещает язык мой словеса Твоя, яко вся заповеди Твоя правда.

Врачи по языку узнают состояние здоровья телесного, а речь обличает состояние здравия душевного. Умные речи показывают умного человека, речи благочестивые — человека богобоязненного, а развратные — развратного. Чем у кого душа болит, тот о том и говорит. Если язык твой усладительно ведет речь только о словесах Божиих, то это знак, что о них болит душа твоя, то есть любит их, желает исполнять сама и видеть исполнение их и от других. Если ты расположен так, то это значит, что словеса Божии — заповеди содержатся у тебя не умом, а объемлются сердцем, исполняют его и составляют строй его; а это показывает, что ты уже не раб, а сын, действующий не по принуждению, а самоохотно, по своим добрым начинаниям, как вошедший в планы и преднамерения отца.

Это и естественно: когда ты возлюбил словеса Божии, то и речь ведешь только о них, ибо от избытка сердца уста глаголют, и удержать их нельзя, чтоб не говорить о них. Но сюда должны привзойти еще и другие побуждения, именно — благодарение Богу и любовь к братьям. Пророк еще в покаянных чувствах говорил: *научу беззаконныя путем Твоим, и нечестивии к Тебе обратятся*¹.

¹ Пс. 50, 15.

Каясь, он дает обет, что не только сам всегда будет ходить путями Божиими, но и других станет научать тому же, ибо в размножении числа ходящих этими путями и состоит слава Бога, Учредителя и Указателя путей тех. Если еще в пору покаяния он воодушевлен был так, то умолчит ли, получив разрешение и очищение?

Один святой в смирении говаривал: «Сбился я с дороги и погряз в тине; и хоть сам все еще остаюсь погрязшим в ней, но другим кричу: не ходите сюда, а то так же погрязнете, как и я». Другой, в том же смирении, имел обычай говорить: «Я столп, который ставят на дорогах, и хотя сам не движусь с места, но другим верно указываю дорогу». В том ли, в другом ли расположении, но словеса Божии провещаются языком по доброжелательству к братьям своим. Испытав на деле, что грех вяжет, а заповеди дают свободу, и притом в многообразных отношениях, — кто удержится, чтоб не возвещать другим, где путь и где распутие? Пророк и провещает языком словеса Божии, потому что все они — правда. Хочешь жить настоящею жизнью — живи, как заповеди велят, ибо всякая другая жизнь — не жизнь.

Если провещание словес Божиих есть хороший признак, то молчание о них есть признак худой, а речи, противные им, — признак наихудший. Где говорят будто научно, но не по-Божиему, где

говорят все о пустом, и тем паче о срамном и грешном, там и говорящие, и слушающие, очевидно, отчуждились от словес Божиих; а чуждые словес Божиих чужды и Богу, возвестившему их; а кто чужд Бога и Богу, тот что такое? В Апокалипсисе поминается о глубинах сатаниных¹. И действительно, бывают собрания, коим другого имени дать нельзя.

Стих сто семьдесят третий

Да будет рука Твоя еже спасти мя, яко заповеди Твоя изволах.

Это то же, что говорит пророк: *Твой есмь аз, спаси мя. Заповеди, говорит, Твоя изволах*, то есть нет у меня другой воли, другого желания, кроме того, чтобы ходить в заповедях Твоих; они занимают все помышления ума моего, все чувства сердца моего и все начинания воли моей. А так как это есть во мне, то я весь Твой; а если Твой, то благоволи, да будет рука Твоя всегда со мною, *во еже спасти мя*.

В чем же тут добрый знак? — И в самом дерзновении взывать так к Богу, и в изволении таком. Последнее составляет условие первого. Невозможно возыметь дерзновения к Богу, если прежде того человек не предастся вседушно заповедям Божиим и не истощит всех сил своих в исполнении их. Только при этом может

¹ Апок. 2, 24.

возродиться в нем чувство присвоения себя Богу и Бога себе, — чувство сокровенно зарождающееся, крепнущее и составляющее затем основу всех благоговейных отношений к Богу. На него опираясь, пророк и говорит: я не чужой Тебе, Господи, а весь Твой. *Да будет же рука Твоя еже спасти мя*.

Дерзновение к Богу — сладостное чувство, но оно невозможно при нечистой совести. Дерзновение входит пред самое лицо Божие, а обремененная совесть тяготит долу¹. Бывает, что и сильная птица не может подняться с земли, когда крылья ее в грязи и сама она вся облеплена грязью. Надо ей стряхнуть грязь и обмыться; тогда, облегчившись, она воспарит свойственным ей парением. Так и душе надо стряхнуть беззакония и сделать себя чистою водворением в себе благозакония, чтобы, вступив чрез то в свойственную ей божественную стихию и движась в ней свободно, иметь возможность достигать престола Божия. Но и став пред Бога, как воззреть на лице Его, если где-либо внутри кроется что-нибудь не изволяющее заповедям Его: ведь пред Богом все открыто, и представшая пред лице Его душа ясно сознает это. Таким образом, дерзновение к Богу истинное, непритворное, искреннее есть знак великой чистоты нравственной.

¹ Вниз. — Ред.

Дерзновение не надумывается, а само собою возникает в сердце, вследствие трудов по исполнению заповедей и приобретаемой через то чистоты сердца. Приступание к Богу в молитве и самое молитвословие есть уже показание дерзновения; но не всякий молящийся или молитву деющий есть уже дерзновенен, как *не всяк глаголяй: Господи, Господи, внидет в царствие небесное; но творяй волю Отца Моего, Иже есть на небесех*¹. Молимся, уповая; но дерзновение есть высший плод упования, хоть оно вместе с ним и зачинается, и зреет.

И упование есть настоящее и не настоящее. Часто бывает, что человек думает, будто уповает, тогда как у него нет истинного упования. Дерзновения же и надумать нельзя: оно есть состояние, а не отдельное действие. Оно происходит от срастворения силы Божией с силами человека. Сознующий это действует властно, как сын, не сомневаясь, что сделает что-либо невпопад, ибо видит себя не действующим, а во всем воздействуемым силою Божиею. Рука Божия под ним, над ним, окрест его и внутри его. Чувствуя это и почивая во вседействии Божиим, он предает себя Богу: да будет так, да будет рука Твоя при мне и во мне так, как она есть; тогда и спасение мое верно и есть несомненный удел мой.

¹ Мф. 7, 21.

Стих сто семьдесят четвертый

Возжелал спасение Твое, Господи, и закон Твой поучение мое есть.

Как пред сим изволение заповедей, так здесь возжелание спасения Господня и непрестанное поучение в законе выражают одно — горячую ревность о спасении чрез верное исполнение заповедей. Эта ревность есть движущая сила к богоугодной жизни по заповедям. Есть эта ревность — есть жизнь; нет ее — нет жизни.

Значение этой ревности в экономии деятельной жизни по Богу святой Исаак Сирианин изображает так: «За всякую мыслию доброго желания, в начале его движения, следует некая ревность, горячностью своею уподобляющаяся огненным углям. Обыкновенно она ограждает эту мысль и не допускает, чтобы приближалось к ней какое-либо сопротивление, препятствие и преграда, так как она приобретает крепость великую и несказанную силу ограждать душу от расслабления или от боязни, при устремлениях на нее всякого рода стеснительных обстоятельств. И как самая первая мысль есть сила святого желания, от природы насажденная в естестве души, так и ревность эта есть мысль, движимая раздражительною в душе силою, данная нам Богом на пользу, для соблюдения естественного предела, для выражения понятия о своей свободе исполнением естественного желания, находящегося в

душе. Это есть добродетель, без которой не производится доброе; она называется ревностью потому, что время от времени движет, возбуждает, распаляет и укрепляет человека пренебрегать плотию в скорбях и в страстных, сретающих его искушениях непрестанно предавать душу свою на смерть и идти в сретение отступнической силе ради совершения того дела, которого сильно возжелала душа. Некто, облеченный во Христа, в словах своих назвал такую ревность псом и стражем как закона Божия, так и добродетели, которая есть исполнение закона Божия. Эта сила ревности укрепляется двумя способами: пробуждается и воспламеняется на хранение дома, и также двумя способами приводится в изнеможение, дремоту и леность».

«Два первые способа суть следующие: во-первых, страх, заставляющий человека бояться за то благо, которое он приобрел или имеет в виду приобрести, чтобы не было оно украдено или уничтожено каким-либо случаем. Когда возбужден в естестве этот страх, тогда ревность, названная у нас псом, день и ночь разгорается, как пылающая печь, и пробуждает естество. И подобно херувиму, человек пробуждается и ежечасно внимает тому, что окрест его и, как говорит упомянутый выше некто, если проходит птица мимо его, приходит в движение и лает с быстротою и несказанною стремительностию. Есть еще

другой способ раздражать нашего пса, это — когда наиболее возрастает в душе возжелание добродетели; ибо в какой мере возрастает в душе это возжелание, в такой же воспламеняется и этот пес, то есть естественная ревность к добродетели».

Соответственно сему есть тоже два способа и к охлаждению ревности. «Первый — когда самое возжелание уменьшится и прекратится в душе; а второй — когда войдет в душу какой-то помысл уверенности и отважности, и утвердится в ней, и человек станет надеяться, думать и держаться той мысли, что нет ему причины бояться потерпеть вред от какой-нибудь силы, и потому слагает с себя орудие ревности, и бывает как дом без стражи: пес засыпает и надолго оставляет стражу»¹.

Вот все производство ревности, — как она зарождается, растет и умалется. Войди с этими показаниями внутрь себя и определи, есть ли в тебе ревность, и в действии ли те способы, коими она поддерживается? Если да, то ты живешь; если же нет, то ты мертв или уснул.

Стих сто семьдесят пятый

Жива будет душа моя, и восхвалит Тя, и судьбы Твоя помогут мне.

Вот и еще способ поддержания ревности и вместе признак того, кто добре течет, — уверенность,

¹Исаак Сириянин. Слово 32.

простирающаяся до видения, что избранный путь ведет прямо к цели, как определенный Богом, указанный и покровительствуемый Им. *Жива будет душа моя*, — какую уверенностью дышит это слово! Ни тени колебания. Господь сказал: иди вслед Мене, по заповедям Моим, — и спасешься, получишь покой и жить будешь вовеки. Поверил человек и идет, говоря в себе ко Господу: верую, Господи, что так оно будет: *жива будет душа моя*, будучи еще здесь оживотворена благодатию в залог вечного в Тебе и с Тобою живота. *Жива душа моя и восхвалит Тя*. Он уже там душою своею — на месте достижения цели и, как обретший уже искомое, хвалит Господа. Будет так, как обетовал Ты, Господи! Вниду в покой Твой и вечно буду прославлять имя Твое. Но, питая такую уверенность, не на себе опирается он, а на всесторонней помощи Божией, или на вседействии Божиим в душах, всецело Ему преданных. *И судьбы Твоя помогут мне*.

Так Сам Бог обетовал: *с Ним есмь Аз, изму его, и прославлю его... и явлю ему спасение Мое*¹.

Все это лежит во глубине души того, кто течет правым путем и свидетельствует о правости его течения со внутренней стороны его настроения. Течет, всеусильно трудится в несомненной надежде, не присвоая, однако ж, себе ничего и ни на чем своем не опираясь упованием

¹ См.: Пс. 90, 15—16.

своим, а всецело почивая на всещедродательности Божией.

Несомненность спасения питается и держится тем, что путь спасения учрежден Богом, и Им Самим, Спасителем нашим, пройден в естестве человеческом. Прощедши этот путь и пребывая во славе, Спаситель взывает: «Идите сим путем, и все тут же будете». Кто, веруя сему и видя это, поколеблется недоумением? И не колеблются; всякий питает уверенность, что жива будет душа его, если, не блуждая, пройдет путем, на который вступил по указанию Божию.

Но пройдет ли — вот вопрос. Пройдет, если не будет надеяться на себя, а предаст все Господу действовать в себе. Ты только, говорит Господь, ноги переставляй и не упирайся, а Я несомненно доведу тебя до конца пути, до пристанища и дома упокоения. Самонадеянность в уповании спасения пагубна; а кто уверен, что Бог, хотящий всем спастися, спасет ищущего спасения, того, кто не лежит, а всеусильно действует по указанию Божию, и спасет имиже весть судьбами, и пути указывая, и силы подавая; у того такая уверенность есть свята и служит признаком не только правожествия, но и великого преуспевания в течении по духу, так как она является уже вследствие последовательных трудов, немалого очищения сердца и ошутительного испытания Божия покровя и заступления.

Стих сто семьдесят шестой

Забудих яко овча погибшее, взыщи раба Твоего, яко заповедей Твоих не забых.

После такого преуспеяния, признаки которого указаны пред сим пророком, с какой стати взывать еще: *взыщи, — я овча погибшее?* — Но то-то и дивно в деле спасения, что, чем более кто преуспевает в нем, тем более видит себя униженным и худым, так что, идя к лучшему, он будто все более и более погружается в худшее и видит себя непотребнейшим, хоть и не отчаивается в своем спасении. В сказаниях о подвижничестве святых об одном величайшем подвижнике замечено, что он во всю жизнь свою говаривал о себе: «В тину я погряз по самую шею, и только уста остались еще у меня свободными, чтобы вопиять: «Боже, помилуй мя!» У святого Антония замечено, что Сам Бог закрывает преспеяние от глаз преуспевающих и внешним унижением их, и попусшением внутренних нестроений, при виде которых не может он не исповедать того, что никуда не гожусь я, и не вопиять мытаревым гласом: *Боже, милостив буди мне грешному!*¹ Такое смиренное и самоуниженное исповедание и есть самый верный признак доброго течения и преуспеяния. Кто-то из святых заметил: смотри, коль скоро начнешь подаваться на праведность, — знай, что ты начал сбиваться с пути, ибо

¹ Лк. 18, 13.

верный признак спасительного шествия есть смирение и самоунижение. Такой именно смысл находит в настоящем стихе святой Афанасий Великий: «В чем же, говорит он, преуспел пророк, если снова говорит о себе, что он — овча погибшее? — В том, что соблюл смиренномудрие, по сказанному: *егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есмы*¹.

На чем же стоит упование спасения, когда так глубоко сознание непотребства у самых великих преуспевателей? — На сознании, что они не забывают заповедей Божиих. Всякий такой, исповедуя, что никуда он негож, вместе с тем неложно свидетельствует, что знает заповеди, сознает полную обязательность их для себя и то, что со времени обращения своего никогда не позволял себе сознательно нарушать даже малейшую из них. Это сознание и дает смелость надеяться, что он хоть и никуда негож, но Многомилостивый, по милости Своей, не бросит его, а взыщет, как овцу погибшую, и, взяв на рамо свое, принесет в место спасения.

Этим чувством непотребства в чаянии спасения в Господе начинается должная жизнь в покаянии, скрепляемая обетом неуклонной верности заповедям Божиим. Это чувство исполняет душу во все время жизни покаянной, указывая сим, что текущий добре течет. Оно приводит к плачу, как

¹ Лк. 17, 10.

2020

638 ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ ВОСЬМИСТИШЕ

описывает святой Исаак Сириан, «сначала перемежающемуся, а потом непрерывному, длящемуся годы, пока не иссякнет, по Божию изволению, оставляя за собою опять то же чувство непотребства укорененным и лежащим в самой глупине сердца спасаемого и очищенного».

Какое же посему благоприличное заключение всего псалма составляет этот стих? — Он возводит на самый верх нравственного совершенства, указывая его, однако ж, не в самовосхвалении или присвоении себе чего-либо, а в самоуничижении и невидении в себе чего-либо достойного. Раб неключимый, овча погибшее — вот воззвания истинных рабов Божиих, приятные Богу и привлекающие Его благоволение!

Блаженный Феодорит так заключает истолкование сего псалма: «Сделав краткое изъяснение псалма сего, мы просим читающих не довольствоваться написанным и не думать, что только это и принадлежит пророку, то есть только это и хотел сказать пророк. Напротив, пусть каждый извлекает то, что ему собственно на пользу и пусть уготовляет себе предохранительное врачевство от своих собственных недугов». Нечто подобное сему пишет и блаженный Августин. «Сколько сил моих было и сколько помог мне Господь, я истолковал сей великий псалом. Мудрейшие и

СТИХ СТО СЕМЬДЕСЯТ ШЕСТОЙ 639

ученейшие меня, конечно, лучше сделали уже это или сделают, но это не должно было освободить и меня от посильного служения делу сему, и особенно, когда братья мои усильно к тому побуждали меня».

Если им можно было такими словами заключить свое толкование, то тем более пригоже это мне. Прошу при том извинить многократные повторения одних и тех же мыслей. При всем желании нельзя было этого избежать, потому что по длительности времени естественно забывалось написанное прежде и, при новом приеме за дело, старое казалось новым. Бывало и то, что иная мысль была оставляема, потому что казалось, будто она не раз уже была излагаема, и потому была заменяема другою, которая казалась новою, тогда как на самом деле та была, может быть, новою, а эта старою. Утешаюсь тем, что любящим истину такое повторение не наскучит, потому что дает то, что любезно и что приятно, как приятно встречать друга, сколько бы раз ни приходилось это.

Прибавлю к сему: все сто семьдесят шесть стихов говорят о заповедях Божиих и нашем отношении к ним, и говорят ясно. Нет почти ни одного стиха, понимание которого было бы затруднительно и требовало особых пояснений. Потому вся забота была обращена не на это, а на то, как стоит дело нравственное, указываемое

042908

стихом, в цепи нравственных дел и явлений. В руководство, как указывать именно ту сторону дела, взято было значение букв. Оно давало мысль, на которую потом, как на нить, навязывались все мысли, содержащиеся во всех стихах, начинающихся с той же буквы. Коль скоро появлялась мысль, которая проходила сквозь все стихи, — дальнейшее толкование уже не представляло большой трудности.

На вопрос: да полно, так ли следует смотреть на все? — отвечу, что нельзя сказать, чтобы всякий стих *должно* понимать непременно так, как у меня изложено; но что *можно* понимать так всякий из них, — этого, смею надеяться, отрицать никто не станет.

Кому придется подряд читать все это толкование, тот не может не заметить неровности в тоне речи, в степени живости мысли и чувства. Прошу снисхождения, человек есмь многоизменячивый. К тому же и дело делалось не зараз. Сколько приемов, столько же разных настроений, которые сами собою проторгались и в слово.

Предисловие	7
ПЕРВОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ. Первая литера <i>алеф</i> , что значит <i>наука</i>	15
1. <i>Блажени непорочнии в пути, ходящии в законе Господни</i>	15
2. <i>Блажени испытующии свидения Его, всем сердцем възыщут Его</i>	21
3. <i>Не делающии бо беззакония, в путех Его ходиша</i>	30
4. <i>Ты заповедал еси заповеди Твоя сохранить зело</i>	36
5. <i>Дабы исправился путь мой, сохранить оправдания Твоя</i>	41
6. <i>Тогда не постыжуся, внемгда призрети ми на вся заповеди Твоя</i>	45
7. <i>Исповемся Тебе в правости сердца, внемгда научити ми ся судьбам правды Твоея</i>	50
8. <i>Оправдания Твоя сохраню: не остави мене до зела</i>	54
ВТОРОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ. Вторая буква <i>бет</i> значит <i>дом</i>	58
9. <i>В чесом исправит юнейший путь свой? Внемгда сохранить словеса Твоя</i>	60
10. <i>Всем сердцем моим възсках Тебе: не отрини мене от заповедей Твоих</i>	65
11. <i>В сердце моем скрых словеса Твоя, яко да не согрешу Тебе</i>	70

Господу ишуду Христу и божишей Матери от Ольги, Сергия, Которова, Ангелия, Толыкина, Елены, 23.05.2004

12. <i>Благословен еси Господи, научи мя оправданием Твоим</i>	75
13. <i>Устнама моима возвестих вся судьбы уст Твоих</i>	80
14. <i>На пути свидений Твоих насладихся, яко о всяком богатстве</i>	83
15. <i>В заповедех Твоих поглумлюся, и уразумею пути Твоя</i>	86
16. <i>Во оправданиях Твоих поучуся, не забуду словес Твоих</i>	90
ТРЕТЬЕ ВОСЬМИСТИШЕ. Третья буква гѣмель значит верблюд	
17. <i>Воздаждь рабу Твоему, живи мя, и сохраню словеса Твоя</i>	94
18. <i>Открой очи мои, и уразумею чудеса от закона Твоего</i>	97
19. <i>Пришлец аз есмь на земли: не скрый от мене заповеди Твоя</i>	101
20. <i>Возлюби душа моя возжелати судьбы Твоя на всякое время</i>	104
21. <i>Запретил еси гордым: проклѣти уклоняющіеся от заповедей Твоих</i>	107
22. <i>Отыми от мене понос и уничижение, яко свидений Твоих взысках</i>	111
23. <i>Ибо седоша князи, и на мя клеветаху, раб же Твой глумляшеся во оправданиях Твоих</i>	114
24. <i>Ибо свидения Твоя поучение мое есть, и совети мои оправдания Твоя</i>	117
ЧЕТВЕРТОЕ ВОСЬМИСТИШЕ. Четвертое восьмистишие характеризуется буквою дѣлет — дверь	
25. <i>Прильпе земли душа моя: живи мя по словеси Твоему</i>	121

26. <i>Пути моя возвестих, и услышал мя еси: научи мя оправданием Твоим</i>	128
27. <i>Путь оправданий Твоих вразуми ми, и поглумлюся в чудесех Твоих</i>	134
28. <i>Воздрема душа моя от уныния, утверди мя в словесех Твоих</i>	140
29. <i>Путь неправды отстави от мене, и законом Твоим помилуй мя</i>	148
30. <i>Путь истины изволих, и судьбы Твоя не забых</i>	152
31. <i>Прилепихся свидением Твоим, Господи, не посрами мене</i>	158
32. <i>Путь заповедей Твоих текох, егда разширил еси сердце мое</i>	164
ПЯТОЕ ВОСЬМИСТИШЕ. Пятое восьмистишие охарактеризовано буквою ге — вот	
33. <i>Законоположи мне, Господи, путь оправданий Твоих, и възыщу и выну</i>	169
34. <i>Вразуми мя, и испытаю закон Твой, и сохраню и всем сердцем моим</i>	176
35. <i>Настави мя на стезю заповедей Твоих, яко тую восхотех</i>	183
36. <i>Приклони сердце мое во свидения Твоя, а не в лихоимство</i>	188
37. <i>Отврати очи мои, еже не видети суеты; в пути Твоем живи мя</i>	196
38. <i>Постави рабу Твоему слово Твое в страх Твой</i>	203
39. <i>Отыми поношение мое, еже непщевах, яко судьбы Твоя благи</i>	210
40. <i>Се возжелал заповеди Твоя, в правде Твоей живи мя</i>	216

Печать и текст: Киевская Духовная Академия и Семинария, 2008 г.

ШЕСТОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ. Шестое восьмистишие идет под буквою *вав* — *крюк* 222

41. *И да приидет на мя милость Твоя, Господи, спасение Твое по словеси Твоему* 223

42. *И отвечаю поношающим ми слово, яко уповах на словеса Твоя* 227

43. *И не отыми от уст моих словесе истинна до зела, яко на судьбы Твоя уповах* 232

44. *И сохраню закон Твой выну, в век и в век века* 238

45. *И хождах в широте, яко заповеди Твоя взысках* 243

46. *И глаголах о свидениях Твоих пред цари, и не стыдяся* 250

47. *И поучахся в заповедех Твоих, яже возлюбих зело* 254

48. *И воздвигох руце мои к заповедем Твоим, яже возлюбих, и глумляхся во оправданиях Твоих* . . . 257

СЕДЬМОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ. Седьмое восьмистишие идет под буквою *заин* — *маслина* 261

49. *Помяни словеса Твоя рабу Твоему, ихже упование дал ми еси* 262

50. *То мя утеши во смирении моем, яко слово Твое живи мя* 267

51. *Гордии законопреступоваху до зела, от закона же Твоего не уклонихся* 272

52. *Помянух судьбы Твоя от века, Господи, и утешихся* 278

53. *Печаль прият мя от грешник, оставляющих закон Твой* 282

54. *Пета бяху мне оправдания Твоя, на месте пришедьствия моего* 286

Подготовлено для онлайн библиотеки Киевской Духовной Академии и Семинарии
http://Lib.kdais.kiev.ua

55. *Помянух в нощи имя Твое, Господи, и сохраних закон Твой* 290

56. *Сей бысть мне, яко оправданий Твоих взысках* 294

ВОСЬМОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ. Восьмое восьмистишие идет под буквою *хет* — *грех* 297

57. *Часть моя еси, Господи; рех сохранить закон Твой* 299

58. *Помолихся лицу Твоему всем сердцем моим: помилуй мя по словеси Твоему* 303

59. *Помыслих пути Твоя, и возвратих нозе мои во свидения Твоя* 306

60. *Уготовихся и не смутихся сохранить заповеди Твоя* 310

61. *Ужя грешник обязашася мне: и закона Твоего не забых* 313

62. *Полунощи востах исповедатися Тебе о судьбах правды Твоея* 316

63. *Причастник аз есмь всем боящимся Тебе, и хранящим заповеди Твоя* 321

64. *Милости Твоея, Господи, исполнь земля, оправданием Твоим научи мя* 323

ДЕВЯТОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ. Девятое восьмистишие идет под буквою *тет* — *брение* 327

65. *Благость сотворил еси с рабом Твоим, Господи, по словеси Твоему* 329

66. *Благости и наказанию и разуму научи мя, яко заповедем Твоим веровах* 332

67. *Прежде даже не смирити ми ся, аз прегреших, сего ради слово Твое сохраних* 336

68. *Благ еси Ты, Господи, и благостию Твоею научи мя оправданием Твоим* 339

69. Умножися на мя неправда гордых, аз же всем сердцем моим испытаю заповеди Твоя	342
70. Усырися, яко млеко, сердце их, аз же закону Твоему поучихся	345
71. Благо мне, яко смирил мя еси, яко да научуся оправданием Твоим	349
72. Благ мне закон уст Твоих, паче тысяч злата и серебра	352
ДЕСЯТОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ. Десятое восьмистишие идет под словом иод — рука	
73. Руце Твои сотвористе мя, и создасте мя: вразуми мя, и научуся заповедем Твоим	355
74. Боящиеся Тебе узрят мя, и возвеселятся, яко на словеса Твоя уповах	359
75. Разумех, Господи, яко правда судьбы Твоя, и воистинну смирил мя еси	362
76. Будь же милость Твоя, да утешит мя по словеси Твоему, рабу Твоему	364
77. Да придут мне щедроты Твоя, и жив буду, яко закон Твой поучение мое есть	367
78. Да постыдятся гордии, яко неправедно беззаконноваша на мя, аз же поглумлюся в заповедех Твоих	370
79. Да обратят мя боящиеся Тебе и ведящии свидения Твоя	372
80. Будь сердце мое непорочно во оправданиях Твоих, яко да не постыжуся	375
ОДИННАДЦАТОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ. Одиннадцатое восьмистишие идет под буквою каф — ладонь	
81. Исчезает во спасение Твое душа моя, на словеса Твоя уповах	379

82. Исчезоша очи мои в слово Твое, глаголюще: когда утетиши мя?	382
83. Зане бых яко мех на слане; оправданий Твоих не забых	384
84. Колико есть дней раба Твоего? Когда сотвориши ми от гонящих мя суд?	387
85. Поведаша мне законопреступницы глумления, но не яко закон Твой, Господи	390
86. Вся заповеди Твоя истина, неправедно погнаша мя, помози ми	392
87. Вмале не скончаша мене на земли, аз же не оставих заповедей Твоих	395
88. По милости Твоей живи мя, и сохраню свидения уст Твоих	397
ДВЕНАДЦАТОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ. Двенадцатое восьмистишие следует под буквою или словом ла́мед — учить	
89. Во век, Господи, слово Твое пребывает на небеси	400
90. В род и род истина Твоя; основал еси землю, и пребывает	404
91. Учинением Твоим пребывает день, яко всяческая работна Тебе	408
92. Яко аще бы не закон Твой поучение мое был, тогда убо погибл бых во смирении моем	411
93. Во век не забуду оправданий Твоих, яко в них оживил мя еси	415
94. Твой есмь аз, спаси мя, яко оправданий Твоих взысках	417
95. Мене ждаша грешницы погубити мя, свидения Твоя разумех	421
96. Всякия кончины видех конец: широка заповедь Твоя зело	424

ТРИНАДЦАТОЕ ВОСЬМИСТИШЕ. Тринадцатое восьмистишие идет под буквою или словом *мем* — *пятно* 428

97. *Коль возлюбих закон Твой, Господи, весь день поучение мое есть* 428

98. *Паче враг моих умудрил мя еси заповедю Твоею, яко в век моя есть* 431

99. *Паче всех учащих мя разумех, яко свидения Твоя поучение мое есть* 434

100. *Паче старец разумех, яко заповеди Твоя взысках* 436

101. *От всякаго пути лукава возбраних ногам моим, яко да сохраню словеса Твоя* 439

102. *От судеб Твоих не уклонихся, яко Ты законоположил ми еси* 442

103. *Коль сладка гортани моему словеса Твоя, паче меда устом моим* 445

104. *От заповедей Твоих разумех, сего ради возненавидех всяк путь неправды* 447

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ВОСЬМИСТИШЕ. Четырнадцатое восьмистишие идет под буквою *нун*, что означает *племя* 450

105. *Светильник ногама моима закон Твой, и свет стезям моим* 452

106. *Кляхся и поставих сохранить судьбы правды Твоея* 454

107. *Смирися до зела, Господи, живи мя по словеси Твоему* 456

108. *Вольная уст моих благоволи же, Господи, и судьбам Твоим научи мя* 459

109. *Душа моя в руку Твою выну, и закона Твоего не забуду* 462

110. *Положиша грешницы сеть мне, и от заповедей Твоих не заблудих* 464

111. *Наследовах свидения Твоя во век, яко радование сердца моего суть* 466

112. *Приклоних сердце мое сотворити оправдания Твоя в век за воздаяние* 469

ПЯТНАДЦАТОЕ ВОСЬМИСТИШЕ. Заголовка к этому восьмистишию *самех* — *подпора* 472

113. *Законопреступный возненавидех, закон же Твой возлюбих* 473

114. *Помощник мой и заступник мой еси Ты, на словеса Твоя уповах* 475

115. *Уклонитесь от мене лукавнующии, и испытаю заповеди Бога моего* 478

116. *Заступи мя по словеси Твоему и жив буду, и не посрами мене от чаяния моего* 480

117. *Помози ми, и спасуся, и поучуся во оправданиях Твоих выну* 483

118. *Уничжил еси вся отступающия от оправданий Твоих, яко неправедно помышление их* 486

119. *Преступающия непщевах вся грешныя земли, сего ради возлюбих свидения Твоя* 489

120. *Пригвозди страху Твоему плоти моя, от судеб бо Твоих убояхся* 493

ШЕСТНАДЦАТОЕ ВОСЬМИСТИШЕ. Заголовка к этому восьмистишию *аин* — *глаз* 496

121. *Сотворих суд и правду, не предаждь мене обидящим мя* 499

122. *Восприими раба Твоего во благо, да не оклеветают мене гордии* 501

123. *Очи мои исчезосте во спасение Твое и в слово правды Твоея* 503

124. Сотвори с рабом Твоим по милости Твоей, и оправданием Твоим научи мя	505
125. Раб Твой есмь аз: вразуми мя, и увем свидения Твоя	509
126. Время сотворити Господеви: разориша закон Твой	512
127. Сего ради возлюбих заповеди Твоя паче злата и топазия	516
128. Сего ради ко всем заповедем Твоим направляхся, всяк путь неправды возненавидех	519
СЕМНАДЦАТОЕ ВОСЬМИСТИШЕ. Заголовка к этому восьмистишию не — уста	
129. Дивна свидения Твоя, сего ради испыта я душа моя	522
130. Явление словес Твоих просвещает и умудряет младенцы	526
131. Уста моя отверзох, и привлекох дух, яко заповедей Твоих желал	528
132. Призри на мя и помилуй мя, по суду любящих имя Твое	531
133. Стопы моя направи по словеси Твоему, и да не обладает мною всякое беззаконие	534
134. Избави мя от клеветы человеческия, и сохрани заповеди Твоя	536
135. Лице Твое просвети на раба Твоего, и научи мя оправданием Твоим	539
136. Исходища водная изведосте очи мои, понеже не сохраних закона Твоего	541
ВОСЕМНАДЦАТОЕ ВОСЬМИСТИШЕ. Восемнадцатое восьмистишие идет под буквою ца́де — бок, сторона	
137. Праведен еси Господи, и прави суди Твои	544

138. Заповедал еси правду свидения Твоя, и истину зело	546
139. Истаяла мя есть ревность Твоя, яко забыша словеса Твоя врази мои	548
140. Разжжено слово Твое зело, и раб Твой возлюбил е	550
141. Юнейший аз есмь и уничижен, оправданий Твоих не забых	552
142. Правда Твоя, правда во век, и закон Твой истина	554
143. Скорби и нужди обретоша мя, заповеди Твоя поучение мое	556
144. Правда свидения Твоя в век: вразуми мя, и жив буду	557
ДЕВЯТНАДЦАТОЕ ВОСЬМИСТИШЕ. Девятнадцатое восьмистишие идет под буквою или словом куф, что значит обезьяна	
145. Воззвах всем сердцем моим, услыши мя, Господи, оправдания Твоя възыщу	561
146. Воззвах Ти, спаси мя, и сохрани свидения Твоя	563
147. Предварих в безгодии, и воззвах, на словеса Твоя уповах	565
148. Предваристе очи мои ко утру, поучитися словесем Твоим	567
149. Глас мой услыши, Господи, по милости Твоей, по судьбе Твоей живи мя	569
150. Приближишася гонящии мя беззаконием, от закона же Твоего удалишася	571
151. Близ еси Ты, Господи, и вси путие Твои истина	572
152. Исперва познах от свидений Твоих, яко в век основал я еси	574

ДВАДЦАТОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ. Двадцатое восьми-
стишие идет под буквою *реш* — *голова* 576

153. *Виждь смирение мое, и изми мя, яко закона
Твоего не забудь* 577

154. *Суди суд мой, и избави мя, словесе ради
Твоего живи мя* 579

155. *Далече от грешник спасение, яко оправданий
Твоих не взыскаша* 582

156. *Щедроты Твоя многи, Господи, по судьбе
Твоей живи мя* 585

157. *Мнози изгоняющи мя и стужающи ми, от
свидений Твоих не уклонихся* 588

158. *Видех неразумеваящия и истаях, яко словес
Твоих не сохраниша* 590

159. *Виждь, яко заповеди Твоя возлюбих. Господи,
по милости Твоей живи мя* 593

160. *Начало словес Твоих истина, и во век вся
судьбы правды Твоя* 596

ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ. Восьми-
стишие это обозначается буквою или словом *шин* — *зуб* 599

161. *Князи погнаша мя туне, и от словес Твоих
убояся сердце мое* 600

162. *Возрадуюся аз о словесех Твоих, яко обрета-
яй корысть многу* 602

163. *Неправду возненавидех и омерзих, закон же
Твой возлюбих* 604

164. *Седмерицею днем хвалих Тя о судьбах прав-
ды Твоя* 606

165. *Мир мног любящим закон Твой, и несть им
соблазна* 608

166. *Чаях спасения Твоего, Господи, и заповеди
Твоя возлюбих* 611

167. *Сохрани душа моя свидения Твоя, и возлюби
я зело* 613

168. *Сохраних заповеди Твоя и свидения Твоя,
яко вси путие мои пред Тобою, Господи* 615

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ. Последнее
восьмистишие идет под буквою *тав*, что означает
знак 617

169. *Да приблизится моление мое пред Тя, Гос-
поди, по словеси Твоему вразуми мя* 618

170. *Да внидет прошение мое пред Тя, Господи,
по словеси Твоему избави мя* 621

171. *Отрыгнут устне мои пение, егда научиши
мя оправданием Твоим* 623

172. *Провещает язык мой словеса Твоя, яко вся
заповеди Твоя правда* 626

173. *Да будет рука Твоя еже спасти мя, яко
заповеди Твоя изволих* 628

174. *Возжелах спасение Твое, Господи, и закон
Твой поучение мое есть* 631

175. *Жива будет душа моя, и восхвалит Тя, и
судьбы Твоя помогут мне* 633

176. *Заблудих яко овча погибшее, взыщи раба
Твоего, яко заповедей Твоих не забудь* 636

Свидетельство ДК № 95 от 26.06.2000г.
Издательство ЗАО "Тираж-51".
Адрес издательства: 84313, Донецкой обл.,
г. Краматорск, ул.Орджоникидзе 10/4.
Издательство ЗАО "Тираж-51" - набор, верстка,
оригинал-макеты, художественное оформление,
подготовка текста, тиражирование, переплет, издание.
Отпечатано с готовых диапозитивов, изготовленных в
дизайн -центре издательства ЗАО "Тираж-51",
в типографии ЗАО "Тираж-51."
Подписано к печати 12.08.02 Тираж 40000 Заказ 12/08
Печать офсетная.
Адрес : 84313, Донецкой обл.,
г. Краматорск, ул.Орджоникидзе 10/4.